

76.11.223
ЖС 73

А. М. ЖИРЕНЧИН

ИЗ
ИСТОРИИ
КАЗАХСКОЙ
КНИГИ

420975

А. М. ЖИРЕНЧИН

ИЗ
ИСТОРИИ
КАЗАХСКОЙ
КНИГИ

АЛМА-АТА
«КАЗАХСТАН»
1987

76.11 к23
Ж 66

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

академик АН КазССР А. Х. Маргулан,
зав. отделом редких книг и рукописей
Государственной республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина
С. М. Ахинжанова

Научный редактор
канд. истор. наук Н. Э. Масанов

Жиренчин А. М.

Ж 66 Из истории казахской книги.— Алма-Ата: Казахстан,— 1987.— 144 с.

Это первый обобщающий труд по истории казахской книги. В плане преемственности дается исторический обзор древних рукописей и книг, созданных на древнетюркских языках, рассказывается о восточных поэтах и ученых минувших лет, о переводах восточной и русской литературы на казахский язык, а затем о первых печатных казахских книгах, в числе авторов которых были Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев. В работе рассматривается тематика печатных книг на казахском языке, отражение в них жизни народа, его художественной культуры. говорится о становлении демократического направления в казахской литературе в начале XX века.

Адресуется любителям книги, работникам библиотек, книговедам, всем, кто интересуется историей культуры казахского народа.

Ж 4503000000—036 157—86
401(05)—87

76.11

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1987.

Абусагит Мусульманкулович Жиренчин
ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ КНИГИ

Редактор Н. Н. Королева. Мл. редактор О. Е. Ходаева. Художник Л. Тетенко.
Художественный редактор О. Шиленко. Технический редактор Л. И. Конькова.
Корректор А. Р. Жагпарова

ИБ № 2894

Сдано в набор 1.07.86. Подписано в печать 11.02.87. УГ 27010. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага № 1. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56.
Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 7,89. Тираж 7000 экз. Заказ № 1021. Цена 80 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета
Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий
«Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Гагарина, 93.

Свердловская областная библиотека
им. А. М. Горького
г. Свердловск

426975

Благодаря постоянному стремлению людей к знаниям сегодня — в последнюю четверть XX века — в эпоху гигантского роста научно-технической информации и стремительного технического прогресса жизнь человека немислима без книги. Поэтому изучение ее прошлого, настоящего и будущего представляет огромный научный и практический интерес.

Территория Средней Азии и Казахстана богата древними памятниками материальной и духовной культуры. Узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки после победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря ленинской национальной политике партии стали достойными преемниками культурного наследия своих предков, одной из важнейших частей которого является книга. «История, революция, их памятники — это могучий источник воспитания народа, — как говорилось на XXVII съезде партии. — И людей наших надо воспитывать так, чтобы они были ревностными хранителями духа народного, который живет в памятниках истории и культуры...»¹. Прослеживая путь развития книги, мы одновременно познаем духовную культуру и историю народов.

Некогда древние города Баласагун, Мерв, Бухара, Тараз, Отрар, Герат, Туркестан, Сарай имели библиоте-

---

* Редактирование рукописи осуществлялось без обычной в таких случаях работы с автором: он умер в 1975 г. Поэтому многие затронутые в книге проблемы освещены на уровне их изученности в 70-х годах, сохранена также авторская оценка некоторых аспектов темы, часть вопросов дана в дискуссионном плане.

¹ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1986, т. 1, с. 237.

ки, обсерватории, школы-медресе, книжные лавки, ксилографические и литографические мастерские, а Самарканд — даже бумажную фабрику. В настоящее время часть редчайших трактатов, манускриптов, ксилографических изданий древних восточных авторов хранится в крупнейших библиотеках Москвы, Ленинграда, Еревана, Ташкента, Парижа, Лондона, Лейдена, Копенгагена, Стамбула, Каира, Тегерана, Канпура и других городов, но, к сожалению, многое из книжного и рукописного наследия утрачено.

Новую страницу духовной культуры среднеазиатских народов составляет история развития национального книгопечатания, возникшего под прогрессивным влиянием русской культуры.

Советское книговедение успешно развивает традиции отечественной науки в этой области. Уже вышел капитальный двухтомный труд, посвященный 400-летию русского книгопечатания, под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова, а также сборник статей в связи с 500-летием со дня смерти И. Гутенберга*. В нем опубликованы ценные исследования А. А. Сидорова, А. И. Маркушевича, Е. С. Лихтенштейна, Е. Л. Немировского и др. Кроме того изданы интересные работы видных советских книговедов: Н. Г. Малыхина (1965), Г. Н. Чаброва (1966), А. В. Западова (1967), А. И. Назарова (1968), И. Е. Баренбаума (1971), Е. А. Динерштейна (1974) и др. В настоящее время успешно продолжается исследование различных книговедческих проблем.

Несколько иная картина предстает при изучении истории национальных книг и книгоиздательского дела народов Средней Азии и Казахстана. Оно только начинается. Обращаясь к материалам дореволюционной казахской рукописной и печатной книги, необходимо подчеркнуть, что по ее истории нет специальных работ. По этому вопросу в основном встречаются фрагментарные сведения и упоминания в каталогах, проспектах, библиографических списках, архивных документах, мемуарных источниках, некоторых брошюрах, статьях и записках казенных и частных издательств, выпускавших книги на восточных, в том числе и на казахском, языках.

Из работ, в какой-то мере относящихся к истории ка-

---

* Изобретатель первого печатного станка в Европе.

захской книги дооктябрьского периода, можно назвать книгу Н. П. Лихачева², в которой имеются сведения о типографиях в Казани и печатавшихся в них восточных книгах, включая казахские. В вышедшем там же труде проф. Н. П. Загоскина³ вместе с историей университета рассказывается и о его издательской деятельности, в частности об открытии Азиатской типографии, ее оборудовании и восточных книгах, в том числе и на казахском языке (т. II). Несколько ранее Казанским университетом был издан наиболее полный каталог восточных книг⁴.

Для нас представляют интерес и работы советских книговедов, посвященные дореволюционному книгоиздательству тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Кавказа. Это в первую очередь исследования проф. Г. Н. Чаброва, статьи и очерки Е. К. Бетгера, А. А. Семенова, В. Г. Долинской, М. И. Рустамова, А. Г. Каримуллина, А. Язбердыева⁵. В них описана в основном история книги в Средней Азии и отчасти в Восточном Туркестане.

По истории дореволюционной казахской книги до 50-х годов почти не было опубликованных работ, если не считать кратких библиографических указателей Н. С. Сабитова по истории и литературе казахского народа⁶. В указателях приведена небольшая часть доре-

---

² *Лихачев Н. П.* Книгопечатание в Казани. За первое 50-летие существования в этом городе типографии. СПб., 1895.

³ *Загоскин Н. П.* История Казанского университета за 100 лет его существования. В 4-х томах. Казань, 1904.

⁴ Каталог книг, отпечатанных в типографии императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год. Казань, 1896.

⁵ *Бетгер Е. К.* Из истории книжного дела в Узбекистане (к 70-летию появления первой узбекской литографической книги).— Изв. АН УзССР, 1951, № 2; *Семенов А. А.* Предисловие.— В кн.: Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР. Ташкент, 1952, т. I; *его же.* Описание восточных литографированных книг Фундаментальной библиотеки Ташкентского государственного университета. Ташкент, 1963; *Чабров Г. Н.* Книгоиздательское дело в дореволюционной Средней Азии (1871—1917).— Ученые записки Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами, 1966; *Рустамов М. И.* История книги и книжного дела в Средней Азии (вторая половина XIX — первая четверть XX века). Ташкент, 1968; *Каримуллин А. Г.* Татарская книга. Казань, 1974; *Язбердыев А.* Из истории библиографирования национальной печати народов Средней Азии второй половины XIX и первой четверти XX века. Ашхабад, 1974.

⁶ *Сабитов Н. С.* Библиографический указатель материалов по истории Казахстана. Алма-Ата, 1947; *его же.* Библиографический указатель казахской литературы (1862—1917 гг.). Алма-Ата, 1948.

волюционных казахских книг, которые хранятся в фондах Государственной республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина в Алма-Ате. Положительным явлением в исследовании истории казахской книги стали работы Х. Бекхожина, Б. Кенжебаева и других по дореволюционной казахской периодической печати. Однако развитие самой дореволюционной казахской книги осталось без должного внимания. По-прежнему по этой проблеме нет значительных публикаций.

В настоящем исследовании мы попытались восполнить данный пробел, осветив путь развития казахской книги от древних письменных памятников и рукописей к произведениям выдающихся ученых, поэтов и мыслителей прошлого народов Средней Азии и Казахстана. Из этого богатого культурного наследия в историческом аспекте рассматриваются те рукописи, литературные и научные произведения, которые способствовали духовному развитию казахского народа. В работе прослеживается эволюция книги от религиозной, светской и просветительской к прогрессивной — демократической и революционной. Все это позволит показать ее влияние на развитие общественной мысли казахского народа, его культуры и литературы.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

1.1. ИСТОКИ ПИСЬМА

Происхождение письменности является одной из сложных проблем современного языкознания. Как справедливо подчеркивается в работах выдающихся теоретиков письма, человечество прошло трудный путь от передачи мысли и отдельного слова с помощью рисунка до сознательного выделения слогов и звуков. До появления собственно письма употреблялись мнемонические знаки, которые должны были познакомить субъекта с содержанием сообщения без соотнесения его с единицами речи. В письме же как таковом фиксируется не только общий смысл сообщения, но и речь с ее грамматическими и словарными особенностями. Существует несколько основных разновидностей письма: словесное (логографическое), словесно-слоговое, «слоговое» (силлабическое), буквенное (алфавит). В них имеются системы знаков, называемые графемами, каждая из которых соответствует определенной единице речи: слову определенного звучания — в словесном письме, последовательности значащих звуков — в «слоговом», звуку (фонеме) — в буквенном письме, или алфавите¹.

В своем развитии письмо шло от пиктографии — передачи информации с помощью рисунков, к идеографии, т. е. к фиксации сообщений с помощью отдельных рисунчатых знаков — идеограмм. В процессе этого перехода происходило закрепление за каждым рисунком-символом в сознании носителей языков определенного значения — словесного или фразового. И поскольку абстрактные понятия нельзя было передать путем прямой зарисовки, то

¹ См.: Дьяконов И. М. Предисловие. — В кн.: Иоганнес Фридрих. История письма. М., 1979, с. 9—10.

их изображали с помощью конкретных предметов, ассоциируемых с абстракциями, особых условных знаков или звуковых ребусов. Но письмо не всегда развивалось в такой последовательности: пиктография — идеография — словесное, словесно-слоговое — «слоговое» и, наконец, буквенное. Нередко в чистом виде стадия словесного письма может быть не представлена, не развивается и буквенное письмо. Оно может консервироваться на словесно-слоговой или «слоговой стадии»².

В большинстве языков связную речь невозможно выразить лишь последовательным размещением знаков, поэтому словесное письмо — это чаще всего лишь переходный этап в развитии письменности.

В основе современной письменности лежит древнее письмо. Из словесно-слоговых систем письма известны: древнеегипетское письмо (не позже начала III тысячелетия до н. э.); шумерское письмо (не позже первой четверти III тысячелетия до н. э.) и происшедшая от него ассири-вавилонская клинописная система; эламское иероглифическое письмо (с III тысячелетия до н. э.); протоиндийское письмо (с первой половины III тысячелетия до н. э.); критское (минойское) письмо (с конца III — до конца II тысячелетия до н. э.) и линейные письменности А и Б; лувийское (хеттское) иероглифическое письмо (II—I тысячелетия до н. э.); китайская иероглифика (со II тысячелетия до н. э.) и развившиеся из нее письменности Дальнего Востока; письмо майя (с I тысячелетия н. э.); полупиктографическое письмо ацтеков; словесно-слоговые письменности ван и менде в Африке и др.

«Слоговые» системы письма — обычно продукт эволюции иероглифических письменностей. Особенно широко они распространены в Индии и Юго-Восточной Азии. Наиболее ранние письменности этого ареала — кхарошхи и брахми — относятся к IV—III вв. до н. э.

Буквенные системы письма (алфавиты) почти все восходят к древнейшему семитскому письму Финикии, Сирии и Палестины³.

Письменность народов Средней Азии и Казахстана возникла в раннем средневековье. За свою многовеко-

² Дьяконов И. М. Предисловие, с. 10.

³ Дьяконов И. М. Предисловие, с. 26—28. Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950; Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.

вую историю они сменили несколько систем письменности: древнетюркскую, хорезмийскую, согдийскую, уйгурскую, манихейскую, арабскую, латинскую. Теперь народы республик Советского Востока пользуются русским звуково-буквенным письмом.

Из данных археологии и достижений науки по изучению различных письмен, выявленных особенно интенсивно во второй половине XIX — начале XX века, известно, что ни одна цивилизация в прошлом не развивалась изолированно друг от друга. Факты взаимовлияния можно установить и в истории народов Средней Азии и Казахстана.

В нашем веке — в веке растущей коммуникабельности нельзя рассматривать исторические явления, происходящие в одной части света, в отрыве от событий на других континентах.

Чем больше развиваются наука и средства общения, тем больше потребности человечества не только во взаимосвязи, но и во взаимообмене материальными и духовными ценностями.

1.2. ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ (VI—IX вв.)

Одним из древнейших типов буквенного письма является древнетюркская письменность, которая легла в основу письменности тюркоязычных народов Средней Азии, Поволжья, Закавказья и Казахстана. Она возникла в VI—VII веках⁴. Ее родина — Центральная Азия. Здесь, на развалинах предтюркских этнополитических образований, в раннем средневековье сложилось древнетюркское государство, просуществовавшее с начала VI до середины VIII века⁵. Его огромная территория простиралась от Китая до Персии и далее на запад до границ Византийской империи. Через территорию Тюркского каганата (куда входил и Восточный Туркестан) проходил Великий шелковый путь — торговая артерия, соединявшая Восток и Запад.

Начало политическому объединению тюркских племен положил знатный династийный род ашина, вокруг которого произошла концентрация различных тюркских

⁴ История Казахской ССР. В 5-ти томах. Алма-Ата, 1977, т. 1, с. 436.

⁵ См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.—Л., 1964, и др.

и тюркизированных этнических групп. Племена, объединившиеся под его началом, китайцы называли «тюкью», т. е. «тюрк», «тюркюты».

Дошедшие до нас древнетюркские письменные памятники говорят о стремлении тюрков к объединению и независимости в политическом, экономическом и культурном отношениях. Крупным достижением в развитии культуры этих народов стало изобретение древнетюркского письма.

Исследователи значительно расходятся в хронологии его появления⁶.

Вплоть до недавнего времени период функционирования древнетюркской рунической письменности определяли VII—IX вв.⁷ Однако недавние находки в Монголии позволили удревнить начальный этап руники. Наиболее древним памятником древнетюркской письменности является Бугутская надпись, относящаяся к последней четверти VI в., т. е. ко времени существования Первого Тюркского каганата⁸.

Один из самых ранних памятников древнетюркской письменности был обнаружен в 1896—1897 гг. в Казахстане близ г. Джамбула (б. Аулие-Ата) российским ученым В. А. Каллауром и финским археологом А. Гейкелем. Они зафиксировали пять камней с древнетюркскими надписями.

Открытие же древнетюркской письменности приходится на 20-е годы XVIII в.⁹ Первые образцы надписей были изданы Ф. И. Страленбергом в труде «Северная и восточная части Европы и Азии» (Стокгольм, 1730, на нем. яз.). В 1721 г. исследователь Д. Г. Мессершмидт, посланный Петром I в Сибирь, обнаружил надпись на камне на

---

⁶ Историкографию проблемы подробнее см.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982; Васильев Д. А. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983, и др.

⁷ См. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, и др.

⁸ См.: Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии.— В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 53.

⁹ См.: Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России, с. 308—312, и др.

берегу р. Енисей. Несколько позже, в конце XVIII в., известный ученый П. Паллас опубликовал пять енисейских рунических надписей.

Новый этап в изучении древнетюркских памятников связан с работами Г. И. Спасского, А. Ремюза, Г. Ю. Клапрота и др. В 1889 г. русский ученый Н. М. Ядринцев открыл в долине Коше-Цайдама, на берегу р. Кокшин-Орхон (приток р. Селенги) два больших памятника с надписями, выполненными на китайском алфавите и руническим письмом (на неизвестном еще тогда языке). Эти стелы были поставлены в честь Бильге-кагана и его брата — полководца Кюль-тегина. По следам Ядринцева в 1890 г. там побывала экспедиция финских археологов во главе с А. Гейкелем, а в 1891 г. — экспедиция Российской Академии наук во главе с В. В. Радловым. Вскоре результаты обеих экспедиций были сведены в атласы, содержащие снимки неизвестных надписей, планы развалин, карты их местонахождения¹⁰.

15 декабря 1893 г. датский профессор Вильгельм Томсен, впоследствии избранный членом Российской Академии наук, нашел разгадку енисейско-орхонского письма. Путем соотнесения знаков он заметил, что одни буквы располагаются рядом с другими, и пришел к мысли о их делении на два класса по числу звуков переднего и заднего ряда. Это характерно для строя тюркских языков. Томсену удалось прочесть весь текст, о чем он сообщил в письме к В. В. Радлову. Это событие академики В. В. Бартольд и А. Н. Самойлович отнесли к числу великих открытий XIX века.

В свою очередь В. В. Радлов самостоятельно искал пути к расшифровке и до разгадки письма Томсеном определил полтора десятка знаков. Воспользовавшись открытием датского ученого, 19 января 1894 г. он представил Российской Академии наук свой опыт перевода надписей в честь Кюль-тегина. В. В. Радлов издал ряд своих переводов памятников из Коше-Цайдама.

И после расшифровки было найдено немало памятников древнетюркской письменности. В 1897 г. Е. Н. Клеменц нашел на берегу р. Селенги у почтовой станции

---

¹⁰ См.: Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892—1899, т. I—IV; Inscription de l'Orkhon recueillies par expedition finnoise 1890 et publié par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.

Налайха большой памятник и каменную стелу, поставленную в честь Тоньюкука, знаменитого советника тюркских ханов: Эльтереша (ум. 692 г.), Капагана (ум. 716 г.) и Могиляна (ум. 734 г.). Важную роль в изучении древнетюркских рунических памятников сыграли исследования Е. Н. Клеменц, П. М. Мелиоранского, В. Л. Котвича, А. Н. Самойловича и др.

Памятники древнетюркской письменности выявлены не только в России. В 1799 г. на территории Венгрии в селении святого Николая был найден большой клад золотых сосудов с руническими надписями, похожими на буквы таласского камня, которые прочитал проф. Ю. Немет и отнес к X в.

В Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранятся деревянная палочка с рунами из селений Ачиктас в Киргизии, переведенными Е. Е. Маловым, камни, блюда, сосуды, пряжки с рунами, обнаруженные на Алтае, в Хакасии, Туве и Бурятии. Эту коллекцию дополнили позднейшие находки советских ученых С. В. Киселева, Л. А. Евтюкова, А. К. Боровкина, С. Г. Кляшторного и др. Следует отметить, что собранные ими предметы обнаружены в основном на Алтае. Это говорит о том, что здесь в те далекие времена, по-видимому, был центр древнетюркского государства.

Тюркские рунические памятники локализируются в Монголии (33 памятника), в районе Орхона на Енисее (85 надписей), в Восточном Туркестане, на Таласе (12 надписей), в Фергане, в Восточной Европе. Алтайские, ленские, прибайкальские и северо-кавказские надписи из-за их фрагментарности, по мнению акад. А. Н. Кононова, могут использоваться только как подсобный материал¹¹.

Локальной или региональной группировке памятников рунической письменности соответствует, согласно С. Г. Кляшторному, следующая историко-политическая (этнополитическая) классификация:

1. Памятники Восточнотюркского каганата; к ним относятся орхонские надписи (VII—VIII вв.) и алтайские (VIII в., мелкие, возможно, VII в.).

2. Памятники Кыргызского государства — енисейские и Суджинская надписи.

---

¹¹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников, с. 21; Васильев Д. А. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала, с. 21—42, и др.

3. Памятники Курьканского племенного союза — ленско-прибайкальские надписи (VIII—X вв.).

4. Памятники Западнотюркского каганата — таласские и ферганские надписи (VI—VIII в.).

5. Памятники Уйгурского каганата в Монголии — Селенгинский камень и Карабалгасунская надпись (вторая половина VIII — начало IX в.).

6. Памятники Уйгурского государства в Восточном Туркестане (IX—X вв.) — тексты на бумаге («Гадательная книга») и настенные надписи из Турфана.

7. Памятники Хазарского каганата и Печенежского племенного союза — восточноевропейская руника, таласская еловая палочка и некоторые другие.

Рунические надписи по жанру можно разделить на шесть групп.

1. Историко-биографические надписи: в честь Могиян-хана, Кюль-тегина, Кули-чура, надпись Тоньюкука, Онгинский, Селенгинский, Суджинский, Карабалгасунский камни и др.

2. Эпитафийные надписи — намогильные надписи Енисея, Таласа, Тувы, Хакасии.

3. Надписи на скалах, камнях, строениях (Хойто-Темир и др.).

4. Магические и религиозные тексты: «Гадательная книга», трактат о магических свойствах камней и др.

5. Юридические документы на бумаге из Дуньхуана и Турфана.

6. Метки на бытовых предметах ¹².

Что касается рунической эпиграфики на территории Казахстана, то в целом она является одной из «окраин» рунического письменного ареала. Лишь отдельные знаки этих надписей могут быть сопоставлены с тюркскими графемами, причем это либо знаки простейшей формы, либо знаки, объяснение которых весьма противоречиво. Большую же часть знаков можно определить лишь условно как варианты тех или иных распространенных в ареале графем. Поэтому некоторые исследователи не признают эпиграфику севернее Таласа рунической и высказывают гипотезы о принадлежности этих текстов носителям письменных языков, весьма отдаленных от дан-

---

¹² См.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников, с. 22.

ной историко-географической зоны, или письменных языков, неизвестных до сих пор¹³.

Выдающимся событием в изучении древнетюркской письменности явилась находка ее образцов на бумаге. Накануне первой мировой войны экспедиция известного исследователя А. Стейна обнаружила четыре рукописи. Одна из них — «Книга предсказаний» на 58 листах (116 стр.), остальные — на небольших листках. Все они относятся к середине VIII в. Рукописи находились в одном из хранилищ-складов, в так называемых залах «Тысячи будд» вблизи г. Дуньхуана в Восточном Туркестане. Кроме них найдены бумажные листки с тюркскими рунами в селениях Тунык и Идикут-шари в долине Турфана, юридический документ и документ о магических свойствах камней (магическая минералогия).

Следует сказать, что сам памятник «Тысячи будд» оказался громадной библиотекой-хранилищем, в которой обнаружено множество рукописей уйгурской письменности, на брахми и др. Таким образом, огромная пустыня оказалась гигантским кладом древней культуры народов Центральной Азии.

Большой интерес во всем мире вызвало открытие русской экспедицией во главе со знаменитым путешественником П. К. Козловым в 1907—1909 гг. столицы тангутов Хара-хото. Город расположен в той же долине, что и Дуньхуан. Проведенные раскопки дали около 2500 рукописей и книг, причем большинство из них было написано на неизвестном языке. Вскоре их удалось прочитать с помощью найденного там же словаря, содержащего переводы на китайский и монгольский языки. Сооружение, обнаруженное П. К. Козловым за городом, украшали стенная роспись, культовая живопись будды и светские портреты. Здесь же найдены керамика, фаянс, фарфор, ткани (шелковые, бумажные, шерстяные) и клише для воспроизведения текста ксилографией.

Хорошо сохранилась не только бумага; но и ткани, шелковые живописные обложки книг, которые благодаря сухому песчаному грунту не истлели за 700 лет нахождения в земле. Эта коллекция имела огромное научное значение.

---

¹³ *Васильев Д. А.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала, с. 39.

В процессе исследования древнетюркского письма ученые высказывали различные гипотезы и предположения о его происхождении. Академик В. В. Бартольд писал: «Много по этому вопросу было написано после Томсена, но остается незыблемым установленный Томсеном факт, что орхоно-енисейский алфавит восходит к арамейскому, вероятно, к одной из его иранских разновидностей, причем заимствованный он был превосходно приспособлен к звукам турецкого языка»¹⁴. Того же мнения проф. В. А. Истрин. Он отмечает, что персидское письмо, происшедшее от арамейского, послужило основой для согдийского письма, возникшего на пехлевийской основе (II в. до н. э.). В III—VII вв. появилось хорезмийское письмо. «На той же основе сформировалось и древнейшее тюркское письмо, не совсем точно называемое орхоно-енисейским руническим письмом. Это 38-буквенное письмо применялось в тюркском государстве, существовавшем в Центральной Азии в VI—VIII вв.»¹⁵ Имеются и другие гипотезы.

Итак, наиболее вероятно положение, согласно которому древнейший тюркский рунический алфавит восходит к буквенному письму арамейского происхождения, заимствованному тюрками у ираноязычных народов Средней Азии через посредство пехлевийского, хорезмийского и согдийского алфавита, в разновидности написания «старых согдийских писем из Дуньхуана». Естественно, согдийское письмо в процессе приспособления к особенностям фонетического и морфологического строя тюркских языков претерпело значительные изменения. Место и время возникновения рунического письма остается пока нерешенным вопросом. Специалисты, основываясь на трех его уставах, считают, что рунический алфавит пережил три этапа: 1) арханчский (памятники Семиречья, VI—VII вв.; Енисея, VI—X вв.); 2) классический (памятники Второго каганата, первая половина VIII в.); 3) поздний (памятники эпохи Уйгурского каганата, вторая половина VIII—IX вв., из Восточного Туркестана, IX в.)¹⁶.

В 70-е годы * интерес к проблеме происхождения

¹⁴ Памяти В. Томсена. Л., 1928, с. 10.

¹⁵ Там же, с. 322.

¹⁶ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников, с. 23.

* Прим. ред.

древнетюркской руники обострился в связи с открытием на серебряной чаше из иссыкского кургана (50 км к востоку от Алма-Аты, раскопки К. А. Акишева) надписи, относящейся, по археологическим данным, к периоду не позднее VI—IV вв. до н. э. Письмо этой краткой надписи (направление справа налево, две горизонтальные строки, всего 25 или 26 знаков, из них разных не более 16) до сих пор не расшифровано. Остается неясным и его происхождение. В трех знаках этой надписи, отделенной более чем тысячелетним периодом от старейших из известных до сих пор памятников древнетюркской руники, можно вслед за О. Сулейменовым и А. С. Аманжоловым найти сходство с руническими графемами. Однако это обстоятельство не позволяет делать каких-либо выводов о связи рассматриваемых письменностей, поскольку их сходство может быть случайным. Формы остальных 12 или 13 знаков иссыкской надписи не имеют аналогий в рунических памятниках. Заслуживает внимания структура иссыкских знаков. В них графемообразующую роль играют короткие диагональные штрихи, отходящие от нижней части вертикальной хвосты,—признак, не характерный для структуры древнетюркских рунических графем. Отдельные знаки надписи могут быть с равным успехом сопоставлены с буквами малоазиатских и некоторых других алфавитов греческого происхождения, с индийским письмом кхароштки и другими письменностями. Но на этом нельзя основывать дешифровку или строить выводы о генетических связях иссыкской письменности¹⁷.

В настоящее время известно еще несколько надписей, письмо которых родственно иссыкскому или является его продолжением. Первая — это трилингва из Дашт-е-Навур на Газнийском плато (Центральный Афганистан, в 100 км к юго-западу от Кабула), которую согласно первой версии относят к раннскушанской эпохе, вероятно, к I в., согласно второй — к бактрийскому письму греческого происхождения, а согласно третьей — к индийским кхароштки; следующая — это надпись из Сурх-Котала (Северный Афганистан, II в.); затем фрагменты надписи на керамике из Халчаяна (Южный Узбекистан,

---

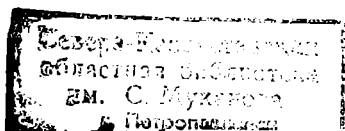
¹⁷ Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности.— Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 3—4.

I—III вв.) и из Кафирниган-тепе (40 км к югу от Душапбе, памятник VII в.), надписи на глиняных сосудах из Фаяз-тепе (район Термеза, слои I—III вв.). Таким образом, перед нами серия памятников неизвестной письменности, обнаруженных на огромной территории — от района Алма-Аты (Иссыкский курган) до Центрального Афганистана — и объемлющих более чем тысячелетний период. Между тем формы знаков этой письменности (в перечисленных памятниках их около 50), в том числе и на иссыкской чаше, в наиболее поздних из указанных надписей не обнаруживают системного сходства с древнетюркской руникой, поэтому нет оснований генетически связывать эти письменности¹⁸.

Естественно, что пока иссыкская надпись и примыкающие к ней по письму памятники не расшифрованы, любые заключения об их языке гипотетичны. Поскольку две версии о надписи из Дашт-е-Навур — бактрийская и пракритская — связывают ее с официальными языками и письменностями Кушанского царства, мы вправе, исходя из третьей версии, предположить, что письмо, которым выполнена надпись, употреблялось достаточно широко в неизвестном нам государстве и принадлежало какой-то части его пестрого в этническом отношении населения. Так как бактрийский язык и письмо принадлежали коренному населению северных областей Кушанского царства (лево- и правобережная Бактрия), а пракрит с письмом кхароштки — населению северо-западной Индии, находившейся под властью кушан, то, возможно, неизвестная письменность скрывает язык пришельцев, из среды которых вышли династии кушанских правителей. Судя по сообщениям письменных источников и памятникам кушанского искусства, этими пришельцами были саки, поэтому предположительно их можно считать носителями неизвестной письменности. Сходную гипотезу высказал К. А. Акишев, рассматривающий иссыкскую надпись как свидетельство высокого уровня социальной организации саков Семиречья в середине I тыс. до н. э.¹⁹ Таким образом, вопрос о происхождении древнетюркской письменности все еще продолжает изучаться и уточняться исследователями различных гуманитарных отраслей науки.

¹⁸ Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности, с. 5.

¹⁹ Там же.

1.3. ПЕРЕХОД ОТ АРАБСКОГО АЛФАВИТА К ЛАТИНСКОМУ И ПРИНЯТИЕ РУССКОЙ ГРАФИКИ

Арабское письмо применялось в Средней Азии и Казахстане в духовных и светских школах, в государственной переписке. В то же время его красивым орнаментированным почерком «сулюс» украшали колонны, карнизы и купола исторических памятников и сооружений: Ахмеда Ясави, Айша-биби в Казахстане, Гур-эмира, Шахи-Зинда в Самарканде и др., а предметы быта из металла, глины и дерева, оружие и монеты — почерком «диван». Рукописи же писались почерком «насталик» специалистами-каллиграфистами. Страницы многих древних и средневековых книг, манускриптов заполнены портретами, рисунками и золотым орнаментом, выполненными нередко на высоком художественном уровне. Ученые и поэты сочиняли свои труды на арабском языке, так как сначала арабский, а затем персидский считались тогда международными языками. Все работы, выдающихся мыслителей Востока — Бируни, Фараби, Фирдоуси, Хайяма написаны на этих языках. Редкие ученые и поэты творили на родном (тюркском) языке, например, Махмуд Кашгари, Алишер Навои, Абулгази-хан и др.

Арабская графика применялась в Средней Азии в течение 900 лет, с X по XX век, т. е. до 1929 г., когда в Средней Азии и Казахстане перешли на латинское письмо. В России книги на языках народов, исповедовавших религию ислам, в том числе и казахского, печатались шрифтом «диван». За время своего длительного существования арабский алфавит подвергался как на родине, так и за ее пределами нескольким унификациям.

Движение за переход на латинский алфавит началось в Советском Союзе после Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало созданию новой материальной и духовной культуры социалистических наций. Арабское письмо, сыгравшее в свое время положительную роль в общественном развитии Средней Азии и Казахстана, в условиях построения нового социалистического общества, казалось многим возрожденным мусульманским народам России тормозом в их историческом прогрессе. Стремление сбросить с себя «ветхое одеяние» прошлого, особенно связанное с религией ислама, его догмами, а также отсталость Востока по срав-

Образец
арабского орнаментального письма.

нению с Западом послужили причиной движения за новый алфавит. Это движение возникло в 1922 г. в Баку, где был организован комитет нового тюркского алфавита, инициатором введения которого являлся видный деятель Советского Востока, один из председателей ЦИКа СССР Н. Нариманов, а также председатель Закавказского ЦИКа Агамалы-оглы. В феврале 1926 г. в Баку проходил Первый тюркологический съезд. На нем обсуждались вопросы, связанные с новым алфавитом.

В Казахстане движение за переход на латинское письмо началось в 1923 г. Шла острая борьба между сторонниками принятия латинского и оставления арабского алфавитов. 19 марта 1927 г. был образован республиканский комитет по созданию нового тюркского алфавита и принято решение о поддержке латинистов. Интересный материал о разгоревшихся по этому вопросу спорах содержит книга, вышедшая тогда в Кызыл-Орде под названием «Дискуссия об алфавитах»²⁰. Большая полемика развернулась по докладу, в котором доказывались

²⁰ Алиппе айтысы. Кызыл-Орда, 1927.

преимущества латинского письма как прямолинейного и однообразного, к тому же применяемого в медицине, геометрии, физике, спорте, в нотной записи и т. д. В свою очередь казахские арабисты приводили доводы в пользу сохранения арабского письма. Во-первых, после реформы арабского алфавита в 1905 г. он стал свободно читаемым, а главное — экономен в печати; во-вторых, арабское письмо лучше отражало сингармонизм казахского языка; в-третьих, писать справа налево по конструкции человеческой руки легче, чем слева направо; в-четвертых, арабская графика не знает заглавных букв, тогда как латинская на письме — одно, а в печати — другое, что затрудняет ее изучение и удорожает печатание).

Высказывались предложения и о переходе на русскую графику. Но было решено использовать латинский алфавит. В Казахстане с 1 января 1929 года латинское письмо было объявлено государственным и повсеместно начали переходить на латинский алфавит. Газеты, журналы, книги стали печатать латинским шрифтом. В школах и ликбезах обучение велось на латинском алфавите.

Все это потребовало новой формы обучения, огромных расходов средств для изготовления шрифтов, издания учебников и подготовки учителей. Казахский латинский алфавит насчитывал 30 букв с небольшими добавлениями к ним знаков для передачи специфических звуков казахского языка. Однако жизнь латинского письма в Казахстане и Средней Азии была короткой, лишь с 1929 по 1939 г.

Надежды сторонников латинского алфавита постичь с его помощью европейскую культуру не оправдались. Овладение латинским письмом механически не обеспечивало овладения достижениями европейского уровня развития культуры, незнание немецкого, английского, французского и итальянского языков лишало возможности пользоваться теми сокровищами знаний, которые содержали книги европейских народов.

Латинисты не смогли организовать в школе даже изучения иностранных языков. Но русский язык как язык межнационального общения, как язык братского народа, язык Пушкина, Толстого, язык великого Ленина начали преподавать во всех национальных школах и учебных заведениях. На повестку дня встал новая задача — освоить культуру русского народа.

Несмотря на кратковременное функционирование латинского письма в Казахстане и Средней Азии, это все же был определенный этап в истории развития казахского письма и книгопечатания. Книги этого периода вошли в фонд национальной по форме и социалистической по содержанию культуры казахского народа.

Быстрое социальное развитие республик в годы первых пятилеток, ликвидация вековой отсталости в области экономики и культуры, бурное развитие науки и техники обусловили всестороннее сближение народов СССР. Социалистические нации, объединенные в единый Союз Советских республик, все больше чувствовали общность своих исторических судеб и совместную перспективу экономического и культурного развития. В решении новых исторических задач, возникших в тот период в духовной жизни национальных республик, большую роль сыграл русский язык, который стал вторым языком для многих народов страны. Повсеместное изучение русского языка открывало перед народами Советского Союза огромные возможности для изучения великого богатства русской культуры, а через нее — путь к познанию европейской культуры.

Следует напомнить, что еще в дореволюционный период начиная со второй половины XVIII в. раздавались голоса о возможности использования русской графики для казахского языка. Большой вклад в разработку этого вопроса сделал позднее выдающийся казахский просветитель И. Алтынсарин. Автор «Самоучителя русской грамоты для киргизов» (1861 г.) Н. И. Ильминский одним из первых создал и применил на практике казахский алфавит на основе русской графики²¹.

В наше время еще в 1939 г. автор этих строк в статье «Назревший вопрос» обосновал необходимость перевода казахского письма на русский алфавит²². В ней подчеркивалось огромное культурное значение перехода языка казахов, узбеков, киргизов, туркменов на русскую графику. Такая перестройка облегчала изучение русского языка и русской культуры, давала экономические выгоды в производстве. Общность интересов и дружба с великим русским народом ставили задачу учиться у него, пе-

---

²¹ См.: Масапов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.

²² Казахстанская правда, 1939, 9 апреля.

ренивать опыт строительства социализма. Кроме того, в статье говорилось о том, что отсутствие в латинском алфавите русских букв «ю», «э», «ш», «ц», «ы» и других не позволяет правильно писать латинизированным казахским алфавитом интернациональные термины и слова, заимствованные из русского языка. Например, социализм писали сотсиализм, Клара Цеткин — Клара Сеткин, Энгельс — Енгельс, Чехов — Шехов, Политбюро — Политбиуро и т. д. Ученикам приходилось изучать сразу два алфавита.

Таким образом, переход к русской графике был назревшим вопросом и важным шагом в истории казахского письма.

Вскоре в республике была создана специальная комиссия. Проект нового алфавита был широко обсужден общественностью. В 1940 г. начался новый этап в истории письменности казахского народа — переход на русский алфавит. Президиум Верховного Совета республики утвердил образец нового казахского алфавита из 42 букв на основе русской графики, из них 19 букв были унифицированы в соответствии с фонетическими особенностями казахского языка. В разработке и развитии нового алфавита активное участие принимали языковеды С. Кенесбаев, М. Балакаев, Г. Мусабаев, С. Аманжолов, И. Сауранбаев и др.

С этого времени печатание казахских книг, газет, журналов, государственная переписка и обучение в школах проводятся на новом казахском алфавите, созданном на основе русской графики.

ДРЕВНЕЙШИЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ,
ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ И КНИЖНОЕ
НАСЛЕДИЕ УЧЕНЫХ, ПОЭТОВ И
МЫСЛИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И
КАЗАХСТАНА

В своей работе о развитии русской книги ее замечательный исследователь, член-корреспондент АН СССР А. А. Сидоров писал, что «в строго историческом плане советская наука уточнила многие вопросы, касающиеся отдельных важных моментов развития книжного дела, его просветительского значения, его экономики в России... Историко-литературное, языковедческое, филологическое изучение книги идет впереди историко-технического, историко-художественного»¹. Согласно этой характеристике историко-филологическое изучение русской книги находится на должном уровне, чего нельзя сказать о рукописных и печатных книгах Средней Азии и Казахстана. Мы начнем его с историко-филологического исследования и не только потому, что казахские книги освещались слабо, но и потому, что история книги каждого народа, в том числе и казахского, носит специфический характер, обусловленный особенностями его исторического развития.

На протяжении многих веков рукописные книги создавались совместными усилиями всех народов Средней Азии и Казахстана. Со времени своего возникновения они носили в основном светский характер («Книга назидания», труды Юсуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари и др.), тогда как у многих западно-европейских народов сначала преобладали церковно-религиозные книги. История средневековых рукописных книг народов Средней Азии и Казахстана тесно переплетается с судьбой этих народов и отражает их борьбу против притеснения захватчиков и гнета феодалов.

---

¹ У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 42.

Для воссоздания целостной картины возникновения и развития книги от рукописной до печатной мы осветим содержание некоторых важнейших рукописных книг, их взаимосвязь и обусловленность временем.

2.1. СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ТЮРКСКИХ РУКОПИСЕЙ

Огромное значение в развитии культурной жизни народов Средней Азии и Казахстана в прошлом имели древние и средневековые рукописные книги.

По рукописным учебникам училось грамоте не одно поколение шакиртов и мюридов в средневековых мектебах и медресе. Ими были религиозные учебники Хаптиек, Иман шарт и Коран. Подобную задачу выполняли Апостол, Библия, Евангелие и Псалтырь у русских, применявшиеся в церковно-приходских школах России почти до XX в. Наиболее древний Коран (VII в.), написанный куфическим почерком, был найден в XIX в. академиком И. Ю. Крачковским, он хранится в Ленинграде.

В мусульманских школах и в народе были распространены в рукописях замечательные произведения, трактаты и сочинения великих среднеазиатских поэтов и ученых: Фараби, Хорезми, Авиценны, Фирдоуси, Бируни, Рашид ад-дина, Омара Хайяма, Джами, Навои, Низам аль-Мулка, Улугбека, Кадыргали, Насреддина Туси и других мыслителей. До недавнего времени, когда уже появились печатные книги, стихи великого казахского поэта Абая Кунанбаева имели хождение в степи в рукописных книгах, выполненных специальными переписчиками за определенную плату. Два таких экземпляра сочинений Абая находятся в мемориальном музее его имени, есть они в фондах Академии наук Казахской ССР.

Во дворцах крупнейших среднеазиатских правителей — Газневидов, Тимуридов, Шейбанидов и Сельджукидов, а также казахских ханов находились на службе десятки штатных профессиональных переписчиков и каллиграфистов, которые соревновались в мастерстве. Исключительно красочно оформляли древние рукописи художники-музаххибы (оформители книг) и мухассибы (портретисты). Они богато украшали титульные листы, придумывали различные заставки и концовки, расписывали заглавные буквы. В некоторых книгах чистые поля страниц покрывались золотым крапом, растительным и

геометрическим орнаментами. Нередко обложка и переплет делались из лаковой и сафьяновой кожи или из шелковой материи с тиснением. Иногда рукописные книги имели специальные футляры с серебряными и золотыми застежками. Такие книги ценились высоко и были собственностью знати. Для небогатых людей, особенно учеников мусульманских школ-медресе — шакиртов, мюридов — предназначались книги в простом переплете, но исполненные четким, красивым почерком — «насталик», «несхи», «диван».

Искусство каллиграфии и оформления книги достигло высокого уровня в древних городах: Бухаре, Самарканде, Герате, Отраре и Туркестане. Эти среднеазиатские города славились не только работами ремесленников и кустарей, золотых и серебряных дел мастеров, но и знаменитыми на весь мир школами каллиграфии. В Самарканде, Герате, Бухаре, ставшими в средневековье центрами науки и искусства, трудились художники, каллиграфы, переписчики, переплетчики рукописных книг. В Самарканде в XV в. работал Абд ал-Хайя, которого Тимур вывез из Багдада (он создал свою школу; его учениками из местных жителей были Пир-Ахмед-баги Шамали, Захируддин Аэхар, Шихабуддин Абдолла, художники Мирехи, Абдурахман Хорезми и его сыновья) и талантливый художник Мухамед Мурад Самарканди, расписавший «Шах-наме» Фирдоуси. В Бухаре жил знаменитый художник Джахангер, которого в народе называли «столпом живописцев», а его достойным учеником был Пир-Сеид Тебризи, учитель самого популярного живописца того времени — художника Камаледдина Бехзады.

В Герате творил известный художник Мир-Али, который писал о тяжелом труде художников-каллиграфистов:

Целую жизнь от упражнений
согнутым был мой стан, как арфа.
До тех пор, пока почерк у меня,
несчастливого, не достиг определенного канона»².

Из сотен шедевров книжной миниатюрной иллюстрации можно назвать следующие: «Шейх Санаана, пасущий свиней» (1553 г.), «Взятие Самарканда войсками

---

² Заходер Б. Н. Казми Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. М.—Л., 1947, с. 136—137.

Чингис-хана», «Фархад рушит киркой скалу» (1521 г.), «Музыканты в саду» (1556 г.), «Портрет Абдулла-хана» (1570 г.), «Придворная сцена» (1572 г.), «Занятия в школе» (XV в.) и т. д.

Творцы миниатюр мухассибы донесли до нас портреты исторических личностей: Навои, Тимура, Абдулла-хана, а музаххибы запечатлели походы арабов, монголо-татарских войск, лирические сцены из известных восточных поэм и легенд: «Фархад и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Юсуф и Зилиха» и др.

В древних книгохранилищах Бухары, Самарканда, Отрара, Тараза, Туркестана, Мерва хранились сотни оригиналов древних и средневековых авторов, в частности, труды с математическими и астрономическими расчетами, выкладками и чертежами — Фараби, Бируни, Улугбека, Насреддина Туси.

Некоторые знаменитые авторы, такие, как Бируни, Фараби, Абулгази и другие, стали известными всему миру благодаря переводам их трудов европейскими и русскими учеными-ориенталистами.

Значение древних рукописей весьма многообразно. Но главное — изучая их, мы познаем культуру и историю минувших эпох.

Особенностями среднеазиатских манускриптов являются их многоалфавитность и многоязычность, что в известной мере затрудняло их изучение. Наиболее ранние из них — это рукописи, выполненные древнетюркским руническим письмом. Последующие более поздние по времени манускрипты написаны арабским алфавитом или на арабском языке. Это свидетельствует о покорении арабскими завоевателями Средней Азии и Восточного Туркестана. Среди таких рукописей первым можно назвать «Кудатгу билиг» — труд Юсуфа Хасс-Хаджиба Баласагуни, написанный в XI в. на арабском языке, арабским алфавитом и на кашгарском (чагатайском) языке уйгурским алфавитом.

Однако большинство средневековых рукописей создано на арабском и персидском языках. Исключение составляют труды Махмуда Кашгари, Кадыргали Хошум Жалаира, Абулгази и других, написанные на различных тюркских языках. Многие рукописи были открыты и опубликованы европейскими учеными, как, например, сочинение Абулгази «Шеджере тюрк», трехтомный сло-

варь М. Кашгари и др. Ряд ценнейших рукописей был прочитан выдающимся казахским ученым Ч. Ч. Валихановым, русскими и советскими учеными В. В. Радловым, И. Н. Березиным, С. Е. Маловым, А. Н. Кононовым и др.

Среднеазиатские манускрипты еще мало изучены, и многие из них до сих пор не изданы. По своему содержанию они различны. Среди них имеются назидательные книги, учебники, словари языков, летописи, математические и астрономические трактаты, эпические циклы, стихи и басни, исторические сочинения и мемуары, в которых наиболее подробно отражена средневековая история периода династий Тимуридов и Шейбанидов.

Среди множества рукописей и манускриптов мы остановимся на тех, которые имели равное значение для народов Средней Азии и Казахстана — узбеков, казахов, туркмен, киргизов, уйгуров и каракалпаков, а также на тех, которые относятся непосредственно к истории казахского народа. Но поскольку речь идет об истории казахской рукописной и печатной книги, то ее изложение будет дано в рамках исторической преемственности и взаимного культурного влияния народов Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья. Вместе с тем не следует забывать об огромном значении изустной традиции, представленной эпическими сказаниями, легендами, преданиями и т. д. К числу наиболее известных памятников относятся: «Огуз-наме» (эпос об Огузхане); рассказы и легенды о Коркут-ате, поэма «Алпамыс», эпос «Манас», сказание о Коруглы-султানে, а также книга «Кодекс куманикус» и другие замечательные образцы тюркской литературы, созданные предками народов Средней Азии и Казахстана. Тогда же они выдвинули плеяду всемирно известных ученых, труды которых оказали огромное влияние на развитие не только среднеазиатской культуры, но и культуры Ирана, арабского Востока, а также Западной Европы. Среди них можно назвать имена таких исторических личностей, как выдающийся математик Мухаммед аль-Хорезми (IX в.), величайший ученый Абу-Наср аль-Фараби (XI в.), известнейший астроном, математик, минеролог — Абу-Рейхан аль-Бируни (X в.), гениальный медик Абу-Али ибн-Сина (X в.), патриарх тюркологии Махмуд Кашгари (XI в.), ученый историк, поэт Юсуф Баласагуни (XI в.), и др.

Прежде чем перейти к историко-филологическому анализу отдельных рукописных книг, необходимо отве-

тить на те вопросы, которые еще не были освещены — это периодизация древних письменных памятников, происхождение и принадлежность древних манускриптов Средней Азии и Казахстана. Кроме того, отдельные литературные памятники, как эпос «Манас», претерпели изменения, разрослись вследствие наслоений времени — добавлений позднейших сказителей. Все эти проблемные вопросы в деле изучения древних рукописей имеют немаловажное значение для советского историка книги. Не претендуя на полноту и исчерпывающее их освещение, мы попытаемся хотя бы вкратце охарактеризовать затронутые вопросы.

2.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Буржуазные ученые как в прошлом, так и в наше время твердили и твердят о неисторичности народов Средней Азии и Казахстана, отрицают самобытность их древней культуры, кричат «о духовной нищете» этих народов. Английский историк Макколлей утверждал: «Вся культура Востока не стоит одной английской книжной полки!» (?), французский журналист Р. Локонтра относил Фараби, Бируни, Авиценну, Рудаки к персидским поэтам и ученым, а западно-европейские ученые Сартон, А. Стейн, Карра де Во — к арабским, ссылаясь на то, что одни из них писали на персидском, а другие — на арабском языке. Буржуазные ученые игнорировали их происхождение. Между тем Абу-Наср аль-Фараби родился в г. Фарабе (Отраре), Мухаммед аль-Хорезми — в г. Хорезме, Абу-Али ибн-Сина — в г. Бухаре.

Исторические факты опровергают домыслы буржуазных ученых. Археологические раскопки советских ученых С. П. Толстова, Г. А. Пугаченковой, В. М. Массона, А. Н. Бернштама, С. И. Руденко, А. Х. Маргулана, К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева и других, произведенные в Средней Азии, на Алтае, в Центральном Казахстане и в Семиречье, открыли богатейшее наследие материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана. «Народы Средней Азии и Казахстана, — говорил в своем докладе, посвященном 50-летию Узбекской ССР, М. А. Суслов, — имеют древнюю культуру. От прошлого здесь сохранилось много прекрасных памятников

зодчества, уникальных произведений орнаментального искусства и литературы»³.

Академики В. В. Радлов, В. В. Бартольд, А. А. Окладников, Б. Гафуров, профессора С. Е. Малов, В. М. Массон в своих многочисленных трудах доказали наличие ранней богатейшей культуры у этих народов в древности. «Действительно, неопровержимые факты свидетельствуют о том, что задолго до нашествия Александра Македонского страны Востока — в том числе и Средняя Азия, играли не только выдающуюся роль в политической и культурной жизни народов, но и стояли во главе тогдашнего цивилизованного мира»⁴, — писал проф. С. И. Григорян.

Ошибки субъективистского характера заключаются в попытках отдельных ученых отнести памятники древнетюркской литературы и их создателей лишь к одному народу. Такой подход искажает историческую действительность. Неправомерность этого утверждения видна хотя бы из того, что тюркоязычные народы в ту эпоху еще не размежевались на отдельные самостоятельные народности, тогда еще не было деления на узбеков, казахов, туркмен, более того, многие среднеазиатские ученые и поэты того времени сами указали на свою принадлежность: к фамилиям они прибавляли название географической местности, где родились (например, Аль-Фараби, Аль-Бируни). Возражая против попытки присвоения творчества древних ученых какому-то из народов Средней Азии, А. Касымжанов писал: «Столь же искусственной модернизацией являются попытки изобразить Аль-Фараби как казаха. Процесс этнического самоопределения в то время еще далеко не завершился. Едва ли справедливым будет утверждение о том, что он — узбек. Оставаясь на почве фактов, можно утверждать, что Аль-Фараби — выходец из тюркского племени, вошедшего позднее в состав казахского народа, что он — деятель, имеющий близкое отношение к культуре народов Советского Востока»⁵. Нельзя не согласиться также с выводом авторов учебника «История литературы народов Средней Азии и Казахстана», в котором говорится,

³ Известия, 1974, 23 октября.

⁴ Григорян С. И. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966, с. 15.

⁵ Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1973, с. XV.

что «памятники древнетюркской рунической и уйгурской письменности принадлежат... всем тюркоязычным народам»⁶.

На таких же позициях стоит акад. Б. Гафуров. В одном из своих выступлений, говоря о древней культуре Средней Азии и Казахстана, он подчеркивает: «Именно в кушанскую эпоху народы Востока ощутили огромное значение связей между государствами и отдельными народами и создали культурные ценности, связывающие все народы огромной империи. И не менее важно, что при этом в процессе ассимиляции сохранились местные традиции и особенности каждой составной части общей культуры... Таким образом, три историко-культурных компонента — местный (бактрийский), эллинский и кочевой, слившись с самобытными традициями народов соседних областей (ныне территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии, Ирана), создали тот сложный и своеобразный комплекс этнокультурных и социально-политических явлений, каким предстает перед нами еще во многом загадочный кушанский мир»⁷.

Глубоко научный вывод Б. Гафурова подтверждается не только данными археологии, но и лингвистики. Один из языковедов в своей статье пишет: «Нечто подобное происходило при распространении тюркских языков с территорий нынешнего Казахстана и Синьцзяна в Среднюю Азию, где тюрки покорили и ассимилировали европеоидное население, говорившее прежде на иранских языках, а затем из Средней Азии в Анатолию, где тюрки, происходящие в значительной части от тюркизованных иранцев-европеоидов, покорили и ассимилировали многочисленное местное население византийской Малой Азии»⁸.

Сравнительно-исторический анализ новейших открытий советской и зарубежной археологической и исторической науки о хунну, Кушанском царстве и Тюркском каганате позволяет приблизительно разделить литературные памятники на три этапа.

Первый этап, самый ранний — с рубежа нашей эры по V в., когда на территорию Казахстана и Средней

⁶ История литературы народов Средней Азии и Казахстана. М., 1960, с. 81.

⁷ Гафуров Б. Курьер Юнеско, 1972.

⁸ См.: Долгопольский А. Б. Какие языки родственны европейским? — Наука и человечество. 1971—1972. М., 1973, с. 113.

Азии проникают первые тюркские группировки и начинается процесс активного перемешивания восточно-иранского и тюркского населения. Этническая ситуация в это время характеризуется сложностью и пестротой. Одни этносы сменяют другие. Политическая гегемония переходит от одного племени к другому: саки, юечжи, усунни, хунну, кангюй, жуаньжуани, теле др. Для этого периода фиксируется лишь несколько генеалогических легенд и преданий. Сюда уходит своими корнями ряд эпических сказаний, в частности об Огуз-кагане, о происхождении усуней, об истории хунну и юечжи, о тюрках-ашина и др. Они являются своеобразными реминисценциями, в которых получили отражение реальные исторические события.

Второй этап — VI—IX вв. — период существования тюркских каганатов. К этому времени относятся памятники древнетюркской письменности.

Третий, поздний этап — X—XIII вв. Это период создания эпосов «Алпамыс», «Коруглы», «Манас», «Кодекс куманикус» и трудов великих ученых и поэтов Средней Азии и Казахстана — Аль-Фараби, Бируни, Ибн-Сины, Хорезми и др.

* * *

На протяжении многих веков народы Средней Азии и Казахстана взаимно обогащались культурными достижениями, а также приобщались к классическому наследию Востока. Такое положительное сочетание обусловлено тем, что родовые и племенные союзы, вошедшие в состав казахского и других тюркоязычных народов: узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков, татар, башкир, уйгуров, якутов и других, некогда жили вместе или по соседству в разные эпохи на огромной территории современной Сибири, Центральной и Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана, в долинах рек и озер: Енисея (Ене-суу)*, Байкала, Орхона, Иртыша, Амударьи, Урала, в Семиречье и Поволжье, в Прикаспийской и Азовской низменностях. Более того, в самом раннем средневековье эти многочисленные тюрко-монгольские племена и народности, говорившие на общем языке, со-

---

* Ене-суу — в переводе с хакасского и казахского языков — «Мать-река». И сейчас в Хакасии реку Енисей называют древним названием — Ене-суу.

вместно пользовались древнетюркской, уйгурской и хорезмийской письменностью.

И в те далекие времена народы Средней Азии и Казахстана создали общие литературные памятники, написанные на древнетюркском, чагатайском, согдийском, хорезмийском и кипчакском языках.

Перейдем к характеристике в историко-филологическом плане отдельных рукописей. Избранный нами сравнительно-исторический метод позволит раскрыть их сущность и значение в культурной жизни народов.

2.3. «ОГУЗ-НАМЕ»

Многие древние рукописи и манускрипты, как уже отмечалось, дошли до нас посредством публикации их русскими и зарубежными учеными. Одним из таких произведений является сказание «Огуз-наме». Его первым исследователем был акад. В. В. Радлов. Он опубликовал в 1890 и 1891 гг. рукопись в полном списке, который содержал несколько коротких рассказов: «История рождения Огуз-хакана», «О восшествии Огуз-хакана на престол», «О походе Огуз-хакана в Туран, Индостан, Иран, Сирию и Египет», «О пире, данном Огуз-хаканом в честь его победы». В «Огуз-наме» имелись сведения о кипчаках, уйгурах, карлуках, а также некоторые географические данные.

Легенды и рассказы об Огуз-хане впервые были приведены в книге «Джами ат-таварих» (XIII в.) известного историка Рашид ад-дина, переведенной с персидского на русский язык проф. И. Н. Березиным и изданной по частям в трудах Восточного отдела Русского археологического общества в 1858, 1861, 1868 гг. Кроме того, сказание было включено в книгу «Шеджере тюрк» историка Абулгази на чагатайском языке, напечатанную Г. С. Саблуковым в 1906 г. в Казанской типографии.

Многие исследователи полагают, что Огуз-хан, одноименный герой эпоса «Огуз-наме», личность легендарная и мифическая. На наш взгляд, имеются определенные сведения о нем, как об исторической личности, жившей во II в. до н. э.

Древнейшие сведения об Огуз-хане и его империи дают китайские летописи. Наиболее достоверные документальные данные об Огуз-хане, его времени, о Восточном Туркестане и Средней Азии в период его правления

заклучены в «Исторических мемуарах» Шицзи, составленных Сы-ма Цянем и Баньгу в династической истории «Цяньханьшу». В нее помимо рассказов о воцарении и походе Огуз-хана включены официальные письма Огуз-хана (по китайской транскрипции — Модэ-шаньюй *) к китайской императрице Гао-хэу, датированные 192 г. до н. э. Кроме этих летописей и исторических мемуаров, о Средней Азии имеются богатейшие дневники и заметки китайских послов, разведчиков, путешественников, буддийских паломников (см. Древние тексты «фанхуа», «хоуханьшоу», «фасяна» (400 г.), Сун-Юня (518—526), Вэйцзе (605—616), Сюанцзяна (629—648). Особенно ценные данные у Сюанцзяна).

Из китайских летописей установлено, что Модэ, сын Туманя (Карахана), жил в II—I вв. до н. э. Еще молодым отец отдал его заложником к юечжи. Когда Модэ вырос, в битве он убил своего отца, который не хотел, чтобы он — старший сын — стал его наследником, а готовил на престол своего младшего сына от любимой жены. Далее в летописи говорится: «Срединное (Китайское) царство изнемогало под тяжестью войны; и это обстоятельство дало Модэ возможность усилиться. Он имел под собой более 300 тыс. войска.— От Шунь-вэя до Туманя — в продолжение с лишком тысячи лет — Дом Хуннов то возвышался, то приходил в упадок, то делился, то объединялся: и посему порядок прежнего преемственного наследования у них невозможно определить. При правлении Модэ Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге, он сделался равным Срединному двору...»⁹

При жизни Модэ Китайский двор был зависим от него и не нарушал договора о мире и родстве до самой смерти Огуз-хана, умершего в 174 г. до н. э. Согласно легендам и эпическим сказаниям, Огуз-хан правил 73 года и вел все время завосвательную политику.

Первоначально Тумань жил в Ордосе и в 220 г. до н. э. переселился в район Хангая. Ставка же Огуза находилась, по некоторым данным, в Каракуме, а летом он кочевал в Улутау и Кичитау (на территории современного Казахстана).

* Шаньюй — высший княжеский титул верховного правителя хуннов.

⁹ Бичурин Н. Я. (Иакиф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, с. 48.

В своей книге «Родословная туркмен» историк Абулгази так пишет об этом: «На востоке юрты Огузовского эля простирались до Иссык-Куля и Алмалыка, на юге — от Сайрама и Казы-курт-тага и Караджык-тага, на севере — до гор Улу-таг и Кичик-таг, в которых медь добывают (современный Улутауско-Джезказганский район.— А. Ж.), на западе — до города Янгикента, что при устье реки Сырдарьи и до Каракумов»¹⁰.

Из китайских же источников следует вывод, что искусством письма владел не только Китайский двор, но и предки тюрков — хунну еще в III в. до н. э. Из текста писем ясно, что хуннское письмо отличалось от китайского размером и формой. По утверждению Де Гроот, большую помощь хуннам по созданию образца письма оказал Чжунсинъюя, бежавший от Дома Хань и перешедший на сторону хуннов¹¹.

Поэма, или вернее эпическое сказание об Огуз-хане, была изустной традицией, впоследствии опубликованной в трудах крупнейших историков и ученых Востока, в частности Рашид ад-дином в его летописи на персидском языке «Джами ат-таварих», в труде Абулгази «Шеджере тюрк» («Родословная тюрков»), в трудах Юсуфа Баласагуни и др. Эти труды были переведены и изданы на русском, немецком, английском и французском языках.

В связи с изучением «Огуз-наме» особый интерес вызывает вторая книга Абулгази «Родословная туркмен», которую он закончил в 1071 г. хиджры, т. е. в 1660—1661 гг. В этой книге Абулгази пишет, что он использовал восемнадцать рукописей и летописей на монгольском, персидском и тюркском языках, в частности труды Рашид ад-дина, Хондемира, Шараф эд-дина аль-Иезди, в том числе несколько списков «Огуз-наме». «Когда начал писать родословную туркмен,— отмечает Абулгази,— их знать: муллы, шейхи, беки мне сказали: „У нас (в народе) есть много (разных списков) сказания об Огузе, но нет (ни одного) хорошего: все они (полны) ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде“. И тогда они высказали просьбу: „Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история“, то я уважил их просьбу»¹².

¹⁰ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази хана Хивинского. М.— Л., 1958, с. 57.

¹¹ De Groot, гл. V, с. 80.

¹² Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 36.

Известный ориенталист акад. Б. Я. Владимирцов, исследователь истории монголов писал, что «туркмены, как впрочем и другие кочевые народы, например, монголы, долго сохранявшие прежнее родовое устройство, донесли свои родословные вплоть до наших дней»¹³.

Один из крупнейших исследователей тюркологии, акад. А. Н. Кононов в новой редакции своего труда отмечает, что Абулгази прекрасно знал народные предания, родословные племен, распространенные среди туркмен, а также эпические сказания, из которых в первую очередь следует отметить очевидное влияние эпических сказаний, связанных с именем легендарного патриарха огузов деде Коркута¹⁴.

Науке известно более десяти списков «Огуз-наме», или «Родословной туркмен», хотя в обиходе их было гораздо больше. Выдающийся востоковед акад. А. Н. Самойлович в 1906—1907 гг. нашел в Туркмении рукопись «Шоджари таракма Абулгазы», в которой имелись легенды о Коркуте и Кор-оглы. Часть из них он тогда же опубликовал¹⁵. Кроме этих материалов в Ашхабадской библиотеке находятся еще два списка «Родословной туркмен». Вариант рукописи, датированный 1661 г., хранится в Государственной публичной библиотеке им. Навои в Ташкенте. Этот экземпляр наиболее полный.

Пятый список рукописи принадлежал русскому ученому А. Г. Туманскому, который в 1897 г. первым перевел ее на русский язык. Она хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. В ней на V—VI листах приводятся стихотворения Ахсан Шейха и Дана-ата и указаны дата и фамилии переписчиков: 1237 х., месяц раджиб (апрель 1822 г.), мулла Курбан-Гельды, сын Ораз-Мухамеда из племени кайы-хан, рода чарык. Все списки написаны почерком «насталик».

Фольклорные материалы, легенды и сказания «Огуз-наме» были включены и в книги «Кудатгу билиг» среднеазиатского ученого Юсуфа Баласагуни (XI в.) и «Джами ат-таварих»—Рашид ад-дина (XIII в.).

В книге «Кудатгу билиг» рассказывается о рождении Огуз-хана, о его необычайной силе и уме, о его женить-

¹³ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 46.

¹⁴ См.: Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 22.

¹⁵ См.: Записки Восточного отдела Русского археологического общества, 1908, т. XVIII, с. 39.

бе, охоте на диких зверей, о его походах и большом пире в честь победы над многими странами мира, в конце говорится о разделении огромного владения между тремя сыновьями. Эта легенда особенно ценна тем, что написана на древнетюркском языке, в ней богом Огуз-хана считается Кок тенгри (Небесное божество), что свидетельствует о ее древнем доисламском происхождении. Там же называется тотем Огуз-хана — Кок бори (Серый волк)*, т. е. его предводитель, который всегда идет впереди войска. Впоследствии волк стал знаменем всех тюркских каганов.

В других вариантах этот эпизод рассказывается несколько иначе: Огуз-хан будучи ребенком воспринимает веру в Аллаха, подрастает, ссорится с отцом, захватывает престол, совершает походы в другие страны. Однако в целом все сюжеты, на наш взгляд, сходятся в главном с китайской летописью о жизни шаньюя Модэ.

«Несомненно также,— пишет выдающийся советский археолог и этнограф А. Н. Бернштам,— что ядром Огузского эпоса является историческое событие. Реальная в эпосе пока гуннская действительность, прежде всего в рассказах о формировании эпического героя Огуз-хакана. Совпадение основной структуры его биографии с биографией шаньюя Модэ несомненно, и образ этого шаньюя почти до деталей совпадает с эпическим Огузом»¹⁶.

Любое исследование об Огуз-хане и литературных памятниках о нем должно учитывать не только фольклорно-литературные, но и исторические источники. Только тогда можно составить более или менее правильную историческую картину об Огуз-хане и его времени.

Герои этого эпического сказания жили, по-видимому, в предтюркское время, а сам эпос был сложен на основе народных преданий, легенд несколько позднее, ибо в нем говорится, что Огуз-хан признал богом Аллаха, а когда стал правителем, то подчиненных обратил в мусульманство. Как известно, ислам возник в Аравии в VI в. и проник в Среднюю Азию в начале VIII в. Вероятнее всего, «Огуз-наме» сначала сложился в изустную форму, а

---

* «Серый волк» (Кок бори) и у казахов до революции символизировал силу и могущество, а Тенгри считался богом неба. Видимо, это пришло с шаманизмом из глубокой старины.

¹⁶ Бернштам А. Н. Очерк истории гуинов. Л., 1951, с. 225.

затем был записан и стал рукописной традицией в конце I — начале II тысячелетия нашей эры.

Огуз-хан и его наследник Кун-хан письменно закрепили свои права на престол и утвердили законы управления страной. Об этом говорят еще два источника. В книге «Родословная туркмен» мы встречаем специальные разделы «Об именах сыновей и внуков Огуз-хана», «О распределении Кун-ханом мест между своими младшими братьями и сыновьями», «О значении двенадцати юзликов и двадцати четырех аймаков», «О значении имен внуков Огуз-хана, об их тамгах и онгонах (куш)», «О заветах огузовского эля (страны)». В завете сказано, что преступник независимо от рода и происхождения должен быть наказан, государем следует делать человека из потомков Огуза. Там же приведены главные изречения Огуз-хана: «В одни ножны два меча не входят, два мужа не могут брать одну жену, в одном юрте двум правителям (торе) не место». По предложению советника Иркиль-ходжы, Кун-хан ввел устав, по которому:

Будет для каждого племени свой знак — тамга.

Эти тамги заменяют имена и прозвания.

Всякий, зная по ним свою долю,

Руку удержит от похищения чужого!¹⁷

Эти документы свидетельствуют об имущественной дифференциации общества и стремлении кодифицировать сложившуюся реально систему общественных отношений. В книге Абулгази приводится 24 знака тамги, тогда как в труде отца тюркологии Махмуда Кашгари (XI в.) дана только 21 тамга огузского «эля». Они несколько отличны от знаков Абулгази.

«Огуз-наме» является одним из наиболее ранних героических эпосов в истории тюркоязычных народов и, вероятно, имеет под собой реальную историческую основу.

2.4. «КНИГА НАЗИДАНИЯ»

Неменьший интерес представляют древние рукописные книги на тюркском языке — «Книга назидания» и «Записки из военной крепости Миран»¹⁸, найденные

¹⁷ Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 54.

¹⁸ Thomsen V., D-r. M. A. Steins Manuscripts in Türkish «Runic» Script from Miran and Tun-Huang. Journ. of the R. As. Sol. London, 1912. January.

выдающимся ориенталистом А. Стейном в 1906—1908 гг.: одна — в Дуньхуане и другая — в бывшей военной крепости Миран (Восточный Туркестан). Обе книги написаны на плотной бумаге древнетюркским руническим письмом на древнетюркском языке. Их расшифровал и перевел на английский язык по просьбе Британского королевского общества знатоков древнетюркской письменности, датский профессор Вильгельм Томсен. Он датировал эти книги первой половиной VIII в. Затем они были опубликованы в Лондоне на английском языке с параллельным тюркским текстом. До сих пор только одна из них — «Книга назидания» издана на русском языке. Ее перевел С. Е. Малов¹⁹. Он ограничился лишь частичной публикацией текста, не сделал никакого анализа книги, не определил ее значения для тюркологии.

«Книгу назидания» В. Томсен условно назвал «Книгой предсказаний», а С. Е. Малов — «Гадательной книжкой». На самом деле она носит назидательный характер. На основе примет, поверий и поступков читателю объясняется, что хорошо, а что плохо. Книга имеет 104 страницы (формат бумаги 13,6×8 см), написана маленькими столбцами на обеих сторонах листа. Две последние страницы (103 и 104) содержат постскриптум и концовку, выполненные красными чернилами. Текст четкий, что свидетельствует об искусной руке. Пишущим инструментом была кисть, а средством исполнения — черные индийские чернила. В алфавитном ряду текста имеются диакритические линии знаков — элементы древнетюркской фонетики. Манускрипт состоит из 65 коротких, не пронумерованных глав или параграфов, каждый из которых обрамляют расположенные в линию маленькие черные кружки, заполненные красными чернилами. Например, ○○ ○○ ○○○ ○○○○ ○○○ ○○ ○○ и т. д. Эти кружки, по-видимому, служили нумерацией глав наподобие римских цифр. Каждая глава содержит маленькую историю о человеке или животном. Эти рассказы можно назвать маленькими лирическими поэмами в прозе. Почти все главы, кроме III, IV, V, X, XIII, XIV, заканчиваются вопросом: «Это хорошо?» или «Это плохо?».

Что же является предметом книги? Согласно страни-

---

¹⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 80—92.

цам 103 и 104 она предназначена для обучения и составлена «в год барса, второго месяца, пятнадцатого числа», пишет неизвестный автор. И далее: «Я написал для младших священнослужителей и слушателей, живущих в обители Тайгунтан, для Есиг-Сангуна и Итачуна». Судя по тексту, книга, как мы отмечали, назидательного характера. Некоторые ее абзацы написаны белым стихом в виде пословиц и поговорок. На страницах 101 и 102 сказано, что с помощью этой книги «каждый становится господином своей собственной судьбы».

Приведа примеры из жизни человека и животных, говорящие об отваге и смелости, самостоятельности и независимости, скромности и отвращении к богатству, автор констатирует хорошо это или плохо.

Вот некоторые извлечения из книги.

Тюркский текст: «*Biḡ tahulḡu jür bolmu jür tabubḡu miñ boltu, miñ, tabubḡu fuman bolmu, tir Anca biliñlar: asuḡi bar, anḡa al.*».

Русский текст: «Говорят из одной таболги получилось сто! Из ста таболги стала тысяча! Из тысячи таболги стало десять тысяч. Так знайте есть в этом выгода. Это хорошо!»²⁰.

В последующем изложении, чтобы облегчить чтение, дан только русский перевод, без тюркского текста:

«Говорят: если и есть владельцы многих лошадей,— тебе радости в этом нет. Если есть владельцы малого количества лошадей,— тебе опасения нет!»

«Говорят: смелый мальчик по-настоящему стрелой ударил и рассек крутую скалу. Он одиноко ходил. Такой герой был. Так знайте — это хорошо!»

«Говорят: некто запряг двух волов в одну упряжку, и они, не будучи в состоянии идти, стояли. Так знайте — это плохо!»

«Говорят: заря занялась, затем осветилась земля. Затем взошло солнце. Над всеми засиял свет. Так знайте — это хорошо!»

«Говорят: слово раба с мольбой направляется к беку. Слово смелого направляется с просьбой к тенгри. Вверху небо услышало, а внизу человек узнал. Так знайте — это хорошо!»

---

²⁰ *D-r M. A. Steins. MSS. in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-Huang. Translated by Wilhelm Thomsen. London, 1912, XXXII, p. 202.*

«Говорят: сын бедного человека отправился на заработки. Путь был удачен. Радуюсь и веселясь, он вернулся домой. Так знайте — это хорошо!»

«Говорят: шло серое облако. Оно пролилось над многими народами. Шло темное облако. Оно пролилось над всеми. Просо созрело, выросли травы и скоту и людям было хорошо. Так знайте — это хорошо!»

В этих и других лаконичных примерах дается извечная тема зла и добра, выраженная в мировой литературе в форме что хорошо, что плохо!

«Книга назидания» — самая обширная и наиболее сохранившаяся из всех дошедших до нас древнетюркских рукописей. Она уникальна для изучения истории рукописных книг.

2.5. «ЗАПИСКИ ИЗ КРЕПОСТИ МИРАН»

Второй известной древнетюркской рукописной книгой являются «Записки из военной крепости Миран». Рукопись находится в списках библиотеки Британского музея. Эта книжка состоит из трех частей. В первой сохранились все листы, написанные на одной стороне, во второй — не все, но заполненные с обеих сторон. В третьей части листы все, но они несколько больше по размеру. Бумага грубая, темная, по-видимому, она изготовлена из пеньки. Текст написан четко, крупными буквами. Судя по содержанию книги, форт-крепость стоял на большой магистрали и служил контрольно-пропускным пунктом, через который проходили военные и гражданские лица по специальным пропускам-ярлыкам. В этой книге регистрации проезжающих аккуратно записывались высшие чины и их ординарцы, выданное им оружие и провиант. Судя по частому проезду разных лиц, особенно военных чинов, в форте находился постоянный гарнизон тюркских войск. В списке пропусков значатся тюркские имена.

По всей вероятности, форт был не только контрольно-пропускным пунктом, но и арсеналом по выдаче оружия, а также провизии высокопоставленным лицам. В списке рядом с именем стоит чин, занимаемая должность или воинское звание, например: апа-тархан (главнокомандующий), апа (командующий), сенгун или сангун (полководец), чур или шор (один из высших титулов правителя эля), урунгу (наместник), ичраки (чин внут-

ренного войска), усук (сержант или ординарец); ынанчу (доверенное лицо); огя (служащий).

В книге часто повторяются слова «уярик» и «урунгу». В. Томсен уагiiq (ярик) оставил без перевода. Он пишет, что оно используется, с одной стороны, для обозначения важности должностного лица, посылаемого с особой целью вышестоящим служащим, или человека с положением. Но, с другой стороны, когда в перечне сообщается, что такой-то один или более уагiiq из форта были выданы, то скорее всего их давали военным лицам, выделенным для охраны. По гипотезе профессора, смысл данного слова — «отделиться», «расщепляться», т. е. оно производное от устного корня уаг (яр). В этой версии он усомнился сам, поэтому и сохранил его при переводе.

Слова «ярик», «ярук» в трудах С. Е. Малова, А. Н. Бернштама и И. В. Стеблевой не встречаются, нет их и в орхоно-енисейских памятниках. Но там имеется близкое к этому слово — «ярак» (уагаq), означающее оружие²¹. Современные казахи, перешедшие от «иокаянья» к «жоканью», говорят «жарак», т. е. «кару-жарак» — оружие и «qагу еарgti kisi» — человек с ружьем.

Если следовать логике рассуждений, то в текстах документов из военной крепости Миран часто повторяемое слово «ярик» означает «оружие», что подтверждается, на наш взгляд, следующими примерами из книжки:

«Ут (От) сангун отдал свой ярик Хияган-урунгу (полководец Ут отдал свое оружие Хияган-урунгу)».

«Выданы Тузмышу один ярик, Хиягану один ярик, Кул-апа урунгу один ярик (Тузмышу — одно оружие, Хиягану — одно оружие, командиру Кул-урунгу — одно оружие, пастухам — два ярик)».

«Кулуг-сангуну был выдан один ясук (ординарец) и ярлык».

«Курабир-урунгу сангуну были выданы одна сабля и один ярлык для проезда».

«Кылыш кук кара был выдан ярлык».

«Тану — один ярлик и ярлык был выдан Алакуль-инанчу».

«Кадим-урунгу — один, Edige-сангуну Тирика — один, прибывшим из города Шугчу*. Байырку выдано

---

²¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 32—40.

* Город на границе Казахстана и Синьцзяна.

шесть ярлик; Тегину — один, Барс-хан сангуну — один, Хуруз-урунгу — один, младшему брату Кул Чигши Сариг Ширку — один, Кансу — один, Танлиг-апа — один, Хутлугу — один, Сучурке — один, урунгу сангуну Баче-апа ичраки — один ярлик вместе с ординарцем».

В орхонских памятниках надпись в честь Кюль-тегина гласит: 32. «Kyl tirin jaidaғын onlaju tärdi; Он tytyk jorғын жараклыг öliгin тутды жараклыгды kaganka аңулады».

32. «Кюль-тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-тутука с вожжами вооруженной рукой и с оружием представил (его кагану)²². Здесь слова «яраклыг» и «яраклыгды» означают оружие.

Время стирает из памяти многое, больше сохраняется запечатленное в письме. Наличие большого количества исторических имен и личностей, живших более 1200 лет назад, делает этот памятник весьма ценным.

В глубокой древности у тюрков существовала строгая иерархия военных и гражданских чинов. Открыв этот забытый современной наукой памятник, мы попытались сопоставить его надписи с другими историческими документами, чтобы выяснить, нет ли среди них имен (а здесь их немало, более 35), известных в истории. Внимательно просмотрев труды И. Я. Бичурина, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Л. Н. Гумилева, А. Н. Бернштама, И. В. Стеблевой, А. Н. Кононова, С. Е. Малова и других, мы часто встречали у них имена: Кутлуг, Инал, Барс, Едике, Кул-апа, Танг, Кулуг, Лашин и т. д. Если сравнить эти названия с именами Хут, Хутты, Хутлы, Анел, Барс, Едиге, Лашин, Гул-апа, Тан, Кулук, производимыми так современными казахами, да и другими тюркскими народами, то между ними обнаруживается большое сходство.

В документе из Мирана имеется следующая строка: «Erkin sangun tir jariigin urunu ya yarlig bobtu». (Аналурунгу оружием сопровождающим Еркина-сангуна был выдан ярлык)²³.

Сопоставление со сведениями из известной книги Л. Н. Гумилева «Древние тюрки», богатой материалами об эпохе тюрков, их военных и политических деятелях, помогает выяснить личности интересующих нас людей.

²² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 31.

²³ D-r M. A. Steins. MSS in Türkish «Runic» Script from Miran and Tun-Huang, с. 186.

У Л. Н. Гумилева сказано: «Западную границу Каганата охранял ...воевода Кули-чур... соратник Кутлуга Эльтерес-хана... За храбрость в борьбе с уйгурами, табгачами, арабами он получил имена «Ышбара» (могучий) и «Бильга» (мудрый). В 735 г. он достиг вершины своей славы. Когда он воевал с карлуками, ему на помощь пришел и его товарищ по делам и мужеству, сын Еркина, Йитянь-чур»²⁴. Вполне вероятно, что упоминаемый в «Записке» Еркин и есть отец Йитянь-чура.

Время даты книжки из Мирана, определенное В. Томсенем не позднее первой половины VIII века, близко к истине и совпадает с датировкой Л. Н. Гумилева.

В «Записке» мы встречаем также еще имя Барс-хаган сангуна. Не исключено, что это тот самый хаган, который упоминается в памятнике в честь Кюль-тегина. Там сказано: «Был Барс-бег: мы в то время (или при тех обстоятельствах) даровали ему титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру — княжну (писал Йоллыг-тегин.— А. Ж.), (но) сам он провинился, а поэтому каган умер (т. е. он был убит), а народ его стал рабынями и рабами»²⁵. Подобным образом описывается гибель Барс-бега в «Древних тюрках».

Далее, в монографии Л. Н. Гумилева говорится, что обращенный сильными соседями в рабство, тюркский народ объединяется для борьбы, его единство восстанавливает хан Эльтерес. «Эльтерес-каган... привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления; он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков»²⁶.

Из приведенных текстов следует, что как Барс-бег, т. е. Барс-хакан (сангун), так и Еркин-сангун жили в одно время — в начале VIII века. Таким образом, «Записки из крепости Миран» велись, по-видимому, с начала до середины VIII века. Ценность этой небольшой книжечки заключается в том, что она значительно конкретизирует наши знания по истории Восточного Туркестана.

Форт Миран входил в укрепленную линию, начинавшуюся от Дуньхуана. Этот район Восточного Туркестана

²⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 365.

²⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 38—39.

²⁶ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 54.

в разное время контролировался различными объединениями кочевников и оседло-земледельческими государствами: хунну, усунями, тибетцами, тюрками, китайцами и т. д. В начале I тысячелетия нашей эры он становится объектом китайской экспансии. Здесь проходит вдоль южной оконечности пустыни Такла-Макан, по оазисам северных предгорий Куэнь-Луна Великий шелковый путь, сыгравший огромную роль в развитии этнокультурных связей Востока и Запада. Миран находился далеко на Востоке Птолемеевской Сериндии — Восточного Туркестана, и находки здесь тюркской письменности свидетельствуют, с одной стороны, о ее широком распространении в данном ареале, а с другой, — о сильном влиянии тюркизационных процессов, в ходе которых происходила ассимиляция местного иранского населения.

В период составления этих книг, т. е. в конце I тысячелетия н. э., эти районы контролировались тюркскими кочевыми объединениями и были зоной взаимодействия различных этнических общностей и государств. В то время, когда многие народы не имели еще письменности, здесь в Дуньхуане и Миране выдавались официальные пропуска, отправлялись письма, создавались книги.

О высокой древней культуре народов Восточного Туркестана, Семиречья и Средней Азии сообщает и акад. В. В. Бартольд. Он приводит отчет китайского посла Вой-цзе (605—617 гг.) о его пребывании в Самарканде: «Жители искусные торговцы, когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей»²⁷.

Известный арабист акад. И. Ю. Крачковский в своей работе указывает, что в 1932 г. ленинградские ученые на развалинах старинного замка, на берегу р. Зеравшан, на горе Муг нашли согдийские рукописи, написанные на коже. Здешний правитель Тархун (Таргун) спрятал эти документы в замке от арабов-завоевателей в 718—719 гг. Это также подтверждает мысль о том, что в Средней Азии, Восточном Туркестане в VII—VIII вв. существовала высокоразвитая культура, оставившая богатые литературные памятники тюркского, согдийского, хорезмийского происхождения. Об этом же свидетельствует обширная коллекция письменных памятников, собран-

---

²⁷ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 190—191.

ная экспедицией П. К. Козлова на развалинах древнего города Хара-Хото, а также английского исследователя А. Стейна, вывезшего сотни рукописных и печатных книг на разных языках, в том числе «Книгу назиданий» и «Записки из Мирана», а также картины, фрески и предметы из Дуньхуана.

Из своей экспедиции в Кашгар выдающийся казахский ученый Ч. Ч. Валиханов привез ценнейшие книги и рукописи на различных языках: «Тазкиран султан Сутук Бугра-хан» (История тюркского владения из династии караханидов Сутук Бугра-хана), «Тазкиран Туглук Тимур-хан» (История Туглук-Тимура), «Тазкирян Ходжигян» (История кашгарских ходжей), «Абу Муслим Маурзи» и др. Краткий отчет Ч. Ч. Валиханова, посвященный истории, географии и этнографии народов Восточного Туркестана, был опубликован в 1865 г. на английском языке в Лондоне²⁸.

Все эти реликвии — рукописи, манускрипты, печатные книги, картины, фрески — сохранились в течение тысячи лет благодаря нахождению в буддийских культовых центрах.

Описания хранилищ имеются в книге известного ученого В. А. Обручева. В ней он рассказывает о посещении в 1905 г. «Храма тысячи будд», находящегося в 25 верстах от Дуньхуана. Он пишет, что главная пещера Чуфудун, «расположена в обрывах голой возвышенности одной из передовых гряд Алтын-тага. Лама Хэшен сказал, что эти пещеры сооружены при династии Хань с 202 г. до н. э. по 220 г. н. э., затем разрушены и восстановлены при династии Тан (618—909 гг.)... В пещерах (4—5 сажен длины, 3—4 сажени ширины) фигуры (из мрамора, металла и соломы) Будды и героев, висячие чугунные колокола. В самой глубине пещеры (минуя три камеры одну за другой), где воздух в течение столетий не освежался и содержал только влагу, сохранившуюся со времен сооружения пещер 1000 лет назад, как уверял старший лама. Он говорил, что такое содержание древних рукописей при неизменных условиях температуры и влаги и отсутствия дневного света необходимо для их сохранности, свертки рукописей лежали на деревянных

---

²⁸ The Russians in Central Asie, By capitain Valikhanof and M. Venikhof the Russian Travellers. from fhe Russian, by John and Roberth Mitchell. London, 1865.

полках. Храинилице состоит из пяти больших совершенно сухих комнат, в которые никогда не просачивается вода, всегда бывает прохладная температура. Когда лама входит рано утром в тихие дни последовательно сначала в первую камеру, где находится несколько минут, необходимых для чтения определенных молитв, затем во вторую с таким же выжиданием и, наконец, в последнюю, где также ждет несколько минут, не прикасаясь к рукописям. Эти правила выжидания, сказал лама, установлены с давних пор, чтобы входящий успел освободиться от теплого или холодного воздуха и влаги, которые несет на своей одежде и на себе, в камеру он несет маленький фонарь»²⁹. Эти пещеры описал также А. Стейн в своей книге «Ruins at deset kathäns».

Акад. В. А. Обручев рассказывает и о том, что лама показал ему большое количество рукописей: монгольских, тибетских, китайских, санскритских, тюркских, в том числе несколько уйгурских, центральноазиатских, брахми. В связи с различными происхождением и возрастом их бумага была разного качества, толщины и цвета. Сами рукописи написаны тушью, читать их нужно сверху вниз, справа налево, или наоборот, некоторые из них с оттисками печати. Здесь имелись и печатные книги и листы пальмы, заполненные санскритскими знаками.

В. А. Обручев убежден в большом научном значении этих своеобразных сокровищ для мировой культуры. Открытие этих книг обогатило и тюркологическую науку и явилось доказательством наличия высокой культуры у древних тюрков.

2.6. КНИГА О ПАТРИАРХЕ КОРКУТЕ

Следующими по времени создания являются рукописи об эпическом герое тюрков Коркуте. Впервые о нем стало известно в Европе благодаря открытию немецкого ученого Рейске, познакомившегося с рукописью в Дрезденской библиотеке. Она написана арабской вязью и называется «Книга моего деда Коркута из племени огузов».

---

²⁹ Обручев В. А. В делях Центральной Азии. М., 1951, с. 225—226.

Рукопись состоит из двенадцати сказаний о древнем мудреце Коркуте, но о нем самом говорится мало, преобладают материалы о быте, традициях, женщинах огузского племени и современниках героя: Байындар-хане, Салор-Казане и Дерсохане. Рукопись переведена на русский язык акад. В. В. Бартольдом и опубликована в «Записках Вост. отд. Русского археологического общества», VIII т. В последний раз ее издали в 1962 г. под редакцией академиков АН СССР В. М. Жирмунского и А. Н. Кононова.

На Востоке, особенно в Средней Азии и Казахстане, имя Коркут-ата известно с незапамятных времен как поэта, мудреца, музыканта, автора знаменитого «Кюя Коркута». В сказаниях казахов Коркут олицетворяет идею бессмертия и извечной борьбы человека со смертью, борца за счастливую жизнь на земле. До революции многие казахские народные композиторы, а также абызы * исполняли знаменитый «Кюй Коркута» на кобызе. Родиной эпического героя Коркута-музыканта считается Южный Казахстан. Его могила, полагает проф. С. Балмуханов, находится вблизи станции Коркут-ата, Кармакчинского района Кызыл-Ординской области на берегу Сырдарьи³⁰. Еще раньше такое предположение высказывали А. Диваев и Б. В. Бартольд³¹.

Казахские предания о Коркуте впервые были изданы А. Диваевым в г. Казани в 1899 г. и зафиксированы Ж. Кастанье и В. Радловым³². В этих публикациях Коркут-ата трактуется как святой (аулие) в числе легендарных христианских и мусульманских святых, таких, как пророк Соломон, Давид и среднеазиатские шейхи: Арстан-баба, Сунак-ата, Аулие-ата. Но не как глава баксы (шаманов), как считает Х. Короглы³³. «Аулие» — звание, присваиваемое мусульманским святым, а не шаманам.

Слово «баксы» у разных народов имеет разное значение. Вот что пишет крупный знаток этнографии Средней

* Абыз — мудрец-предсказатель.

³⁰ Казак адебети, 1968, 23 ноября.

³¹ Диваев А. А. Несколько слов о могиле святого Коркут-ата. — Записки Вост. отд. Русского археологического общества, 1894, т. VIII; Бартольд В. В. Китаби Коркуд. — Там же, с. 203—218.

³² Диваев А. А. Из области киргизских верований. Казань, 1899; Радлов В. В. Образцы народной литературы. СПб., 1870, с. 46—51 (каз. текст), с. 60—66 (нем. текст).

³³ См.: Советская тюркология, 1971, № 3, с. 48—62.

Азии А. Диваев: «Слово „баксы” известно не только киргизам (казахам.— А. Ж.), у которых значит лекарь, колдун, но и другим народам урало-алтайской семьи: у манчжур баксы значит учитель, наставник, ученый, мудрец, лама, у монголов — учитель, наставник, а в джагатайском языке также певец, хирург, музыкант»³⁴. К этому объяснению можно добавить еще комментарии А. Н. Кононова, А. Н. Самойловича и В. В. Бартольда. Они указывают, что «бахши», видимо, произошло от санскритского (*bhikshu*) или китайского (*päk-si*), по-уйгурски и по-монгольски — писец, у туркмен термин «бахши» — профессиональный певец-музыкант или «живая книга»³⁵.

Таким образом, «бахси», «бахши» у большинства народов означает учитель, певец, музыкант, а у казахов — колдун, лекарь. В понимании казахского народа Коркут-ата — это не только колдун, а главным образом мудрец и музыкант, поэт, философ, защитник интересов народа. Х. Короглы, называя Коркута баксы, ссылается на замечания Ч. Валиханова и причитания, приведенные А. Диваевым. Но если внимательно читать песню баксы, данную А. Диваевым, то можно заметить, что первая часть — обращение к мусульманским святым.

«О Сулейман (Соломон.— А. Ж.), пребывающий у истоков воды *.
О мужественный Хорхут, властитель низовьев воды»**.

Вторая часть призыва баксы обращена к своим духам и тотемам (джины, пери и др.).

«Да кружусь вокруг тебя — карагусь (коршун).
Лети ко мне, озираясь вокруг себя...» и т. д.

Так, в книге приводятся многочисленные причитания различных баксы с именами глав своих духов, например, Карамана, Досыбая, Толыбека. Но среди них не упоминается имя Коркута. Шаман, баксы, писал Диваев, собирает всех своих джинов и пускает их, якобы, в бой. Чтобы не осрамиться и чтобы лечение его удалось, он обращается с усердной мольбой к богу и ко всем известным святым, называя их по именам ³⁶.

³⁴ Диваев А. А. Из области киргизских верований, с. 35.

³⁵ См.: Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 93.

* По легенде, трон Соломона висел над водами.

** Коркут жил на поверхности вод р. Сырдарья.

³⁶ Диваев А. А. Из области киргизских верований, с. 5—6, 10—11.

Становится ясным, что Коркута они признают как мусульманского святого и как шамана. Х. Короглы, видимо, имел в виду строки из обращения к Коркуту. «Разве ты не пирь баксыев!»?

Но слово «пирь», тут же поясняет А. Диваев, от персидского слова «глава монахов», основатель религиозного ордена, а у народов Средней Азии и Казахстана «пирь» или «рігі» — духовный покровитель.

Кобыз — смычковый инструмент, согласно древней легенде казахов, был изобретен самим Коркутом, который играл на нем всю жизнь, исполняя свои музыкальные произведения. Кроме этого, в литературе имеются сведения, что могила, видимо, другого Коркута, государственного деятеля, находится в Дербенте.

Академик В. В. Бартольд пишет, что известному путешественнику Олеарию показывали в Дербенте могилу известного патриарха Коркута, хранителя народной мудрости, с которым связан целый эпический цикл. Теперь предания о нем в Азербайджане персидском и кавказском нет. В то же время, продолжает Бартольд, имеется якобы и могила имама Коркута³⁷. В. В. Бартольд высказывает сомнение по этому поводу и, на наш взгляд, не без оснований, так как Коркут не был имамом — держателем мечети. Возможно, эта могила однофамильца, жившего позднее.

Коркут выходец из огузского племени, кочевавшего на Сырдарье. По-видимому, он жил в IX—X вв. Легенда о нем распространилась среди многих тюркоязычных народов: казахов, туркмен, азербайджан, узбеков, турков и др. Многие слова из поэмы «Коркут-ата», например, жолдас, ару, аит, бедеу, дак, карындас, емшек, тос, тундук, торгай, жылкышы и другие, бытуют в современном казахском языке.

Поэма о Коркуте в XII в. проникла к народам Средней Азии и Малой Азии. Сохранилось два экземпляра рукописной книги «Дедем Коркут». Менес полный текст в объеме шести сказаний на кипчакском наречии находится в библиотеке Ватикана в Риме, другой — более полный (12 сказаний) на огузском наречии — в Дрездене, ГДР. Книга «Дедем Коркут» состоит из 12 частей (120 стр.), в ней описана жизнь огузских племен и борьба огузских богатырей с «неверными». Коркут-ата счи-

---

³⁷ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963, т. II, ч. 1, с 760.

тается мудрым советником, знатоком истории у всех огузов³⁸. Однако легенда казахского варианта о Коркуте отличается от среднеазиатского более подробным описанием личности самого Коркута. «Замечу кстати,— писал акад. А. Н. Кононов,— что „Родословная туркмен“ должна быть обязательно привлечена при изучении „Книги Коркута“ как известный среднеазиатский вариант, значительно отличающийся в обрисовке личности самого Коркута от варианта кавказского»³⁹.

Большим поэтом, мудрецом и государственным деятелем нарисовал Коркута в своей книге «Родословная туркмен» известный историк Абулгази Бахадур. Он отмечал, что «собрался весь огузский иль во главе с Коркут-ата — сыном Кара-ходжи (из иля) Кайы, с Энкеш-ходжой (из иля) Салор и Авашбан-ходжой и подняли государем Инала-Йавы, из народа Кайы. Визирем у него был Коркут-ата. И что бы ни сказал Коркут-ата, Инал-Йавы не отступал от его слов... Коркут-ата... был визирем при трех государях»⁴⁰.

Инал-Йавы, Дуйлы-Кайы, Эрки (Туман-хан)— все потомки Огуз-хана. Абулгази писал, что Коркут-ата жил во время потомков шаха Аббаса, младшего брата матери Мухаммеда, они царствовали в Багдаде 500 лет⁴¹. Далее приводятся стихи, которые принадлежали Коркуту. В них он описал столкновение между огузским племенем и воинственными печенегами, которые в VIII—X вв. заселяли степи Причерноморья и часто воевали с кипчаками и огузами, Русью и Византией.

Пойдя навстречу, Салор-Казан * схватил (их),
Его увидали ит-бечене ** и лишились рассудка от (страха).
Видел ли кто (таких) богатырей, беков, как Казан?!***
Разбил он иль ит-бечене и вернулся (домой).
Лишь некоторые из них спаслись, испросив пощады.
Видел ли кто (таких) богатырей, беков, как Казан?!
Райятам из тюрок и туркмен, арабов (и) персов,
(Всем) мусульманам Казан оказывал покровительство⁴².

³⁸ Ergin Muharrem Dede Korkud kitabi. Ankara, 1958.

³⁹ Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 22.

⁴⁰ Там же, с. 57.

⁴¹ Там же, с. 56.

* Один из предводителей огузов жил в одно время с Коркутом.

** Ит-бечене — печенеги.

*** Казан — великан, в древности всех батыров называли «алыпами».

⁴² Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 71.

Песня заканчивается строками:

Странник Коркут, знай, теперь ты скоро умрешь;
Сотвори молитву за счастье Казана!
Караван ушел, ты сильно запоздал, отправляйся в путь!
Видел ли кто (таких) богатырей, беков, как Казан?!⁴³

Многие исследователи книги «Коркута» приурочивают ее создание к VI—VIII вв. Эта дата, на наш взгляд, не вполне соответствует исторической действительности. Во-первых, текст поэмы начинается с обращения Коркута к единому богу аллаху. Значит, Коркут мог жить только после возникновения ислама. Во-вторых, Абулгази указывает, что Коркут-ата жил и творил спустя триста лет после Магомета (576—632). Итак, Коркут-ата жил в конце IX — середине X в., т. е. между 870—950 гг.

Из исторических данных следует, что Коркут-ата был визирем, поэтом, оратором, а в конце жизни признан мудрецом. Абулгази приводит отрывок из своей книги, в которой весьма обстоятельно рассказывается о многочисленных достоинствах Коркута.

«У Дуйлы-Кайы (хан.— А. Ж.) был близкий родственник по имени Эрки. Он устроил поминки (по Дуйлы-Кайы). Весь огузский иль собрался на поминки; все беки во главе с Коркут-ата спросили: „Нет ли беременных среди жен хана?“ Одна мамка (Дайа-хатун) выступила (вперед) и сказала: „Одна из жен хана беременна, и у нас есть надежда, что она — скоро разрешится“. Спустя несколько дней у хана родился сын... Эрки созвал народ на пир... Целый месяц, день и ночь, на (том) тое все, хорошие и плохие, предавались веселью. Старики забыли свой возраст, бедняки забыли свою бедность, богачи забыли о смерти.

Огузский иль сказал Коркуту: „Дай этому мальчику хорошее имя“. Коркут-ата сказал: „Пусть его имя будет Туман-хан“. Народ сказал: „Дай имя лучше этого“. Коркут-ата ответил: „Нет имени лучше этого. В тот день, когда умер Дуйлы-Кайы-хан, наш юрт охватил туман и наступил мрак. [Во-первых] этот мальчик родился во (время) тумана, и поэтому я дал ему имя Туман. И, во-вторых, от (всего) сердца я желаю ему счастливой судьбы, и потому даю (ему) имя Туман, ибо туман долго не держится, он скоро проходит. Туманный день станет сол-

---

⁴³ Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 72.

мечным, после тумана не может не быть ясного дня. Туман, который недолго держится, я уподобил юности этого мальчика, а солнце (появившееся) позднее, я уподобил счастливой и долгой жизни этого мальчика, когда он, став взрослым, воссядет на троне своего отца". ...И еще весь народ, во главе с Коркутом, сказал Эрки: „...Туман — твой собственный сын. Садись на место твоего старшего брата Дуйлы-Кайы и правь ханством, а когда Туман станет джигитом, ты сам прекрасно знаешь, что ты должен ему дать..."

Туман стал джигитом. Люди, которые служили еще Дуйлы-Кайы-хану, обратились к Туману с (такими) словами: „Царство тебе досталось в наследство от твоего отца. С согласия всего народа оно временно было поручено Коль-Эрки с тем условием, что, когда ты станешь совершеннолетним, оно должно быть передано тебе“. Туман приказал через одного человека передать эти слова Коль-Эрки. Коль-Эрки, услышав эти слова, передал (их) Коркуту наедине, и по его совету, созвав лучших людей иля, устроил великий той. Коль-Эрки-хан посадил Коркута на почетное место (төр) в кибитке и, преклонив колено, поднес (ему) чашу с кумысом. После того как Коркут выпил кумыс и все поели, Коль-Эрки сказал: „О иль и народ, вы все знаете, что царство по праву принадлежит Туману. До сего времени Туман был молод, а потому я правил делами. Теперь Туман стал зрелым джигитом, и я передаю ему престол его отца“.

Весь народ сказал Коркуту: „Судьба хана и всего огузского иля в твоих руках, поступай так, как найдешь нужным“. Коркут, услышав эти слова, послал человека привести Тумана и, усадив его на середину кибитки, сказал: „Отец твой умер, ты остался малолетним. Коль-Эрки был тебе отцом и старшим братом. С (твоим) появлением на свет и до сего времени он, приложив много усилий, вырастил тебя хорошим (человеком). И венец, и престол, и иль, и весь юрт твой“⁴⁴.

Этот замечательный рассказ о Коркуте свидетельствует о мудрости и дальновидности Коркута, решавшего самые сложные государственные дела, о могуществе и влиянии Коркута над всем огузским элем, об обычаях — поминках, свадьбе, о традициях, которые бытуют до сих пор у народов Средней Азии и Казахстана. Из дальней-

---

⁴⁴ Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 58—59.

шего рассказа Абулгази видно, что огузский эль при Коркуте занимал территорию Туркестана, Янгикента, Таласа и Сайрама, а сам Коркут жил в горах Казы-Курт, недалеко от современного Чимкента.

Коркут — эпический герой многих тюркоязычных народов. Эта популярность послужила основанием для различных толкований о его родине. Остановимся подробнее на суждениях Х. Короглы по данному вопросу.

Х. Короглы в своих статьях обстоятельно рассмотрел материалы, посвященные Коркуту, и дал полную библиографию исследований о нем советских и зарубежных авторов. Его работа является достойным вкладом в изучение героического эпоса о Коркуте. Но, отмечая положительную сторону данных изысканий, нельзя оставить без внимания некоторые упущения и неточности. Автор относит сказания о Коркуте только к истории азербайджанской литературы и обходит молчанием исторические сочинения, летописи и хроники всемирно известных восточных историков Рашид-ад-дина, Абулгази и других, согласно которым родиной «Огуз-наме» считается Средняя Азия.

Абулгази, знаток истории народов Средней Азии, при составлении своего труда воспользовался восемнадцатью историческими сочинениями. Более того, он долгое время находился в огузском эле (у туркмен), которым и правил, а потому его сведения о Коркуте, а также о родословной огузов и их племен достоверны. О родине Коркута у Абулгази говорится следующее: «На восток юрты огузского иля простирались до Иссык-Куля и Алмалыка, на юг — до Сайрама и гор Казы-курт-таг и Караджик-таг, на север — до гор Улуг-таг и Кичик-таг, в которых медь добывают, на запад — до города Янгикент, что при устье реки Сыр, и до Каракумов. В этих названных местах они жили четыре — пять тысяч лет...»⁴⁵. Перечисленные горы и города, в том числе столица огузов Янгикент, локализуются на территории современного Казахстана.

Абулгази затем продолжает: «Ближе всех (других) илей к туркменам жили хатан, канклы и найманы. Эти или стали нападать на оставшихся туркмен. (Туркмены) покинули все эти юрты: Иссык-Куль, Алмалык, Сайрам, горы Улу-таг и Кичик-таг и пришли к устью реки Сыр. Государя своего они посадили в Янгикенте, а са-

⁴⁵ Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 56.

ми летовали и зимовали по обеим сторонам Сыра. Жили они (там), пока не прошло десять поколений»⁴⁶. «В то время в Ираке, — пишет далее Абулгази, — был кочевой народ — байындырский иль...* Огурджик-алып послушался повеления байындырского бека.. Со своим племенем в тысячу кибиток он бежал из Ирака и пришел в Шемаху; девятьсот кибиток были салорских, сто кибиток — каркынских. Он хотел поселиться там, (но), боясь байындырцев, пошел в Крым...» Оттуда, по словам автора, они переселились в Итиль, после на р. Яик, а затем, убегая от племени канглы, пошли на Мангышлак и, наконец, к Балханским горам в Туркмении. Но недолго жили огузы в Шемахе, на территории современного Азербайджана⁴⁷.

Таковы исторические свидетельства о родине огузов. По-видимому, огузы, мигрировавшие в Переднюю Азию и Юго-Восточную Европу, принесли сюда со своей родины легенду о Коркуте.

Акад. Бартольд указывает, что «впоследствии название туркмен осталось за одними огузами; постепенно термин «огуз» как название народа был совершенно вытеснен словом «туркмен»⁴⁸. Этимологию термина «туркмен» многие ученые объясняют по-разному — турки-комани (Вамбери), туркиман — тюрк-мусульманин (Немри), туркмян — я тюрк (Ф. А. Михайлов). Между тем нельзя забывать, что рукописи списков «Огуз-наме» как с преобладанием огузского диалекта, так и с преобладанием кипчакского наукой признаны исторически одинаково правомерными. Поэтому приписывать завершение «Огуз-наме» только предкам народов Азербайджана неверно. Довод в пользу данной версии — наличие легендарной могилы в Дербенте — малоубедителен.

Специальную работу о Коркуте написал крупный знаток литературы Востока академик АН КазССР М. О. Ауэзов. Он исследовал казахские варианты легенды и сказания о Коркуте и заметил, что «имя Коркута сохранили в своем фольклоре казахи, узбеки, туркмены, каракалпаки, башкиры, азербайджанцы»⁴⁹. В то же вре-

⁴⁶ Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 57.

* Название от имени огузского хана Баяндур.

⁴⁷ Там же, с. 72.

⁴⁸ Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа (дому-сульманский период). — Сочинения. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 550.

⁴⁹ Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959, с. 248.

мя он подчеркивает, что ««Дедем Коркут“ несколько отличается от образа Коркута казахской легенды»⁵⁰.

В чем же видит М. О. Ауэзов различия? В казахском варианте Коркут — не патриарх музыки (Куй-атасы), а ее родоначальник. К тому же он ярый приверженец всего живого, враг смерти, что считалось у мусульман богохульством, ересью. Коркут бежит от смерти, но везде перед собой видит могилу. На вопрос, чья могила, ему отвечают: «Эта могила Коркута!» В понимании народа — это не просто могила, а «неминуемое увядание всего живого». Коркут замечает упавшее дерево, пожелтевшую траву, останки птиц и зверей и размышляет: они когда-то были цветущими, молодыми, бодрыми, украшали жизнь, природу, а теперь — все катятся в вечность, в забвение. И Коркут в умирании каждого существа видит свою смерть. Здесь налицо философско-эпическое размышление о сущности жизни.

Наконец, Коркут находит выход: покидает сушу и селится на воде Сырдарьи, расстелив ковер и взяв в руки изобретенный им первый инструмент — кобыз, он играет знаменитый «Коркуттын кюй». Вода несет его по течению, а «Кюй бессмертия» разносится далеко окрест, на берегу собираются животные и люди, все кругом с глубочайшим замиранием слушают его гениальную музыку, гимн жизни.

Коркут нашел бессмертие в песне, поэтому его философское резюме: тот, кто оставил после себя песни, — бессмертен!

М. Ауэзов рассматривает еще и другой вариант казахской легенды о Коркуте, в котором он встречается с Азраилом (Архангелом.— А. Ж.). По преданию мусульман Востока, Азраил отделяет душу человека от тела. Архангел принес с собой сундук, чтобы положить в него Коркута, но последний в разговоре перехитрил его, положил самого в сундук, крепко закрыл и бросил в воду. Архангел долгое время не мог выбраться из сундука. В это время люди, живые существа перестают умирать, все блаженствует и торжествует над смертью! Но однажды сундук поймал в свои сети старый рыбак, открыл его и выпустил Архангела. Тот тут же умертвил рыбака, с тех пор смерть гуляет по свету. Такова ирония: смерть взяла верх над жизнью.

---

⁵⁰ Ауэзов М. О. Мысли разных лет, с. 249—250.

М. О. Ауэзов заключает, что «Коркут — самое главное героическое лицо в борьбе со смертью. И поэтому все бахсы и шаманы, вступающие в схватку со смертью, при лечении больного первым делом обращались к духу Коркута — глашатаю борьбы со смертью, и исполняли бессмертный его кюй. И этот кюй стал символом борьбы за жизнь, за защиту людей от болезни и смерти»⁵¹.

В мировой литературе и фольклористике имеются образы, подобные Коркуту, борющиеся со смертью, указывает Ауэзов, как Прометей — в греческой мифологии, Амран — в осетинской, Сидхарта — в индийской. Тема жизни и смерти, тема бессмертия все время остается злободневной в мировой истории. Этот сюжет мы находим в великих произведениях Востока: в поэмах Низами, «Искандер-наме», «Джами — Искандер», в древнем эпосе о Гильгамеше.

Из сказанного следует, что эпические сказания о «Коркуте», «Коркуде», «Хорхуте», «Деде Коркуте» принадлежат в равной степени всем тюркоязычным народам, в том числе туркменам, казахам, азербайджанцам, узбекам, башкирам, анатолийским туркам. Средой, откуда ведут свое происхождение легенды, сказания и эпические поэмы о Коркуте, в первую очередь, были огузские и кипчакские племена Казахстана.

История донесла до нас по меньшей мере два разных образа Коркута. Это огузский (туркмено-азербайджанский) Коркут — реальное историческое лицо, глава Огузского эля, визирь трех ханов, государственный деятель, мудрец и поэт, впоследствии посетивший Мекку, возможно, ставший святым. И легендарный образ Коркута — великого музыканта, поэта, борца со смертью, певца вечной жизни, философа, обессмертившего свое имя в памяти казахского и других тюркских народов. Этот Коркут древнее, чем первый, и многие элементы сказания о нем, в частности образ борца за жизнь человека, презрение к смерти, поиски бессмертия, напоминают древние сказания о Гильгамеше и др. По-видимому, эта древняя реминисценция наслоилась на реальные исторические события и способствовала созданию компендиума, в котором образ Коркута — шамана и азана совпал с образом государственного деятеля, визиря, советника, как об этом пишет Х. Короглы. Между тем

---

⁵¹ Ауэзов М. О. Мысли разных лет, с. 250.

имеются и такие исторические факты: например, даже такая, казалось бы, мифическая легенда, как сказание о Трое, потом подтвердилась археологическими раскопками доктора Шлимана.

Можно предположить в порядке гипотезы, что в основе легенд о Коркуте все-таки лежит два прототипа Коркута. Один, самый древний эпический Коркут казахского варианта — это основоположник музыкального жанра кюев, исполняемых и сейчас почти всеми кобызистами и домбристами-казахами (могила его находится недалеко от г. Казалинска, Казахская ССР), и другой исторический Коркут «Деде Коркута» (IX—X вв.) — мудрец, государственный деятель древнего огузского племени (его могила предположительно в г. Дербенте, Азербайджанская ССР).

2.7. РУКОПИСИ О КОРУГЛЫ-СУЛТАНЕ.

«МАНАС» И ЕГО ИСТОКИ. «КОДЕКС КУМАНИКУС»

Широкое распространение в Средней и Малой Азии получил эпос «О Коруглы-султане». У казахов он известен под таким же названием.

Эпос «Гуруглы», или «Куруглы» имеет до сорока песен-дастанов. У узбеков он называется «Гор-оглы», у туркмен — «Гер-оглы», у азербайджан — «Кер-оглы», у турков анатолийцев — «Кор-оглы». О нем есть также легенды среди армян, грузин, аджарцев и курдов.

Литературное наследие о Коруглы-султане делится на две группы — восточную (к ней относятся туркменский, казахский, узбекский и таджикский варианты; они изложены в стихах) и западную (азербайджанский, турецкий, курдский, армянский, грузинский, восходящие к азербайджанскому). В западной версии преобладают прозаические рассказы.

В фондах Академии наук Казахской ССР хранятся 33 разных списка эпоса «Коруглы-султан». Наиболее крупные из них следующие:

1. «Батыр-Базай и его сын Коруглы» — автор неизвестен.

2. «Коруглы» — рукопись А. Жумагазина.

3. «Коруглы-султан» — из уст великана народной поэзии Казахстана Джамбула Джабаева, 1750 строк, запись Б. Турсунбаева.

4. «Воскрешение Кору́глы» — запись известного собирателя советского фольклора Б. Джакипбаева.

5. «Кору́глы» — рукопись Е. Кулсариева.

6. «Кору́глы-султан в трех частях» — запись от жи́рау — сказителя Р. Мазходжаева, 4800 строк. Это самое большое по объему эпическое сказание на казахском языке, которое, как эстафету, передавали от одного жи́рау к другому. Мазходжаев услышал ее у известного казахского жи́рау XIX в. — Б. Накипова, а тот в свою очередь — у каракалпакского жи́рау Сеила.

Кроме того, имеются еще идентичные между собой четыре списка о Кору́глы (рукопись М. Муканова, 1700 строк; рукопись Абдрахманова, 1500 строк; рукопись Б. Арыстанбекова, 540 строк; рукопись С. Болганбаева, 1480 строк).

Содержание казахского эпоса почти одинаковое с туркменским, таджикским и узбекским вариантами. Отличается лишь северо-таджикский вариант, написанный прозой, где имена персонажей, кроме Гор-оглы, иные, чем в поэмах. Однако у вариантов на разных языках есть общая черта: это — рождение главного героя эпоса Кору́глы-султана от умирающей матери.

Кору́глы — выходец из бедной семьи, защитник народа и храбрый батыр. Когда он становится султаном сказочной, справедливой страны Джамбылбея (каз.), Чандыбела (турк.) и Чамбул (узб.), Чамбули-мастон (тадж.), то не кичится этим; в отношении к людям он справедлив и честен. По казахской версии Кору́глы происходит из туркменских племен теке-иомудов (теке-жаумыт — по-каз.). Во всех вариантах Кору́глы борется с арабским шахом, тираном Райханом, которого и побеждает. Отца Кору́глы звали Раушан, или Раушанбек. Хан кызыл-башов ослепил его, поэтому в азербайджанской версии юношу зовут Кёр-оглы, что означает сын слепого.

Дед Кору́глы-султана — простой скотовод, он известен в народе как знаток коней (сынчи), казахи зовут его Толыбай-сынчи. Во многих списках, в том числе казахском, продолжением эпоса является поэма об Авазе (Гавазе) — сыне Кору́глы-султана. Каждый народ считает сказание о Кору́глы-султанине своим эпосом, и на это есть основания, ибо до недавнего времени у каждого из них были свои сказители: жи́рау — у казахов, шаир — у уз-

беков, чургуликонами — у таджиков, бахши — у туркмен. Эти замечательные „летописцы“ донесли до нас из глубины веков не одно эпическое сказание.

Во многих вариантах эпоса имеются сказочные красавицы — пери, драконы и хранители сверхъестественных сил, «гаиб-срены и кырык чилтены», что придает эпосу древний мифологический характер. В казахских списках встречаются еще сказочные птицы — хумай (персидская) или феникс (греческая). В легенде говорится, что тот, на кого падает ее тень, станет царем. Так, в казахских списках эта птица (жумай) села на голову Коруғлы-султана.

Впервые на русском языке эпос «Коруғлы» был издан в 1856 г. в Тифлисе в переводе с английского переложения азербайджанской (тебризской) версии, изданного в 1842 г. в Лондоне русским дипломатом Александром Ходзько.

В 1880 г. эпос под названием «Хисса Коруғлы-султан» был опубликован (1450 строк) вместе с продолжением под названием «Гауаз-хан» (2300 строк) в Казани. Его обработал и издал казахский поэт Хасан Мирбабаулы из г. Петропавловска. Эти книги выдержали до революции десять изданий (1885, 1890, 1895, 1902, 1906, 1909, 1911, 1915, 1916 гг.), что свидетельствует об огромной популярности эпоса среди казахов.

Выходил данный эпос также в 1913 г. в Будапеште на венгерском языке.

В советское время об эпосе «Коруғлы» писали А. К. Боровков, И. С. Брагинский, Л. И. Климович, В. М. Жирмунский, Б. А. Карьев, Х. Т. Заринов, М. Гумарова и др.

Определить время создания эпоса «Коруғлы-султан» очень трудно. Прямых данных в летописи или документов по этому вопросу не обнаружено. Но, по утверждению Х. Коруғлы, у армянского историка Аракеля Тавризского упоминается имя Кор-оглы как поэта-импровизатора, руководителя крестьянского движения конца XVI — начала XVII в. на территории Иранского Азербайджана. Известный историк Д. М. Петрушевский также пишет, что в борьбе с войсками турецкого султана — Мюрида III (1574—1599) на стороне кавказских народов выступал батыр Коруғлы. Такого же мнения и проф. Х. Самуэлян. Но тот ли это Коруғлы или в данном случае простое сходство имен, сказать трудно, тем более

что на Востоке издавна бытует традиция давать своим детям имена эпических и легендарных героев. Между тем в списках о Коруғлы-султани ничего не говорится о крестьянском движении, тогда как из исторических летописей известно, например, восстание Маздака или восстание Муканны на Востоке.

Видимо, из-за отсутствия точных данных истоки эпоса условно можно отнести к периоду арабского господства в Средней Азии, так как во всех вариантах Коруғлы побеждает арабского завоевателя тирана Райхана.

Десятилетие назад Академия наук Казахской ССР выпустила сборник эпических поэм и сказаний о Коруғлы⁵². В него вошли: «Раушанбек, отец Коруғлы»; «Рождение Коруғлы»; «Война Коруғлы с арабом Райханом»; «Война Коруғлы с Шагдаром» (эти четыре списка принадлежат А. Мазходжаеву); «Хисса (поэма) о Коруғлы» (список К. Есенжолова); «Хисса (поэма) о Гавазхане» (список Кошанова); «Туркмен Касымхан» (список К. Утешева).

Итак, эпос «О Коруғлы-султани» получил широкое распространение среди многих тюркских народов: казахов, узбеков, туркмен, азербайджанцев, таджиков, а также среди народов Кавказа, Ирана и Малой Азии. «Коруғлы» — один из выдающихся литературных памятников раннего средневековья, возникший, по-видимому, в период арабского завоевания Средней Азии, Ирана, т. е. в VIII—IX вв. Основное содержание — борьба народов Средней Азии против арабских захватчиков.

«Манас» и его истоки. «Манас» — один из величайших эпосов героического стиля в мировой литературе. Его носителем является киргизский народ. Эпос открыл первый казахский ученый, этнограф, историк, член Русского географического общества Чокан Чингизович Валиханов. Он, будучи в 1856 г. в составе экспедиции на озеро Иссык-Куль, произвел первую запись отрывка из «Манаса» — «Смерть Кукотай-хана и его поминки». Впоследствии она была опубликована в «Записках Русского географического общества», целиком посвященных памяти замечательного ученого ориенталиста Ч. Валиханова⁵³.

---

⁵² Коруғлы — народный эпос. Алма-Ата, 1973, с. 205.

⁵³ Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1904, т. XXIX, с. 208—223.

По утверждению видного чокановеда акад. АН КазССР А. Х. Маргулана, он записал 3600 строк из эпоса «Манас»⁵⁴. Списки Валиханова состоят из 48 страниц (формат 84×108), написанных очень мелким арабским шрифтом; рукопись хранится в Ленинграде. Необходимо подчеркнуть, что «Смерть Кукотай-хана и его поминки» — наиболее богатая по сюжету и интересная в этнографическом и историческом отношении часть эпоса. Ч. Валиханов высоко ценил историческое и художественное значение всего эпоса. После него начальный эпизод, а затем и последующие поэмы «Манаса» об Алмамбете и Жолае, о «Тризне по Кукотай-хану»* записал акад. В. В. Радлов. Однако в его варианте «Кукотай-хана» имелись пропуски. Заслугой В. В. Радлова является то, что он собрал и выпустил в отдельном томе казахско-киргизские легенды, рассказы и эпические сказания⁵⁵. В этом издании главное место занимает эпос «Манас», включающий поэмы: «Рождение Манаса», «Алмамбет», «Манас и Ер-Кокше», «Бокмурун», «Козкаман», «Семетей», «Иолой», «Ер-Тостик». В целом эпический цикл тома состоит из 12 000 строк. Акад. В. В. Радлов перевел и издал эпос также на немецком языке.

Есть более ранние отрывочные сведения об эпосе «Манас». Они содержатся в таджикской рукописи «Маджму ат-таварих» (собрание истории, написанной Сеиф ад-дином ибн Дамулла Шах Аббас Ахсикенди из Ферганы). Но данный материал почти 300 лет был неизвестен исследователям.

Сведения об эпосе «Манас» и эпизоды из него печатались и за рубежом. В частности венгерский ученый Алмаши, будучи в Киргизии и Казахстане, записал эпизод из эпоса и опубликовал в 1911 г. в Будапеште под названием «Прощание Манаса с сыном Семетеем»⁵⁶. Отрывок из великого похода Манаса был издан на французском языке в 1937 г. в Париже Роланом Мальро⁵⁷.

⁵⁴ Маргулан А. Х. Шоқан және «Манас», Алма-Ата, 1971, с. 55.

* В. В. Радлов назвал ее «Бокмуруном».

⁵⁵ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1886, ч. V.

⁵⁶ *Almasy G. Der Abschied des Helden Manas von seinem Sohne Semetej. (Aus dem karakirgisischen Epos).*— Keleti Szemle Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. Budapest, 1911—1912, т. XII, с. 216—223.

⁵⁷ Dict Kirghiz. Traduit par B. Bolislavskaia et Roland Malraux.— «Eupore. Revue mensuelle», Paris, 1937, 15 mars, № 171, p. 386—388.

Кроме того, материалы о Манасе публиковались в Турции в 1959 г. на тюркском языке И. Абдулкадиром⁵⁸.

В настоящее время публикация эпоса «Манас» на русском, киргизском и других языках народов СССР, а также статьи, брошюры и книги о нем составляют более 700 названий⁵⁹. Следует привести имена наиболее крупных собирателей, переводчиков и исследователей «Манаса»: Ч. Ч. Валиханов, В. В. Радлов, М. О. Ауэзов, Ч. Айтматов, В. М. Жирмунский, А. Х. Маргулан, А. Н. Бернштам, Каралаев, Саякбай и Абдурахманов, К. Маликов, С. Липкин, У. Джакишева, Н. Н. Берков, С. М. Абрамзон, Л. Пенковский, Тоголок Молду, И. А. Батманов и др. Публикация и изучение эпоса весьма важны, так как он является богатым источником по истории и культуре тюркских народов.

«Кодекс куманикус». «Кодекс куманикус» написан в 1303 г. латинским алфавитом на огуз-кипчакском наречии. Книга содержит кипчакские (половецкие) календарные и фольклорные материалы, а также — самое главное — латино-персидско-кипчакский словарь. Рукопись словаря обнаружена в 1363 г. в Венеции в библиотеке храма Святого Марка. На титульном листе стоит дата: 1303 г. 11 июня. Благодаря этому можно предположить, что рукопись написана в конце XIII или в начале XIV века.

Кипчаков-команов в Европе и на Руси называли половцами, они известны с древнейших времен и упоминаются в китайских летописях III в. до н. э. Кипчакский язык лежит в основе казахского языка, отсюда наш интерес к «Кодексу...».

Книга «Кодекс куманикус» изучалась Г. Ю. Клапротом, который осуществил ее первое издание в 1828 г. Исследованием этой книги и других кипчакских памятников занимались В. В. Радлов, В. Банг, С. Е. Малов, Г. Кун, И. Денин, М. Г. Хоутома, М. А. Оболенский, А. Курышжанов и др. Их заметки, статьи были опубликованы в Петербурге, Копенгагене, Брюсселе, Будапеште, Ленинграде и Алма-Ате.

---

⁵⁸ *Abdülkadir I. Manas destani üzerine notlar.*— Türk dili araştırmaları yıllici bellekten. Ankara. 1959.

⁵⁹ *Берков П. Н., Сагидов Э. К.* Библиографический указатель литературы о «Манасе». Л., 1968.

2. 8. ПЕРЕХОД ОТ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ И МАНУСКРИПТОВ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ВЕЛИКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Эпические легенды и поэмы народов Средней Азии и Казахстана, запечатленные в рукописных книгах и манускриптах, способствовали формированию мировоззрения выдающихся мыслителей, ученых и поэтов Средней Азии и Казахстана.

Пожалуй, наиболее яркой в период раннего средневековья в культурной жизни народов, проживавших на территории современных Средней Азии и Казахстана, была эпоха, когда на исторической арене появилась целая плеяда великих поэтов и ученых Средней Азии, в том числе уроженцев Казахстана, внесших достойный вклад в развитие мировой культуры. Это Абу-Наср аль-Фараби, Махмуд Кашгари, Хас-Хаджиб Юсуф Баласагуни и др. Их творчество, а также деятельность современников — среднеазиатских ученых и поэтов: Хорезми, Бируни, Фирдоуси, Рудаки, Авиценны, Джами, Омара Хайяма создали в культуре эпоху среднеазиатского ренессанса. В данный период бурно развиваются города, ремесла, поливное земледелие, растут сети мектебов и медресе. Это послужило толчком для роста математики, астрономии, медицины. Одним из первых ученых Средней Азии и Казахстана вслед за великим математиком Мухаммед аль-Хорезми стал уроженец Казахстана Абу-Наср Мухаммед аль-Фараби, которого именовали на Востоке — вторым Аристотелем.

Абу-Наср аль-Фараби (870—950). Величайший ученый, философ, математик, астроном, музыкант и врач Абу-Наср аль-Фараби родился в г. Фарабе (г. Отрар)*. Сначала он учился на родине, а потом в Багдаде, тогдашнем центре научной мысли Востока⁶⁰.

Акад. В. В. Бартольд указывает, что, по утверждению одного арабского историка, г. Фараб был одним из противников Халифата и усиливался с каждым годом⁶¹. В нем были караван-сарай, медресе, богатая библиотека.

---

* Ныне развалины древнего города находятся недалеко от ст. Тимур, на правом берегу Сырдарьи, в современной Чимкентской области.

⁶⁰ См.: *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 191.

⁶¹ *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963, т. 1, с. 236.

Отрар в 1218 г. более двух месяцев оказывал упорное сопротивление войскам Чингис-хана, за что после захвата врагом был дотла сожжен.

Аль-Фараби написал около двухсот трактатов по истории естественных наук, философии и музыке. Одним из его трудов, имевших огромное значение, была книга «Китаб ал-Мусика ал-кабир» («Большая книга о музыке»), оказавшая влияние на труд Ибн-Сины «Илм ал-Мусика» («Наука о музыке»). Оба эти трактата переведены и изданы на французском языке Р. Д. Эрландже.

Наследство Аль-Фараби необычайно велико, оно охватывает самые разнообразные отрасли знаний: философию, этику, политику, психологию, астрономию, математику, музыку, поэтику, языковедение и медицину. Это был человек энциклопедических знаний. Его всесторонней образованности сопутствовала неутомимая страсть ученого к путешествиям по различным странам и городам: он был в Багдаде, Дамаске, Харране, Халебе (Алеппо), Мерве, Самарканде, Хиве, Бухаре, Кабуле, Газне, Герате. Многие годы жил в Багдаде и в Алеппо.

Наследие Фараби рассеяно по свету: рукописи хранятся в Каире, Париже, Берлине, Стамбуле, Багдаде, Лондоне, Лейдене, Казани, Москве, Ленинграде, Ташкенте и Алма-Ате.

Ходжа Ахмет Ясави (1103—1166). Немалое влияние на развитие культуры казахского народа оказала деятельность знаменитого шейха, поэта-мистика Ходжи Ахмета Ясави. Он оставил после себя поэтические диваны (сборники стихов) под названием «Диван-и-Хикмет» («Книга мудрости или назидания»). Объем книги 262 страницы, в ней 134 стиха.

Ахмет Ясави в «Диван-и-Хикмет» отмечает, что написал четыре дептера (книги). Первая посвящена шариату (мусульманскому учению), вторая — истории (таварих), третья — познанию истины (хахихат), четвертая — суфизму (тарихат). Ясави с уверенностью заявляет, что теперь, благодаря этим книгам, он будет вечно жив. До нас дошел только один из четырех его трудов — книга «Диван-и-Хикмет». Сказать что-либо определенное о судьбе других затруднительно.

Большинство стихов «Диван-и-Хикмет» назидательные, в основном религиозно-просветительского содержания, обращение к пророку Мухаммеду. Но среди них

встречаются стихи с гражданскими мотивами и проповедью суфизма (аскетизма).

Будучи одним из крупнейших поэтов раннего средневековья, Ходжа Ахмет Ясави оказал заметное влияние проповедями суфизма и религиозным просвещением на духовную жизнь того времени.

Гражданские строки стихов пронизаны любовью к людям, призывают к справедливости и скромности, к оказанию помощи обездоленным. Источником зла он считает алчность. Вот его изречения по этому поводу:

Алчность сделала людей одержимыми к богатству,
Алчность отчуждала людей от бога, отдав их во власть вещей.
Алчность сделала людей высокомерными и чванливыми.
Алчность сделала людей безжалостными и жестокими.
Алчность — источник богатства, нажитого нечестным путем.

Свое жизненное кредо поэт выразил в таком бейте:

Я открыл свою книгу и выткал ее узорами слов.
Пусть внемлет тот, кто сердцем волеи и слухом чуток,
Ради уважения бедных, униженных и беззащитных
Сторонился я людей самодовольных и пресыщенных⁶².

Ахмет Ясави вел аскетический образ жизни, был очень скромен. Он являл собой разительный контраст в сравнении с правителями и богачами, ведшими праздный и роскошный образ жизни. Это создало вокруг его имени ореол святости.

Во имя справедливости помогайте нуждающимся, любите ближних, будьте праведными в делах!— эти проповеди он сочетал с религиозным просвещением, имевшим огромное значение в степи. Учение Ясави и его мюридов (учеников) о суфизме, умеренной жизни, помощи бедным в известной мере шло вразрез с интересами аристократии и ортодоксальных догматиков ислама.

Труд Ахмета Ясави «Диван-и-Хикмет» был издан в 1901 г. в Казани Ходжи Рахманом Тыныштыкулы, а в 1915 г.— в Ташкенте под названием «Диван хазрет Хикмет».

Книга Ясави дает нам ключ к пониманию истоков и причин суфизма, а также социально-политических явлений в Средней Азии в XII в., в период завоевания данной территории каракитаями.

Юсуф Баласагуни «Кудатгу билиг» («Книга счас-

---

⁶² Ясави Ахмет Х. Диван-и-Хикмет. Казань, 1901, 24 хикмет.

тья»). Автор произведения «Кудатгу билиг» по происхождению тюрок был уроженцем г. Баласагуна*.

До сих пор точная дата рождения и смерти Юсуфа Баласагунского неизвестна. По мнению одних исследователей он родился в 1015—1016 гг.,⁶³ другие считают более обоснованной дату — 1017 г.

В его биографии достоверным является лишь 1069 г., когда автор преподнес свой труд «Кудатгу билиг» Табгач-Бограхану. С 940 по 1125 г. Семиречьем, Восточным Туркестаном владела Карлукская династия — карлук-караханиды. Автор в своей книге выражает верноподданнические чувства к одному из ее представителей. «Составитель этой книги — уроженец Баласагуна, муж твердый и благочестивый. Еще: эту книгу (составитель) закончил в Кашгаре и представил ее ко двору царя Востока Табгача-Бограхана. Этот последний почтил и возвеличил (составителя) и дал ему титул своего приближенного царедворца (хасс-хаджиб), поэтому он (составитель) известен и прославился под именем царедворца (камергера) Юсуфа»⁶⁴. Язык поэмы Юсуфа Баласагунского караханидско-уйгурский (древнеуйгурский) с уточнением по династийной принадлежности — хаканским, бугра-бограхановским. Первая часть этого определения, по мнению акад. А. Н. Кононова, — караханидский — позволяет точно установить хронологию языка, вторая — уйгурский — уточняет историко-культурные связи тюркских письменно-литературных языков⁶⁵.

Сочинение дошло до нас в трех списках. Первый находится в Вене, исполнен уйгурским письмом, рукопись XV века из Герата, плохой сохранности. Второй — дефектный экземпляр, выполнен арабским письмом, находится в Каире, и третий список из Намангана — самый совершенный, написан также арабскими буквами, хранится в Ташкенте.

Говоря о подлиннике рукописи, С. Е. Малов указывает, что Хасс-Хаджиб Юсуф Баласагуни писал свое со-

---

* Судя по некоторым данным, этот город следует искать в Чуйской долине недалеко от г. Токмака.

⁶³ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание». — В кн.: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983, с. 501.

⁶⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 234—235.

⁶⁵ Кононов А. Н. Поэма..., с. 505.

DAS
KUDATKU BILIK

JUSUF CHASS HADSCHIB AUS BALASAGUN.

THEIL I.

DES ERSTEN THEILS DER KUDATKU BILIK.

Dr. W. Radloff

ST. PETERSBURG, 1891.

A. Shuman and Eggers & Co.

Титульный лист поэмы Юсуфа Баласагунского
«Кудатгу билиг», изданной в Петербурге в 1891 г.
под редакцией В. В. Радлова.

чинение, видимо, арабскими буквами, а для кашгарского правителя Бограхана выполнил его уйгурским письмом.

«Кудатгу билиг» — дидактическая назидательная книга, написанная с целью указать путь к познанию мудрости правления, житейского обихода и обращения

с людьми. Это — философское произведение, в котором анализируется смысл и значение человеческой жизни и определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе, при этом Юсуф не страшится критиковать общество, в котором он сам живет»⁶⁶.

По своему языку, стилю, образности книга относится к выдающимся литературным памятникам тюркских народов. Она написана стихами «гаруз», составляющими 70 процентов текста, а остальная часть — проза. Книга имеет 85 глав, содержит 6520 бейтов или 13 290 стихотворных строк!

Каждая глава посвящена какой-либо теме. Например, вторая — определению названия книги и Бограхану; восьмая — значению языка и искусства слова; 10-я — повествует о зле и добродетели; 16-я глава — о справедливости; 21 и 22-я главы — о необходимых качествах послов и начальников; с 24 по 32-ю главы — о значении поэтов; в последующих главах описываются обязанности правителя, состояние земледелия и торговли, говорится о важности питания детей, об общении с бедными и др.

Многие его дидактические рассказы даны в виде диалога символических персонажей; Кюнтогды (Восход солнца) с Айтолды (Полнолуние) и бесед между Огдюлмышем и Одгурмышом.

Приведем несколько примеров из его нравоучений о скотоводах, кустарях, а также о пользе и вреде языка.

О скотоводе.

...Существуют еще скотоводы.
Они надзирают за табунами лошадей,
Это очень правдивый род людей,
Обходись с ними хорошо!

О ремесленниках.

Другой род людей составляют ремесленники.
Они создают руками искусство, чтобы зарабатывать
себе на жизнь.
Все они необходимые для тебя люди,
Приблизь их к себе, они принесут тебе пользу,
О великий!

Так обращается автор к Бограхану!

О языке.

Язык возвышает человека,
Человек (через него) достигает счастья.
Язык и унижает человека:

---

⁶⁶ См.: Кононов А. Н. Поэма..., с. 507.

(Через него) он может лишиться (даже) своей головы.
Язык всегда делал меня беспокойным.
Лучше отрезать свой язык, чем лишиться головы.
Через две вещи человек не стареет:
Первое — доброе его дело, а второе — доброе его слово.
Человек рождается и умирает.
Но не умирают его слова.
Вместе с его словами остается и его имя!
Если хочешь жить вечно!
О, мудрые, берегите хорошие дела и хорошие слова⁶⁷.

Важный этап в истории изучения «Кудатгу билиг» связан с именем акад. В. В. Радлова, который в 1890 г. опубликовал в Петербурге венский список, а в 1900—1910 гг. издал венский и каирский списки, которые перевел еще и на немецкий язык. Отрывки из третьего наманганского и каирского (по Радлову) списков опубликовал С. Е. Малов в своем труде «Памятники древнетюркской письменности». В конце венского списка, опубликованного В. В. Радловым, имеется точная дата, сделанная переписчиком: «Закончено — книга Кудатгу билиг восемьсот сорок третьем году, в году овцы, месяца мухаррама, четвертого числа хиджры», т. е. в 1426 году, четвертого марта⁶⁸.

В 1971 г. наманганский список опубликовал на узбекском языке К. Қаримов. В 1983 г. на основе трех списков исследователем С. Н. Ивановым было подготовлено первое на русском языке стихотворное и полное издание произведения Юсуфа Баласагунского «Кудатгу билиг». Это позволило советскому читателю ближе познакомиться с памятником мировой культуры, с древней историей отдельных советских наций.

Махмуд Кашгарский «Диван лугат ат-турк». В 1915—1917 гг. в г. Стамбуле вышел в свет трехтомный словарь тюркских наречий («Диван лугат ат-тюрк») Махмуда Кашгари. Издание такого капитального труда по тюркологии было большим событием в научном мире. До этого были известны в основном религиозно-философские, поэтические, дидактические и правовые работы восточных авторов. Книга по филологии тюрков оказалась незаурядным явлением.

Махмуд Кашгари родился вблизи Барсахана в семье скотовода-кочевника. Язык своих соплеменников он счи-

---

⁶⁷ Кудатгу билиг, с. 291.

⁶⁸ Там же.

тал тюркским без примеси персидских, согдийских и арабских слов. Из биографии автора нам точно известно лишь время создания его труда. В конце книги он пишет, что «начал Диван лугат ат-тюрк» в 464 году хиджры в первый день пятого месяца, т. е. 25 января 1072 года, а закончил на десятый день 466 г., т. е. 10 февраля 1074 г.»⁶⁹. Свое сочинение он написал в преклонном возрасте, о чем можно судить по такому его уточнению: «Эта книга меня приблизила к смерти еще на один шаг». Поскольку год рождения и год смерти его неизвестны, то, согласно косвенным замечаниям, предположительно он родился в начале XI века. Махмуд Кашгари много путешествовал, посетил немало стран и городов, в частности побывал в Семиречье, Средней Азии и степях Дешт-и-Кипчака. Он писал: «Я затратил долгие годы, чтобы объехать города, кишлаки и джайляу тюрков, туркмен, огузов, чигилов, ягма, киргизов, занимаясь сбором слов их языков, изучая произношение различных говоров, уточняя все это, я занимался этим делом не потому, что не знал языки, а для того, чтобы определить их особенности, тончайшие оттенки, касающиеся значения и формы слов различных племен»⁷⁰.

Закончив свою книгу, М. Кашгари преподнес ее сирийскому наместнику в Дамаске, а в предисловии написал, что для ее составления «пользовался трудом Халил ибн-Ахмеда „Китаб ул-дин“ и его принципами»⁷¹. По всей вероятности, он создавал свой труд в Дамаске — средневековом центре мусульманского образования и науки. Примечательно, что писал его на родном языке, тогда как многие среднеазиатские ученые творили на арабском или персидском языках.

Книгу Махмуда условно можно разделить на две части. В обстоятельном предисловии автор рассказывает о роли и месте тюркских языков, о цели своей книги, приводит сведения о племенах и родах, говорящих на тюркском языке. Он первым выполнил карту мира на этом языке с указанием народов, главных городов, рек, морей и озер. Во второй части дается словарь наречий различных тюркских племен и народов, отмечаются те изменения, которые произошли в их языковом строе: что

⁶⁹ Великие ученые Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1965, с. 106.

⁷⁰ Диван лугат ат-тюрк, с. 45—46.

⁷¹ Там же, с. 108.

более современно, созвучно эпохе и что устарело. Эти стороны труда делают словарь весьма ценным и позволяют проследить за трансформацией языка. Для лучшего восприятия текста автор вводит в него крылатые слова, пословицы, поговорки, стихи-экспромты.

Через 200 лет после смерти М. Кашгари его труд переписал сириец Мохаммед ибн-Абубакир, благодаря этому сочинение дошло до нас, так как оригинал не сохранился. В конце рукописи сказано: «Житель сначала Сава, а затем Шама (Дамаск) Мухаммед ибн Абубакир ибн Абулфатих (да благословит его Аллах!) переписывал эту книгу с оригинала, закончив это дело на 26-й день в воскресенье десятого месяца 664 года».

Свою лепту в исследование наследия Махмуда Кашгари внесли многие ученые, в особенности В. В. Радлов, С. Е. Малов, А. Н. Кононов, Х. Г. Нигматов, С. Муталибов, В. У. Махпиров, турецкий ученый Б. Аталай.

Следует вспомнить и имя первого издателя Кашгари — востоковеда Али Амир Даирбека, который в 1914 г. нашел копию рукописи и опубликовал ее в 1928 г. Эта книга вышла и на немецком языке в переводе Карла Броккельмана, а затем отрывки из нее на русском языке напечатал С. Малов. В 1960 г. Академией наук Узбекской ССР были изданы все три тома в переводе на узбекском языке, их подготовил С. Муталибов. Труд Кашгари переведен также на азербайджанский язык. В 1967 г. отрывки из стихов, пословиц, поговорок «Диван лугат ат-тюрк» были опубликованы на казахском языке в хрестоматии древней казахской литературы.

Знаменательным событием для востоковедов был выход первого номера журнала «Советская тюркология» за 1972 г., посвященного этой замечательной книге. В ней имеются исследования А. Н. Кононова «Махмуд Кашгари и его „Диван лугат ат-тюрк“», С. Г. Кляшторного «Эпоха Махмуда Кашгари», А. Рустамова о переводе «Диван лугат ат-тюрк» на русский язык, а также статьи Э. К. Курыжшанова, М. Ш. Шералиева, Ю. Мухлисова, Э. Хайтметова, А. М. Темирши-заде по различным аспектам творчества Кашгари. О большом значении его наследия свидетельствует факт организации в г. Фергане в октябре 1972 г. первой тюркологической конференции, в связи со 1000-летием «Диван лугат ат-тюрк». В ней приняло участие более ста тюркологов СССР.

Махмуда Кашгарского по праву можно назвать вы-

дающимся ученым, отцом тюркологии, поэтом и ученым-путешественником.

Ахмад Югнеки. Полное имя этого средневекового поэта Востока — Эдиб Ахмад ибн-Махмуд Югнеки. В подтверждение этого можно привести достоверное свидетельство правителя г. Саурана Арслан-Ходжа-тархана. В 1544 г. по его желанию книга Ахмада Югнеки «Хибат ал-хакаик» («Подарок истины») была переписана. В приложении к ней помещены стихи правителя, которые гласят:

Зовут родной Эдиба — Югнек.

Это — земля удивительной красоты, отрада для души.

Имя его деда — Махмуд Югнеки.

Эдиб сын Ахмада, нет в этом пикакого сомнения.

Название его книги «Хибат ал-хакаик».

Это назидание от арабов.

И она полностью на кашгарском языке.

Написал ее Эдиб трогательными словами.

Каждый, кто знает кашгарский язык,

будет знать все, что сказал Эдиб.

Югнеки жил в XII веке. Более точные даты его рождения и смерти неизвестны. Первоначальное образование он получил в Туркестане, затем учился в Бухаре. Прославился Эдиб благодаря своей книге. Она написана стихами дидактическо-назидательного содержания. Оригинал рукописи не сохранился, до нас дошла копия, переписанная в 1480 г. с оригинала. Ее обнаружили в 1916 г. в библиотеке мечети Айя София в г. Стамбуле.

Турецкий ученый Нажиб Гасем в 1918 г. опубликовал отрывки из этой книги. Имеются ее переводы на русский язык С. Е. Малова и Е. Э. Бертельса, на немецкий — В. В. Радлова (1907), на французский — И. Я. Дени (1925). Отрывки из «Подарка истины» издавались также на казахском и узбекском языках.

Сочинение Югнеки состоит из 14 глав, включающих 506 стихотворных строк. Имеется два текста: один выполнен арабскими, а другой — уйгурскими буквами. Начинается книга хвалой Аллаху, пророку Мухаммеду и четверем его сподвижникам — халифам, а затем Дад-сипахсалару-беку *. Для увековечения имени последнего она и написана. Автор касается разных проблем: о пользе знаний (125 стих), о пользе и вреде языка (173—220 стихи), об изменчивости мира (221—260 стихи), о

---

* Видимо, он был наместником или главнокомандующим.

щедрости и скупости (261—288 стихи), о гордыни и смирении (289—316 стихи), о помощи бедным и пресечении насилия (326—327 стихи). Книга написана тюркским литературным языком переходной формы от караханидской к хорезмийской традиции.

В строках о языке Югнеки высказывает мысли, подобные взглядам Юсуфа Баласагунского, а в стихах о немущих перекликается с воззрениями Ахмета Ясави.

Говоря о бренности мира, автор восклицает:

Сколько было ученых! Сколько философов!
Где они теперь? (Хотя бы) один из тысячи?!
Было живым постоянно (только) слово,
Не будучи (с чем-либо) связано.
В мире, смотри, они (мужи) прошли, оставив доброе имя⁷².

Книга изобилует образными сравнениями, метафорами, содержит притчи и поговорки. Творчество Эдиба Югнеки принадлежит всем тюркоязычным народам.

Маулана Атаи бин-Исмаил. Маулана Атаи — выходец из Туркестана. Годы его жизни и деятельности приходятся на первую половину XV в. Отец Атаи Исмаил-ата был туркестанским шейхом, позже переселился в Балх.

Произведения Маулана Атаи насчитывают, по некоторым сведениям, 260 газелей. До нас дошло 109 газелей. Главными темами в поэзии Атаи были любовь и красота. Он, как и его современники Сакоки и Лютфи, отрицал мистическое и схоластическое понимание жизни. Находил в ней радости, воспевал красоту природы и счастье с возлюбленной. Его стихи насыщены элементами фольклорной поэтики.

На творчество Маулана Атаи оказала влияние лирика великого Хайяма, который не верил в потустороннюю жизнь и предпочитал ей земные радости. Он писал:

Не дай тискам печали себя зажать, Хайям!
Ни дня в пустых заботах нельзя терять, Хайям!
Впивай же свежесть луга, стихов и милых губ.
Потом в могиле душной ты будешь спать, Хайям!
Когда б я властен был над этим небом злым,
Я б сокрушил его и заменил другим,
Чтоб не было преград стремлениям благородным,
И человек мог жить тоскою не томим!⁷³

⁷² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 319.

⁷³ Диван лугат ат-тюрк, с. 197.

Маулан Атан вошел в среднеазиатскую литературу как тонкий лирик. Один из крупных исследователей средневековой узбекской поэзии проф. Э. Рустамов считает его видным представителем восточной литературы. Остается только сожалеть, что поэтическое наследие этого жизнелюбивого певца сохранилось не полностью.

Абулкасым Гимад эд-дин Ахмет аль-Фараби (1130—1210). Изучая восточные рукописи и манускрипты в архивах г. Казани, автор этих строк натолкнулся на книгу под названием «Китаб и хулясету ль халисет» («Чистый родник»), написанную на арабском языке Абулкасымом аль-Фараби.

Автор книги уроженец Отрара (Фараба), т. е. он земляк великого философа и математика Абу Насра аль-Фараби. Абулкасым жил накануне грозных событий — нашествия войск Чингис-хана. И хотя он не дожил до этой трагедии, умер в 1220 г., его родина сильно пострадала от разбоя, учиненного завоевателями. Древний город Отрар после упорного (72 дня) сопротивления пал в 1220 г. и был сожжен врагом дотла. Так временно перестал функционировать один из богатых и культурных центров Средней Азии. Вместе с городом погибла и отрарская библиотека — бесценный источник и хранитель разнообразных знаний. О войнах, которые разрушили цивилизации и превратили в пепелище некогда цветущие края, К. Маркс в своих «Хронологических выписках» писал: «...Орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»⁷⁴.

В отрарском пожарище погибли труды многих ученых Востока, в том числе земляков Абулкасыма — Искака Фараби и поэта Захира Фараби.

Труд Абулкасыма аль-Фараби «Чистый родник» состоит из нескольких глав и имеет 312 страниц. Содержание глав книги разнообразно, есть главы о справедливости и единстве, о познании божественных начал в природе, об изучении науки, о почитании старости и необходимости выдержанности, об осмотрительности в жизни, о браке и семье, о чистоте нравов и любви к

---

⁷⁴ Маркс К. Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса. М., 1940, т. 5, с. 221.

ближним, о бедняках. Отдельные главы порицают лихоимство, прелюбодеяние, ложь, употребление вина, поругание женщины, другие описывают игру в шахматы, надобность учения и др. Словом, это целая система нравственно-этических норм поведения в обществе. Данная книга представляет несомненный интерес как одно из дидактических произведений Востока.

В 1851 г. она была издана на арабском языке типографией Казанского университета под названием «Китаб и хулясету ль халисет». К печати рукопись подготовил Али бин-Махмуд бин-Мухаммед Ар-Раид Бадахшани. Более подробным изучением этой книги еще не занимались.

Якини. Этот поэт известен своим сочинением «Китаб муназире окянг» («Книга о споре Стрелы с Луком»). Он выходец из Туркестана, жил и творил в XV веке. Его точные биографические данные не сохранились. Существует литературная традиция, согласно которой древние и средневековые поэты и ученые свое недовольство деспотизмом верховной власти выражали критикой в виде споров животных или предметов. Достаточно вспомнить древние басни Эзопа и др.

В средневековье свои протесты и острые сатиры передавали в своеобразной форме — муназире. Одним из приверженцев такой формы был Якини. На тюркском языке он написал литературный муназир «Спор Стрелы с Луком», в котором обличал коварство и насилие богатых по отношению к бедным и слабым.

Рукопись Якини хранится в библиотеке Британского музея, ее объем 7 листов.

Эпоха Якини, Атаи и других оказалась периодом, когда тюркский язык стал литературным языком. Особенно ярко это проявилось в поэзии Навои, написанной на родном языке. Навои считал, что поэзия в мусульманском мире начала свое бытие с арабского языка, затем с освобождением от арабского ига ей на смену пришла персидская. Только с периода правления Хулагу и Шах-руха складывается тюркская поэзия в лице таких поэтов, как Саккоки, Хайдар, Хорезми, Атаи, Мукими, Якини, Амири и Гадаи⁷⁵.

---

⁷⁵ См.: Бертельс Е. Э. Избранные труды Навои и Джами. М., 1965, с. 191.

* * *

Письменные памятники, манускрипты, рукописи и рукописные книги сыграли огромную роль в развитии научной мысли и духовной культуры народов Средней Азии и Казахстана в эпоху средневековья. Наряду с изустной традицией получили развитие рукописи и книги, освещавшие научные и культурные достижения в математике, астрономии, физике, медицине, музыке, литературе и архитектуре. За это время книга прошла определенный путь развития от первоначального эпического содержания к конкретным знаниям.

Произведения великих мыслителей Средней Азии и Казахстана явились не только качественно новым этапом в развитии книжной культуры народов этих стран, но и оказали огромное воздействие на развитие мировой культуры, науки и книгопечатания.

На рукописных трудах своих великих предшественников в школах и медресе училось не одно поколение на Востоке. Эти труды ценны для нас не только как величайшие памятники письменности прошлого, но и как истоки современной науки. Говоря о начатках естествознания, мы вспоминаем великих ученых Востока — М. Хорезми, Абу Райхан Бируни; в философии и музыке — Аль-Фараби, Аль-Газали, Аверроэса; в поэзии — Омара Хайяма, Фирдоуси, Низами, Хафиза, Рудаки, Саади, Навои; в языкознании — Махмуда Кашгарского; в медицине — Авиценну; в истории — Рашид ад-дина, Шараф эд-дин, аль-Иезди, Низам аль-Мулька; в области дидактики и этики — Юсуфа Баласагунского.

Таким образом, рукописная традиция сыграла значительную роль в духовном развитии народов Средней Азии и Казахстана, в деле просвещения, а также развития средневековой науки.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОЙ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

3.1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ

Рукописные книги прежде чем превратиться в печатные прошли длительную и сложную эволюцию. Из истории письменности и книгопечатания в Европе и Азии мы знаем, что в разное время, в разных условиях, по-разному складывалась судьба печатных книг и их создателей — Би Шена, И. Гутенберга, И. Федорова, Ф. Скорины и других. Печатную книгу по-разному воспринимали просвещенные слои общества. Свое распространение она получила в условиях зарождавшегося капитализма, который не мог обойтись без развития науки и техники, без образованных кадров, что в свою очередь было невозможно без определенной сети образовательных школ и изготовления печатных книг.

Человечество обязано книге вообще, печатной книге в частности, тем, что, несмотря на сложные исторические перипетии, зигзаги общественного развития, она сохранила язык и культуру исчезнувших и живущих сегодня народов и донесла сведения о них до нашего времени.

Но бывало и иначе. В средневековые целые народы понесли невосполнимые утраты. Так, древнехорезмийские книги были сожжены арабским завоевателем Кутейбой ибн-Муслимом, который, по словам великого Бируни, уничтожил не только письмо и книги хорезмийцев, но и самих ученых, знавших древнюю историю своего народа.

Но, несмотря на разнообразные коллизии в истории, великое чудо — книга — постепенно развивалась вместе с историей, вместе с народами, создавшими ее.

А. А. Сидоров справедливо отмечал: «Печатание на национальных языках было неизбежным. Складывавшийся среди катастроф и мучений в Новой Европе и в

Передней Азии язык — свой, народный, был могучим центром, сохранившим и оберегавшим достижения прошлого во имя будущего... История книгопечатания развивалась не по правилам схоластической логики, а по внутренним диалектическим законам общественной, национальной и социальной борьбы». Развивая эту мысль, автор оценивает роль книги еще выше: «Создание национальной книги было порою знаменем политической борьбы и крупнейших исторических побед»¹. Именно национальный язык, национальная культура и книги на родном языке способствовали сохранению своеобразных культур многих стран, росту национального самосознания. Кроме того, национальная книга, особенно печатная, способствовала упорядочению сети школ и библиотек, развитию просвещения.

Эти важнейшие аспекты книгопечатания относятся к возникновению и развитию и казахской печатной книги.

* * *

Вся предыдущая история развития письменности и рукописных книг Средней Азии и Казахстана подготовила прочный фундамент для перехода к печатным книгам. В Казахстане благоприятные условия для этого создались после присоединения большей части Казахстана к России, т. е. к началу XIX в. Именно данный исторический процесс обусловил возникновение печатной книги на казахском языке. Первостепенную роль сыграло не только само вхождение края в состав более передовой страны, но прежде всего последовавшие социально-экономические и политические преобразования. Казахское общество под влиянием политической и экономической структуры России постепенно стало трансформироваться. В казахских степях появились небольшие фабрики и заводы: мукомольные, маслобойные, кожевенные, пивоваренные, сырьевые, а Караганда, Экибастуз, Риддер начали давать уголь и руду. Сравнительно быстро развивалась торговля и ростовщический капитал, на ежегодных ярмарках в Куянде, Оренбурге, Капале и Каркаре торговый оборот сырьем достигал нескольких миллионов рублей.

Из среды казахского байства и знати росла национальная буржуазия — скотопромышленники, владельцы:

---

¹ Пятьсот лет после Гутенберга. 1468—1968. М., 1968, с. 305.

различных мелких заводов и фабрик. Между тем, по определению Маркса, книгопечатание было одной из «необходимых предпосылок буржуазного развития»². Так произошло зарождение печатной книги у европейских народов. Как же возникло книгопечатание в условиях Казахстана? Исследовать этот важнейший составной элемент культуры народа — весьма актуальная задача советского историка книги.

* * *

Каждый народ имеет в своей истории поворотные вехи, которые определяют его дальнейшее развитие. Если применить конкретно эту аналогию, таким периодом для казахов было время с 30-х годов XVIII века до середины XIX века. Это период присоединения Казахстана к России. Ему предшествовала политическая раздробленность, которая была чревата угрозой уничтожения извне. Губительным для казахского народа явилась экспансия Джунгарского ханства. Не менее разорительными были и грабительские набеги войск соседних Кокандского и Хивинского ханств, совершаемые на южные казахские области.

Опасная ситуация, сложившаяся для казахского народа, требовала скорейшего выхода из создавшегося положения. Им явилось решение в 1731 г. хана Младшего жуза Абулхаира о присоединении к России, которое завершилось во второй половине XIX века принятием подданства Средним и Старшим жузами.

Простой казахский народ видел в соседнем дружественном русском народе надежную опору и защиту от захватчиков. Немаловажным доводом для присоединения к России была и отсталая экономика края. Кочевой уклад жизни, спорадическое земледелие, отсутствие промышленности тормозили развитие экономики, а существовавший социальный строй задерживал политическое и культурное развитие края.

Сближение и дружба с Россией, с которой Казахстан издавна поддерживал торговые отношения, стали объективной необходимостью для казахов, в процессе общения с русским народом они перенимали у него более передовые формы ведения хозяйства.

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 262.

Большое значение для развития казахской культуры имело благотворное воздействие прогрессивных взглядов и идей великих русских революционеров-демократов.

Решающее влияние на политико-экономический строй Казахстана оказала вторая половина XIX века — период бурного развития капитализма в самой России. В казахской степи начали рушиться традиционные устои общества, расширялось земледелие, развивалась добывающая промышленность, зарождался пролетариат, национальная буржуазия и интеллигенция.

Для управления Степным краем царской России требовались грамотные люди из местного населения, которые могли бы служить в чиновничьем аппарате. Для этих целей сначала были организованы школа в Оренбурге и кадетский корпус в Омске, потом повсеместно стали открывать смешанные русско-киргизские школы первой ступени, духовные семинарии и т. д. Появились первые учебники, создавались библиотеки и типографии.

Со второй половины XIX века Казахстан ежегодно посещали военно-топографические научные экспедиции, которые собрали немалый материал по истории, этнографии, фольклору казахского народа. Делались первые шаги по пути обобщения этих материалов.

Передовые русские ученые, находившиеся в казахской степи в ссылке, наряду с научно-исследовательской работой, занимались культурно-просветительной и издательской деятельностью. По их инициативе в городах Оренбурге, Семипалатинске, Омске, Верном и Уральске были организованы отделения Русского географического и Горного обществ, различные статистические учреждения. Например, друг великого казахского поэта Абая Кунанбаева Е. П. Михаэлис организовал статистический комитет, библиотеку и музей в Семипалатинске. По инициативе Мушкетова в Верном открылось Горное общество. В Оренбурге начала действовать Ученая архивная комиссия. Эти общества и комитеты, областные правления выпускали сборники и записки своих исследований по истории, языку казахов и географии края. «Самое замечательное в трудах этого огромного, многообразного коллектива казахских деятелей-собирателей, русских путешественников, ученых исследователей заключалось в том, — писал лауреат Ленинской премии, академик АН КазССР М. О. Ауэзов, — что они издавали в русском

переводе и на казахском языке собранные ими материалы. Печатали эти материалы в петербургских, московских издательствах начиная с 30-х годов XIX столетия и продолжали издавать непрерывно до революции 1917 года»³.

Впервые русские и европейские читатели познакомились с историей и бытом казахского народа благодаря этим трудам и исследованиям. Издание в Петербурге, Казани, Оренбурге, Уфе и Семипалатинске лучших образцов казахских народных поэм и легенд имело большое культурное значение. Ими зачитывались не только русские, но и грамотная часть казахского народа, их заучивали певцы, сказители, переписывали учащиеся.

После присоединения Казахстана к России, за XVIII и XIX века на русском языке вышло в свет немало книг и научных трудов, в которых содержалась разнообразная характеристика края, его истории, народа, образа жизни, фольклора.

Назовем, на наш взгляд, наиболее интересные из них:

П. И. Рычков «Топография Оренбургская» (СПб., 1762);

Н. П. Рычков «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году» (СПб., 1772);

В. А. Ушаков «Киргиз-кайсак». Повесть. (СПб., 1830);

А. И. Левшин «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. I—III (СПб., 1832);

И. Казанцев «Описание киргиз-кайсаков» (СПб., 1867);

В. И. Даль «Бикей и Мауляна». Повесть. (Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1884);

Н. И. Ильминский «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (Казань, 1891).

Г. Н. Потанин «Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (СПб., 1896);

В. В. Бартольд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», т. II (СПб., 1898—1900); «Очерки истории Семиречья» (Верный, 1898);

В. В. Радлов «Образцы народной литературы тюркских племен», 11 томов (СПб., 1896—1910);

Особенно содержательными для изучения истории края были труды П. С. Палласа, И. Г. Андреева,

---

³ Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959, с. 475.

Г. И. Спасского, И. Ф. Бларамберга, Л. Мейера, М. Красовского, А. И. Добросмыслова, П. И. Небольсина, А. Е. Алекторова, И. И. Крафта и др.

Для управления краем и ведения его делопроизводства самодержавию нужны были типографии, чтобы издавать и распространять среди граждан высочайшие указы и законы. Согласно предписанию Павла I, в начале XIX века были открыты специальные азиатские типографии для малых народов России в Казани, Астрахани, Бахчисарае, позже в Ташкенте, Омске, Уфе, Оренбурге, Семипалатинске. В начале своей деятельности они печатали помимо царских указов и прочих документов религиозную и учебную литературу по просьбе мусульманского духовенства для распространения ислама среди населения. Со временем на фоне этой литературы стали появляться первые светские и гражданские книги.

Таким образом, под влиянием передовой русской литературы и при помощи высокоорганизованного книжного дела в России книгопечатание стало делать свои первые шаги и на окраинах империи.

3.2. КАЗАНЬ — ЦЕНТР ИЗДАНИЯ В РОССИИ КНИГ НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Народы, вкусившие позже плоды цивилизации, повторяют путь народов, намного раньше прошедших ступени исторического развития. Для казахского народа замечательным примером в этом смысле является русская история. Характеризуя историю книгопечатания в России, А. А. Сидоров отмечает, что собирание книг, торговля ими необычайно способствовали культурному сближению народов с самого начала книгопечатания, поэтому его происхождение нельзя ограничивать национальными рамками. Распространение книг шире, чем граница языка⁴.

Позднее мы наблюдаем это явление и в истории книгопечатания на окраинах Российского государства. Книги малых народов издавались в основном в Казани, потом в Оренбурге, Уфе, Петербурге, Астрахани, Омске. Об открытии в г. Казани первой Азиатской типографии говорилось в специальном объявлении. Оно гласило: «При императорской казанской гимназии с 1800 года существует Азиатская типография, всемиловитвейше пожало-

---

⁴ См.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 45.

ванная ей блаженной памяти государем императором Павлом I. Она с того времени донны в действии, состоит из двух печатных станков и содержит все потребности и всякие шрифты, с матрицами их, для печатания книг на арабском, турецком, персидском, татарском и других азиатских языках, употребляющих аравийские буквы и т. д.»⁵. Этим было положено начало издания в России печатных книг на восточных языках.

Выбор Казани для организации выпуска печатных книг объяснялся тем, что в XIX веке она становится вторым после Петербурга крупным центром изучения культурного и научного наследия народов Средней Азии и Казахстана. Огромную роль в деле исследования рукописных и устных памятников на тюркском, арабском, персидском, тибетском и монгольском языках сыграли ориенталисты — профессора и ученые Казанского университета. Большая часть литературы, изданной на восточных языках, появилась в свет в Казани. К концу XIX века в городе была создана хорошая полиграфическая база, действовало 15—20 типографий и литографий. По разнообразию шрифтов, оформлению и печатанию книг они были в числе наиболее передовых и лучших в Российской империи. Современник, крупный русский историк С. М. Соловьев писал: «По сравнению с другими типографиями России, Казанская университетская типография сделала много полезного для развития науки и культуры Востока. Ежегодно из стен Казанской университетской типографии в различные уголки света: на Кавказ, в Азию, в Африку отправлялись сотни, тысячи экземпляров книг на восточных языках»⁶.

Такого успеха в книжном деле Казань достигла не сразу. На пути к нему было много трудностей. Первая казанская типография была лишь филиалом петербургской типографии «Азия», получала оттуда станки, шрифты и т. д. Организация самостоятельной типографии, обеспечение ее оборудованием было поручено представителю местной администрации — Г. Бурашеву. Первые годы она находилась в помещении гимназии, затем перешла в Дом типографии. Коллектив типографии имел в своем составе: начальника Бурашева с годовым окладом 500 рублей, корректора с окладом 350 рублей, наборщи-

⁵ Архив Казанского университета. Совет ун-та, 1809, № 3.

⁶ Очерки Казанского университета. Казань, 1899, т. II, с. 16.

**Азиатская типография в Казани, в которой с 1800 г.
печатали книги на восточных языках.**

ков — Хамзу Момышева и Гали Ибрагимова, временного цензора — учителя гимназии, будущего ученого Ибрагима Хальфина. Цензора назначал оренбургский муфтий. В 1813 г. по просьбе Министерства просвещения типография Сената прислала им матрицы шрифтов на восточных языках.

В 1809 г. начинает свою работу типография при Казанском университете. Она печатает книги как на русском языке, так и на языках восточных народов. В 1816 г. при Казанском университете создается Комитет по изданию научных трудов, который организует выпуск «Ученых записок Казанского университета». Вначале для работы типографии из фонда университета выделяли 2000 рублей в год, затем увеличили до 9289 рублей. Коллектив типографии был небольшим, оклады сотрудников — невысокими. В 1815 г. попечитель Казанского учебного округа Магницкий произвел ревизию книгоиздательского дела в университетской типографии и проконстатировал: с 1808 по 1815 гг. издано 77 книг, из

них — девять на духовную тему очень полезны, а несколько книг, в том числе о сущности деизма, — вредны. Он проинспектировал также другие типографии и отметил, что положение в типографии «Азия» несколько лучше, чем в других: «имеется оборудование и штаты хорошие, однако наряду с изданием магометанской литературы необходимо перевести на тюркский язык Евангелие и опубликовать его». Как видно, Магницкий заботился не только о распространении мусульманства, но и православия.

С 1809 по 1819 гг. шла жаркая дискуссия по поводу объединения типографии «Азия» с университетской. Особенно настойчиво добивался этого проф. Яковкин. Параллельное существование обеих типографий материально было невыгодным, вызывало ненужную трату средств, что в свою очередь отражалось на выпуске книг. В самый разгар полемики в 1819 г. арендатор — купец Апанаяев — обратился в Министерство просвещения с просьбой об изготовлении университетской типографией недостающих шрифтов тюркского языка для Дома типографии. Однако этому воспротивились университетские профессора Солнцев, Никольский, Дунаев. Их поддержал тогдашний министр просвещения князь Голицын. После долгой полемики в 1829 г. типография «Азия» объединилась с университетской типографией. По мнению исследователя истории книги академика Б. А. Дорна, типография «Азия» с 1801 по 1827 г. выпустила 91 название книг, а по подсчету проф. Н. Ф. Катанова с 1800 по 1896 г. типография университета напечатала 3456 названий книг⁷, в том числе около 70 названий казахских.

Однако следует заметить, что в 1824 г. в типографии университета был пожар, в огне сгорело много архивных документов и книг. Поэтому данные Дорна и Катанова, видимо, не совсем точны.

Университетская типография сыграла большую роль в развитии книгопечатания на восточных языках. Основная заслуга в этом деле принадлежала коллективу университета. В нем работало более 60 профессоров и магистров наук. Большинство из них были ориенталистами:

---

⁷ Каталог книг, напечатанных в типографии Казанского университета с 1800 по 1896 год. Казань, 1896; *Каримуллин А.* Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983, с. 56.

тюркологами и арабистами. Они обсуждали рукописи на ученом совете и наиболее ценные рекомендовали к публикации.

В 30-х годах XIX века улучшилась и материально-техническая база типографии: она получила новые шрифты на русском и татарском алфавитах, новый печатный станок и другое оборудование, перешла в новое трехэтажное здание. В результате она стала одной из лучших типографий России.

Типография Казанского университета, а также Казанской гимназии в течение XIX века выпустили более 6000 наименований книг. Названия, год издания в основном известны, но остались невыясненными тиражи. Раньше в книгах их обычно не ставили. О тиражах можно судить только по некоторым архивным документам. Например, если в течение трех лет (1800—1803 г.) типография «Азия» выпустила на языках восточных народов 31 000 экземпляров, то уже в одном 1806 г.—27 000 книг. До объединения двух типографий за последнее десятилетие (1819—1829), по данным совета университета, типография «Азия» напечатала 137 255 книг, из них 41 035 экземпляров учебной литературы.

Выпуск книг на восточных языках почти всецело зависел от ученых, потому что многие из них выступали не только в роли авторов, но и цензоров, так как царские чиновники не знали восточных языков. В этом качестве известны ученые И. Хальфин, профессора Ф. И. Эрдман, А. Казембек, И. Н. Березин. Своей бескорыстной добросовестной работой они снискали народное уважение.

Кроме названных типографий в Казани имелись и другие типографии, выпускавшие литературу на восточных языках. Исследователь В. П. Васильев в своем каталоге, выпущенном в 1866 г., утверждает, что в 1866 г. в Казани действовали 6 типографий, 5 литографий, 4 словолитни. Они подразделялись на казенные и частные.

Казенные типографии. Это прежде всего *типография Казанского губернского правления*, которая находилась на территории городской военной казармы. Она печатала «Губернские ведомости», а также другие официальные материалы. Затем *типография Казанского университета*. Она располагалась в учебном корпусе университета и печатала методические пособия, «Ученые записки» различных комиссий и советов, научно-исследовательские

труды по востоковедению, рукописные труды классиков Востока, книги и брошюры из литературных памятников народов Востока, Средней Азии и Казахстана. Следующая — это *типография военного округа*, она помещалась в здании штаба военного округа; рядом с ней находилась литография.

Правомерно возникают вопросы: какие книги были изданы в Казани, кто их авторы, о чем они повествуют? Прежде чем ответить на эти вопросы, расскажем об особенностях изданий того времени.

Названия некоторых книг даны на арабском, персидском и татарском языках, имена отдельных авторов скрыты под литературными псевдонимами, сам текст написан смешанным языком (книжным)*. Например, «Устав сибирских киргизов от 1824 года» имел 33 страницы. Часть глав книги изложена на арабском языке. По распоряжению губернатора Оренбургской губернии устав был переведен на казахский язык, но в нем оказалось много татарских слов, так как переписчиками были татары. Чтобы прочитать такую книгу, читатель должен был знать три языка: казахский, арабский и татарский. «В прошлом столетии казахский язык не был письменным литературным языком, как и у других тюркоязычных народов Средней Азии, а был смешанным языком, состоящим из трех элементов: казахского, татарского, чагатайского»⁸.

Знание таких сведений, как: где и когда была издана та или иная книга, кто автор, ее краткое содержание, нам кажется, принесут пользу читателям, тем более, что современным читателям они почти недоступны из-за незнания арабского письма.

Приведенный список изданных книг с указанием авторов не охватывает всего многообразия литературы, выпущенной на восточных языках. Названия восточных и казахских печатных книг вследствие трудности набора арабского шрифта мы воспроизводим с помощью современного казахского алфавита. Вот некоторые важнейшие книги, изданные типографией Казанского университета, на которые мы хотим обратить внимание читателей

---

* Книжный язык содержал в себе арабские и персидские слова и являлся официальным книжным стилем. Некоторые авторы считали для себя зазорным писать на родном языке.

⁸ Балжаев М., Сыздыкова Р., Жанпейсов Е. История казахского литературного языка. Алма-Ата, 1968, с. 83.

и исследователей, так как они содержат интересные сведения по истории и культуре различных народов нашей страны, в том числе и казахов.

«Шежре и турки» («Родословная тюрков»). Напечатана на чагатайском языке, ее автор известный историк Средней Азии, хивинский хан Абулгази (1605—1664). Издатель — граф Н. К. Румянцев. В 1825 г. книга была переведена на русский, немецкий, французский языки.

«Хикаят Бахрам гур уа доктор патша рус» („Рассказ о Бахрам-гуре и русской царевне“). Книга издана на персидском языке в 1844 г. В ней рассказывается о Бахрам-гуре, его женитьбе на русской царевне. Автор — великий азербайджанский поэт Низами Ганжеви (1141—1203). Содержанием книги является одна из глав поэмы Низами «Хафет пейкер» («Семь красавиц»). В 1844 г. эта книга была издана в Берлине на немецком языке.

«Лятаиф Хожа Насреддин афанды» («Ходжа Насреддин-эфенди»). В нашей литературе до сих пор идут споры о том, кем был Ходжа Насреддин, где и когда жил, реальное ли это лицо или нет? В настоящей книге мы можем получить ответы на данные вопросы. Ходжа Насреддин — реальное лицо, настоящее его имя Мухаммед Насыр эд-дин. Он родился в Малой Азии в местечке Сури-Хисар. Во время войны Тимура с турецким султаном Баязидом попал в плен и таким образом оказался в Средней Азии. Могила Ходжи Насреддина, по одним сведениям, находится в горах Памира, а по другим официальным данным — в Турции в г. Ахшехире. Книга вышла в 1845 г. в Казани на турецком языке.

«Хаким-ата» («Старейшина Хаким»). Это история о Хаким-ата, или Дана-ата — произведение известного поэта-мистика Сулеймана Бакыргани. В 1846, 1857, 1888 годах оно выходило отдельной книгой в Казани. Сулейман Бакыргани родился и вырос в кишлаке Бакыргани, недалеко от г. Туркестана и был учеником известного шейха Ходжи Ахмета Ясави.

«Китаб и хулясету ль халисетъ» («Чистый родник»). Это отрывок из книги Абдулкасыма Гимад-эддина Ахеда аль-Фараби, родившегося в г. Отраре и умершего в 1210 г. Подготовил его к изданию Али-бин-Махмуд бин-Мухамед Ар-Раид Бадахшани. Впервые книга вышла в свет на арабском языке в 1851 г.

«Джами ат-таварих» («Сборник летописей») — труд известного казахского историка Кадыргали Хошум Жа-

лаира. Содержит сведения по истории и этнографии казахов периода до и после монгольского нашествия. В 1851 г. под названием «Родословная монголов и тюрок» напечатана в трудах проф. И. Н. Березина.

«Бабыр-нама» («Бабур-намэ») — дневник шаха Бабур-нама (1483—1530) — основателя империи «Великих моголов» в Индии. Подготовил его к печати в 1857 г. Н. И. Ильминский, в русском переводе вышла в 1958 г. Издавалась и на других языках: в 1826 г. в г. Лейдене на английском языке, в 1826 г. — на немецком, в 1871 г. — на французском, а в 1857 г. — на турецком.

«Мурад Алгарфин» («Слово науки»). Автор шейх Аллаяр-софы, родился в г. Бухаре (дата рождения неизвестна), умер в 1713 г. Это произведение, написанное стихами, было распространено среди казахского народа и использовалось в качестве учебника в медресе. Напечатано в 1859 г.

«Кенджинэ хикмет — Абу Али Сина» («Мудрые слова»). Автором книги является Абу Али ибн-Сина (980—1076), в Европе он известен под именем Авиценна. Родился и вырос в окрестностях г. Бухары, умер в г. Хамадане в Иране. Авиценна был великим медиком и философом своего времени, его главный труд «Трактаты медицины» принес огромную пользу человечеству. Книга издана в 1864 г.

«Тэн азагы китабы» («Книга о духовной пище»). Вышла в свет в 1865 г. Автор — Шагабуддин Бахауддинулы. В книге даются сведения об уйгурах, династии Илек-ханов, хорезмских шахов, описывается земля и люди Мавераннахра.

«Хисса Тахир» («Поэма о Тахире») — история любви двух молодых людей. Автор, поэт Лутфолла Алиуллин — гражданин г. Кызылжара (Петропавловска). Книга издана в 1878 г.

«Макулат киргиз» («Макулат казахам») вышла в свет в 1879 г. Описан прозой и стихами процесс проникновения ислама в казахские степи.

«Бустан ал гарифин» («Древо знаний»). Вышла в свет в 1880 г. на арабском языке. Автор книги Абулейс Насыр бин-Мухаммед бин-Ибрагим Самарканди, он умер в 985 г. Один из известных ученых Средней Азии. Книга состоит из 159 глав. Вот названия некоторых из них: о таланте и науке, суждения о законах, о споре мыслей, о браке, о снах, о приеме гостей, об употреблении вина,

о гигиене и медицине, о недостойных поступках. Эта книга напоминает русский «Домострой».

«Шарк ал викоят» («Право»). В книге рассказывается о законах, действующих в мусульманском мире. Автор Абу Мухаммед Губайдолла бин-Масгуд бин-Таджум. Напечатана в 1881 г. на арабском языке.

«Фергана амири Шахрух туралы» («Книга об эмире Ферганы Шахрухе»). Автор Нияз Мухаммед Ашурмухаммед улы, написана на чагатайском языке, издана в 1885 г. Это хроника событий правителей Ферганы, начинающая с Бабур-султана (1530) и кончая Худояр-ханом.

«Казан мен болгар тарихы» («История Казанского и Булгарского ханств»), издана в 1885 г. Автором книги является известный ученый Шагабуддин Багауддинов эл-Марджани. Она содержит сведения о народах: казарах, буртасах, башкирах, русских, татарах, казахах, а также материалы о Крымской, Касимовской, Белой и Золотой ордах, о Монгольской империи и Сибири.

«Кор-углы-султан хикаясы» («Приключение султана Кер-оглы») вышла в свет в 1885 г. Написана стихами и прозой, представляет собой образец восточной литературы. Автор житель г. Кызылжара (Петропавловска) Хасан Мирбаба-улы, издатель — его земляк Мухаммедрахым Уали-улы.

«Туркестан уалаятинда сауда касип кыла турган адамдарха» («Деловым и торговым людям Туркестанского края»). В книге даны инструкция и пояснения о налогах на купцов и владельцев предприятий Туркестана, производится классификация городов Средней Азии и Казахстана, например, города Ташкент, Казалинск, Маргелан, Коканд относятся к третьей группе, Ходжент, Ак-Мечеть, Самарканд, Наманган, Андижан — к четвертой, пятую группу составляют города Ферганские, Сырдарьинские, Зеравшанские, Амударьинские.

«Китаб тарихи жариди жэдида» («Книга об истории одного путешествия»). Вышла в свет в 1889 г. В книге повествуется о путешествии казаха Курбангали Халида из г. Аягуза в Восточный Туркестан. Он описывает города Манас, Сацжу (Чунжу), Урумчи, Турфан, Даваниш, Астанэ.

«Зирагат гылми» («Агрономия»). Издана в 1891 г. В книге даются советы, как ухаживать за посевами, за садами, как пользоваться удобрениями.

«Хисса Кахарман» («Сказ о Кахармане») вышла в

свет в 1891 г. В книге повествуется о подвигах и доблести царя Кушана, повелителя 400 городов и его витязя Кахармана.

«Диван-и-хикмет» («Сборник стихов о мудрости»). Написана на чагатайском языке. Автор книги известный суфийский поэт Ходжа Ахмет Ясави. Она имеет 262 страницы и содержит 134 изречения. В Казани издавалась после 1893 г. еще четыре раза.

«Семипалат облыснын бес диванынын барша халкынынын сайланмыш адамдарынан 1880 жылында май айында Шар басында». «Карамолла» сиязынды жасалмыш ережесидур» («Постановление выборных представителей пяти уездов Семипалатинской области на Карамолинском съезде у местечка Шар в мае 1880 года»). В обсуждении и выработке этих постановлений принимал активное участие великий казахский поэт Абай Кунанбаев.

Всего с 1880 по 1896 г. из стен типографии Казанского университета вышло более 600 наименований книг на арабском, татарском и чагатайском языках.

Частные типографии. Во второй половине XIX века в Казани, а также в Омске, Оренбурге, Ташкенте, Уфе, Петербурге, Верном, Астрахани создаются частные типографии. Они проделали большую полезную работу по изданию восточных книг и распространению их среди различных слоев малых народов.

В самой Казани в этот период функционировало около 13 частных типографий, печатавших книги на восточных языках. Это типографии Л. Шевица — Н. П. Кокovina — М. В. Чирковой, Ш. Хусаинова, братьев Каримовых, Б. Л. Домбровского, Г. М. Вечеслава, Н. М. Чижовой, И. Н. Харитоновой, Н. Д. Данилова, К. А. Тилли, братьев Шараф, «Магариф», «Орнек» и «Сабах».

Приведем список литературы, отпечатанной в некоторых из них.

«Поэма о Камбаре» (1882 г.), «Мухаммед Ханафия» (1882 г.), «Поэма Карабек» (1882 г.), «Топ жарган» (1900 г.). Типография Г. М. Вечеслава.

«Хазрет Зулхарнаиннын хикмени» («История Хазрета Зулхарнаина» — поэма об известном под этим именем на Востоке Александре Македонском, 1909 г.; «Хабар («Вести»). Поэма. 1910 г.; «Бар уакига» («Случай»). Сборник стихов, 1912 г.; «Тура жол» («Прямая дорога»). Сборник стихов, 1912 г.; «Хисса Кула мерген»

(«Поэма о стрелке Куламергене»), 1912 г.; «Поэма Айман — Шолпан» и «Айна» («Зеркало»). Сборник стихов, 1913 г. Типография Б. Л. Домбровского.

«Хисса Кыз-Жибек» («Поэма о Кыз-Жибек»). Автор Ж. Шейкулисламов. Лирическая поэма, широко известная среди казахского народа, 1894 г. Переиздавалась в 1896, 1899, 1903, 1905, 1908, 1909, 1910 и 1911 гг.

«Хисса уш кыз» («Поэма о трех девушках»). Отрывок из сказок «Тысяча и одна ночь», 1897 г., Казань. Обе поэмы изданы в типографии М. В. Чирковой.

Однако по количеству изданных на арабском и тюркском языках книг, широте распространения печатной продукции ведущими в Казани были типографии Шамсиддина Хусаинова и братьев Каримовых.

Ш. Хусаинов за свою жизнь подготовил и напечатал более ста названий книг. Он родился в Казанском уезде, но долгое время жил в казахском ауле, а потому хорошо знал быт казахов и их язык. На свои средства Хусаинов организовал печатание книг в Казанской университетской типографии. Совместно с братьями Каримовыми он способствовал изданию восточных книг в Уфе, Оренбурге. Подготовленные им поэмы, эпосы и песни были популярны в казахской степи. Хусаинов использовал для их издания любые возможности. Поэтому многие из них были напечатаны не в его типографии. Назовем наиболее интересные.

«Хисса Козы-Корпеш» («Поэма о Козы-Корпеш»), 1890 г. Типография Ш. Хусаинова.

«Хисса Юсуф бен Зылиха» («Поэма о прекрасном Иосифе и Зулейхе»), отпечатана в университетской типографии, в 1898 г., Казань. В 1901, 1904, 1907 годах переиздавалась.

«Хисса шах Зинда» («Поэма шах Зинда»), автор Жусупбек Шейкулисламов, издана в 1899 г., Казань. Переиздавалась в 1905, 1907, 1910, 1912, 1914, 1916 годах.

«Хисса Биржан сал мен Сара кыздын айтысканы» («Состязание между девушкой Сарой и джигитом Биржаном»), 1900 г., типография Хусаинова, Казань.

«Хисса Шортанбайдын бала зары» («Плач Шортанбая по детям»). 1901 г., типография Хусаинова, Казань.

«Халахуал Машжур Юсуф Копеев хам онын багызы бир шигырлары» («Жизнь Машгура Юсуфа Копеева и некоторые его произведения»), 1901 г., типография Хусаинова, Казань.

«Хисса Алпамыш» («Поэма об Алпамысе»), 1901 г., Казань. Переиздавалась в 1905, 1907, 1910, 1913, 1914, 1916 годах.

«Бар окига» («Былые события»). Сборник стихотворений, автор Магыш Калтаев, Казань, 1904 г.

«Габдул Мэлик хисса» («Поэма о Габдул-Малике»). Автор Сеид-керей, 1904 г., Казань.

«Жапон согысы» («Японская война»). Стихотворение, автор Гариф Сафиулла-улы. Университетская типография, 1906 г., Казань.

«Аншы» («Охотник»). В книге приводятся советы для охотников. Автор Садвакас Шорманов. Университетская типография, 1907 г., Казань.

«Тирликте коп жасагандыктан корген бир тамашамыз» («Пережитое нами в долгой жизни»). Сборник стихов. Автор Машгур Юсуф Копеев. Типография бр. Шараф, 1907 г., Казань.

«Жас гумурум яки жастыкта гафлат» («Молодые годы, ушедшее время»). Роман. Автор А. А. Жандыбаев, 1907 г., типография бр. Шараф, Казань.

«Айкын кыз бен Жарулкасын Қожанын айтысканы» («Айтыс между девушкой Айкын и джигитом Жарылкасыном»). Сборник стихов. Составил Шахмардан Нурмахмед-улы. Университетская типография, 1908 г., Казань.

«Шикаят» («Неудовольствие»). Песня. 1909 г., Казань.

«Казак ахуалын бэит еткен мэзумесы» («Бейт, посвященный жизни казахов»). Стихи, 1909 г., Казань.

«Казактын айнасы» («Зеркало для казахов»). Сборник рассказов. Университетская типография, 1910 г., Казань.

«Тур, казак» («Вставай, казак»). Автор Байбатыр Ержанов, 1911 г., Казань.

«Казактын айтыскан олендери» («Казахские песни — состязания»), 1914 г., Казань.

«Откен кундер» («Прошедшие дни»). Автор Сакен Сейфуллин, Омская молодежная организация, 1914 г., Казань.

Из приведенного перечня видно, что перечисленная издаваемая литература служила источником для знакомства с историей и культурой малых народов России.

Типография братьев Каримовых. Наиболее плодотворная деятельность в области издания восточных книг

для братьев Каримовых приходится на начало XX века. Ими выпущено в свет с конца XIX в. по 1917 год около 2000 различных названий книг на тюркских языках. В архиве Казанского университета, в фондах научной библиотеки, в историческом архиве Татарской АССР, а также в архиве Комитета печати и в досье жандармского управления того времени имеются документы, содержащие о них сведения.

Свидетельство из жандармского управления, датированное 16 июнем 1910 г., гласит: «Мухамеджан Каримов проживает в г. Казани с 1875 года. Не судим. Прибыл в Казань из села Большие Черкешы Явлышской волости Кузнецкого уезда»⁹. Сохранилось также разрешение казанского губернатора от 4 июня 1911 г. Каримову на открытие книжной лавки около Сенного базара. Братья Каримовы имели книжные лавки еще в Оренбурге и Уфе.

Более полное представление о деятельности братьев Каримовых можно получить из воспоминаний заслуженного полиграфиста А. Фатхуллина, который долгое время работал в их типографии. «Каримовых,— рассказывает он,— было трое. Старший брат Мухамеджан, средний Шарипжан, имя младшего не сохранилось в моей памяти, он проживал в г. Оренбурге. Типография Каримовых размещалась в трехэтажном кирпичном доме, очень светлом и просторном. Старший брат Мухамеджан был грамотным человеком, он получил двойное образование — мусульманское и русское. Мухамеджан руководил работой типографии: он вел деловые и торговые операции. Средний брат Шарипжан уступал ему в образованности, он занимался текущими делами типографии. Скончались они в разное время: Мухамеджан в 1922 году, а Шарипжан в 1923—1924 году. После революции типография Каримовых стала называться 6-й государственной типографией имени Камала Якуба. Я проработал наборщиком в типографии братьев Каримовых 8 лет — с 1908 по 1916 г.»¹⁰

Между авторами и Каримовыми существовали тесные деловые связи. Сохранилось письмо Сапаргали Жанузакова от 4 февраля 1902 г., в котором он уведомляет, что

---

⁹ Рукописный фонд Казанского университета, ф. 1, оп. 4, д. 67—69.

¹⁰ Воспоминания Абдурахмана Фатхуллина. Авторский архив.

пришлет стихи, посвященные акыну Рахматулле-ишану из Младшего жуза. Он пишет: «Уважаемый Шарип-ага! Мое почтение. Я получил ваше письмо. Согласно вашим словам написал две поэмы, прошу принять их на ваше рассмотрение. Раньше мне не приходилось писать для издательства. Вам, наверное, будут видней недостатки моего произведения. Если вы примете мои рукописи к изданию, то я пришлю вам еще остальные поэмы. Сапар-гали Жанузаков»¹¹.

В адрес Каримовых поступали замечательные песни казахского поэта Жаяу Мусы и поэмы Жусупбека Шейкулисламова — «Сейфуллюк» и «Айман — Шолпан». Последний писал: «Шарипжан, прислушайся к моим словам, шлю вам семь моих поэм, с почтением». Автор поэм «Богатырь Кабанбай» и «Ходжа Гапан» Байжума Таукелев прислал братьям следующее четверостишие:

Без тревог и забот
Живет лишь тот,
Кто к богатству стремится,
Не думает знанию поучиться!¹²

Неоценима заслуга братьев Каримовых в деле издания казахских печатных книг, благодаря их энтузиазму многие рукописи были напечатаны и получили распространение в казахском обществе. Они несли семена знаний в читательскую среду.

В начале XX века братья, объединившись с Ш. Хусаиновым, организовали в Оренбурге совместную типографию «Хикмет», которая стала издавать только восточные книги.

Перечислим некоторые ценные восточные книги, изданные братьями Каримовыми.

«Джами ат-таварих» («Родословная монголов и тюрок»), 1888 г. Книга вышла в свет под редакцией проф. И. Н. Березина.

«Хисса Зияда Шамурат» («Поэма о Зияде и Шахмураде»). Поэма. Автор Арип Танирбергенов, 1890 г., Казань.

«Насихат казакия» («Казахские наставления»). Сборник стихов. Автор Орынтай Курамбаев, 1890 г., Казань.

---

¹¹ Рукописный фонд Казанского университета, ф. 1, оп. 19, д. 1308.

¹² Там же, оп. 16, д. 1279.

«Кел, балалар, оқылык!» («Давайте, дети, учиться!»). Сборник стихов. Автор Кашафутдин Шахмарданов, 1898 г., Казань.

«Мынез» («Характер»). Сборник стихов. Автор К. Шахмарданов, 1898 г., Казань.

«Хисса Атымтай Жомарт» («Повесть об Атымтае Жомарте»). Автор К. Шахмарданов. В книге восхваляются добродетели и дела А. Жомарта. Издана в 1898 г., Казань.

«Биржан сал мен Сара» («Биржан и Сара»). Поэма. Переиздавалась в 1900, 1901, 1902, 1907, 1912 годах, Казань.

«Адабиет казакня» («Казахская литература»). Сборник стихов, 1902 г., Казань. Автор Абубакир Кердери, книга переиздавалась в 1905 г.

«Гулькашима». Поэма, 1903 г., Оренбург. Автор Мухамеджан Сералин. Реалистическое произведение из жизни казахского народа. В нем повествуется история любви девушки Гулькашимы к джигиту Баймагамбету.

«Жумбак» («Загадки»). Автор Сержан Мухамбет Садык-улы, 1903 г., Казань.

«Мэшхур шагыр Акмолланны Шахабуддин Марджани мэрсиясы уэ башка шыгырлары» («Стихи известных поэтов Акмоллы и Шахабуддина Марджани») 1904 г., Казань.

«Биздин уйлермиздин хакында» («О наших жилищах»). Авторы П. А. Катанов и П. Н. Крылов, перевели на казахский язык Балтабаев и Момынов, 1906 г., Оренбург.

«Рисале ханен» («История ханств»). В книге приводится история ханов Малой орды, описывается орда Букея. Автор Сабир Хаммед-улы, 1906 г., Казань.

«Курт, мерез, ауру турасында» («О заразных болезнях»). Авторы П. А. Катанов, П. Н. Крылов, перевели на казахский язык Мухамеджан Косунов и Ибрай Бекенов, 1906 г., Оренбург.

«Акмолла эфендинин мэнуматы» («Сожаление Акмоллы-эфенди»). Автор Акмолла Мухамедиеров. Сборник стихов, 1907 г., Казань.

«Жаксы угит» («Хорошая агитация»). Сборник песен. Автор Макаш Бекмухаммедов, 1908 г., Казань.

«Дуние ушин гибрат нама» («Назидание о мире»). Сборник стихов. Автор Кокаш Есенгельдиев, 1908 г., Казань.

«Гибрат Олендер» («Назидательные стихи»). Сборник стихов. Автор Файзулла Иманбаев, 1908 г., Казань.

«Орак пен Мамай батыр хиссасы» («Повесть об Ораке и Мамае»). 1908 г., Казань.

«Ахуал Хикмет» («О мудрости»). Автор Адилтай, 1908 г., Казань.

«Эдебнет казакия» («Казахская литература»). Сборник стихов. Автор Магаз Батыргалиев, 1908 г., Казань.

«Адебнет казакия угит уэ насихат» («Казахская литература, агитация и пропаганда»). Сборник стихов. Автор Абубакир Оразгалиев, 1908 г., Казань.

«Насихат казакия» («Наставление казахам»). Сборник стихов. Автор Зейнулла Габиден, 1909 г., Казань.

«Жиренше», 1909 г., Казань. Содержит изречения и назидания мудреца Жиренше хану Джанибеку.

«Шопан-ата» («Дед-чабан»). Поэма, 1909 г., Казань. Автор Зарип Габдулкадыров.

«Казак шыгармалары» («Казахские произведения»). Сборник стихов. Автор Гавдолгазиз Байдуйсенулы, 1909 г., Казань.

«Хисса энбиял» («Поэма о совести»). Автор А. Казанкапов, 1909 г., Казань.

«Казак олендери» («Казахские песни»). Автор Мухамед Максут Хамидолла Бекметов, 1909 г., Казань.

«Казангаб, Алман-Базар» («Поэма Казангапа „Алман-Базар“»), 1909 г., Казань.

«Улгили тәржима» («Перевод — назидание»). Автор — известный русский баснописец И. А. Крылов, на казахский язык перевел Спандияр Кубеев, 1910 г., Казань.

«Казак балаларына кирагат китабы» («Букварь для казахских детей»), 1910 г., Казань. Автор Мухамедкарим Дибердиев. Это один из первых казахских учебников, вышедших после реформы арабского алфавита.

«Казакша эллипе» («Казахский букварь»). Учебник. Автор Мухамбет Ораз Нурбаев, 1910 г., Уфа.

«Булбул кус» («Соловей»). Сборник стихов, ч. I и II. Перевод с татарского языка. Автор Откирбай Алмасов, 1910 и 1911 гг., Казань.

«Хисса Тахир мен Зухра» («Тахир и Зухра»). Поэма, казахский перевод сделан Акылбеком Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Болгын, казак» («Энергичней, казах»). Сборник стихов. Автор Аргынбай Искак-хаджи, 1911 г., Казань.

«Коргенди бала — улгили ана» («Примерный ребенок — образцовая мать»). Учебник. Автор Мухамбет Ораз Нурбаев, 1911 г., Оренбург.

«Мактубат» («Хрестоматия»). Сборник стихов. Автор Акылбек Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Машук-нама». Сборник стихов. Автор Акылбек Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Назым». Сборник стихов. Автор Акылбек Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Габдулхалим илэ Мэлике». Айтыс — состязание. Автор Акылбек Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Гибрат-нама» («Назидание»). Сборник стихов. Автор Акылбек Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Хажет алдагуат» («Назревшие призывы»). Сборник стихов. Автор Акылбек Сабалулы, 1911 г., Казань.

«Қазақша — орысша уйреткиш» («Самоучитель русского языка для казахов»), 1911 г., Казань.

«Қокселдир». Автор Шангерей Бокеев, подготовлена и издана Хусаиновым совместно с Қаримовыми. Вышла в свет в Оренбурге. На титульном листе дается портрет Ш. Бокеева. Книга содержит песни Бокеева, его переводы из русских поэтов, отрывки из поэмы Орак-Мамай, песня акына Шалкеза к хану Битемиру.

«Акын» (Поэт). Сборник стихов. Автор Арыстангали Беркалы-улы, 1912 г., Казань.

«Жастык жемистер» («Плоды молодости»). Сборник стихов. Автор Акрам Галимов, 1912 г., Казань.

«Қазақтың той бастары» («Свадебные казахские песни»). Сборник песен, авторы Сабыржан Мухаммедсадыков и Мухамеджан Мухсинов, 1912 г., Казань.

«Улгили бала» («Примерный ребенок»). Учебник. Автор Спандияр Кубеев, 1912 г., Казань.

«Дуние иси ахретке кепес» («Не исчезнут земные дела!»). Сборник. Автор Бекет Отетлеуов, 1912 г., Казань.

«Насихат создер» («Слова назидания»). Стихи. Автор Жумагазы Темиралиев, 1912 г., Казань.

«Қалын мал» («Қалым»). Роман издан в 1913 г. в Казани, автор Спандияр Кубеев. Это один из первых казахских романов, написанный в прозе.

«Есил журтым» («О, мой бедный народ!»). Сборник стихов. Автор М. Бейсенбинов, 1913 г., Казань.

«Милли шығирлар» («Национальные стихи»). Сборник стихов. Автор М. Бейсенбинов, 1913 г., Казань.

«Шырыс молла» («Жадный мулла»). Автор Богенбаев, 1913 г., Казань.

«Казакша дурыс жазу кагидалары» («Правила правописания на казахском языке»), 1914 г., Казань. Автор Ишенгали Бейсенов.

«Казак макалдары» («Казахские пословицы»). Составил Мейрам Искаков, 1914 г., Казань.

«Жиган-терген» («Сборник избранных стихов»). Автор Бекет Отетлеуов, 1914 г., Оренбург.

«Улги» («Пример»). Сборник стихов. Автор Садыргалиулы, 1914 г., Казань.

«Халык муны» («Думы народа»). Сборник стихов. Автор Хамидолла Садвакасов, 1915 г., Казань.

«Шаир». Издана в 1917 г. в Оренбурге. Издатели — братья Каримовы совместно с Хусаиновым. В сборник вошли избранные стихи Ш. Бокеева, песни жирау Алаша Байтока, обращения к Джангир-хану, айтыс между Асаном Кайгы и Жанибек-ханом и другие материалы.

Таким образом, среди литературы, издаваемой братьями Каримовыми, немалую часть составляли поэмы, стихи и учебники, что свидетельствует о их тяготении в начале XX века в своей деятельности в какой-то мере к просветительству.

3.3. ПЕЧАТАНИЕ КАЗАХСКИХ КНИГ В РАЗЛИЧНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Наряду с Казанью книгопечатание на восточных языках практиковалось и в других городах России, Средней Азии и Казахстана: Петербурге, Оренбурге, Уфе, Ташкенте, Омске, Семипалатинске, Астрахани, Троицке, Верном, Уральске.

В *Оренбурге* существовало шесть таких типографий: братьев Каримовых и Ш. Хусаинова; Евфимовского-Мировицкого; Бреслина; «Дин уа магишат» («Религия и общество»); «Уакыт» («Время»); «Умит» («Надежда»). Они выпускали следующие книги:

«Киргизская хрестоматия». Автор Ибрай Алтынсарин, 1879 г.

«Насихат Ассабиан» («Основные наставления»). Сборник стихов. Автор Курымбаев Орынтай, 1906 г.

«Бала Эбубэкир» («Юный Абубакир»). Сборник стихов. Автор Байбатша Мырза Жусуп Нурым-улы, 1907 г.

«Эл-Марсия эл-Кази Мухаммед бин-Сағындык»

(«Песня — прощание»). Автор Магалим ун Накшбанди, 1907 г.

«Шежире» («Родословная»). Автор Мендай Ходжа Ахмет, 1907 г.

«Адабият казакия» («Казахская литература»). Сборник стихов. Составил Лайык Беркимбиев, 1908 г.

«Кыргыз ауыл школларына эллипе» («Букварь для киргизских аульных школ»), 1908 г.

«Адамнын чумасы туралы» («О чуме») и «Обадан калай сактану» («О предохранении от холеры»). Перевод с русского Сыдыка Байсалиева, 1911 г.

«Кырык мысал» («Сорок басен»), 1912 г.

«Қаракипшак Кобланды» («Қаракипчак Кобланды»). Поэма. Собрал и подготовил М. С. Туякбаев, 1914 г.

«Абай термеси» («Стихи Абая»). В сборник вошли избранные стихи великого казахского поэта Абая Кунанбаева. Подготовил и издал Самат Абишулы Нуржанов, 1916 г.

«Шаир яки казак акындарынын, басты жырлары» («Избранные стихи казахских акынов»), 1917 г.

В г. Уфе существовало три типографии: «Орнек», «Шарк» и «Турмыс». Они также печатали книги на восточных языках. Назовем некоторые из них:

«Насихат казакия». Сборник стихов. Автор Зейнул Габиден бин Хаш-хамра (Эл-Жаухари), 1909 г.

«Орнек» («Пример»), 1911 г.; «Эллипе яки тоте оқу» («Букварь унифицированный»). Учебник, 1911 г.

«Қарлығаш» («Ласточка»). Сборник стихов, автор Қарабай Жапаков, 1913 г.

«Хызматкар» («Слуга»). Сборник стихов о рабочих. Автор Мухаммедсадык-Енсеулы, 1914 г.

«Надандык курбаны» («Жертва невежества»). Драма в трех частях. Автор Колбай Тоғусов, 1915 г.

«Уак-туиек» («О том, о сем»), автор Сабит Донентаев. Издатель и редактор Сания Қасимов из г. Павлодара, 1915 г.

В Троицке восточные книги издавали типография Ф. Силянкина и Х. Сосновского, а также типография «Иш». Всего ими напечатано пять книг на тюркских языках, в том числе «Қол менен май алатын машинаны пайдага журғиздун жони» («Об использовании сепаратора»), 1914 г.; «Тол жарған» («Герои из толпы»). Сбор-

ник стихов, автор Мухамеджан Сералин. Книга издавалась в 1900, 1903, 1907 и 1915 годах.

В *Уральске* функционировали типографии «Казахстан» и типография областного правления. Они опубликовали несколько восточных книг. Среди них: «Малда болатын жукпалы ауруларга колданылатын амалдар» («Средства от эпидемических болезней скота»), переведенная с русского на казахский язык в 1911 г., и «Изин» («Жужжание»). Сборник стихов. Автор Елеусин Буйрин, 1912 г.

Областная типография Астрахани издала «Тарихи Астрахан» («Исторический очерк об Астрахани»). Автор Жиганшах бин-Абдул Жаббар. Книга написана на смешанном казахско-ногайском языке, 1808 г. В том же году вышла еще одна книга — «Шума сыркаунаун озин жэне туистарын аман сактау хакында» («Как уберечь себя и родственников от заражения чумой»).

В *Верном* в типографии «Жетису» областного правления и в типографии Обухова были опубликованы:

«Орыс-казак создиги» («Русско-казахский словарь»), составил Токаш Бокин, 1913 г. и «Хаж сапары» («Паломничество хаджи»). Это назидания и наставления бия Алма-Атинского уезда Дуйссбая Шуманакоев народу в стихах, 1911 г.

В *Петербурге* книги на казахском языке печатались в основном в типографии «Восточная». Ее владельцем был проф. Ильяс Бораганский. Им изданы две книги: «Токтамыс пен Едиге» («Токтамыш и Едиге»). Это была рукопись Чокана Валиханова, подготовил ее к изданию проф. П. М. Мелиоранский, 1905 г.

«Казак акыны Ибрагим Кунанбайулынын олени» («Стихи казахского поэта Ибрагима Кунанбаева»). Сборник подготовил Какитай Искакулы Кунанбаев, 1909 г.

Немало книг на восточных языках начали публиковать в *Ташкенте* в начале XX века.

Г. Х. Гарифжанов в 1908 г. открыл в городе художественную литографию и организовал печатание узбекских книг. С 1913 г. он стал издавать книги на казахском языке. Всего типография Г. Х. Гарифжанова выпустила в свет 16 книг на казахском языке, среди них такие:

«Назым шахар Дарвиш». Поэма. Автор Шадиторе Жангиров, 1913 г.

«Султан жихан» («Султан жихан»). Сборник стихов. Автор Беков Турарбай, 1914 г.

«Келнин бетын ашатын терме» («Жар-жар» — песня, как открыть лицо невесты). Песня-серенада, автор Шадиторе Жангиров, 1914 г.

«Хатымтайдын хикаясы» («История Хатымтая»). Поэма. Автор Шадиторе Жангиров, 1914 г.

«Жатпа, казак» («Очнись, казах!»). Сборник стихов. Автор Абулкасим Гумаров, 1917 г.

«Хикаят Халиф Харон Рашид» («Приключения халифа Харун-Рашида»). Поэма. Автор Шадиторе Жангиров, 1917 г.

«Хамар уз заман» («Хамар и Заман»). Поэма, созданная на основе сказки «Тысяча и одна ночь». Автор Шадиторе Жангиров, 1917 г.

«Хисса Бэлгем Багур» («Поэма о Белгем Багуре»). Автор Шадиторе Жангиров, 1917 г.

«Хароннын жер жуткан окигасы» («Рассказ о том, как Харона поглотила земля»). Поэма о скупом Карынбае, которого поглотила земля. Автор Шадиторе Жангиров, 1917 г.

С экономическим и общественно-политическим развитием края появилась возможность печатать книги в губернских центрах. Так, в 1912 г. в Семипалатинске была организована типография под названием «Ярдам сериктиги» («Общество Ярдам») с целью издания книг на казахском языке. Ее владельцами были братья Садык, Султан и Хасан Нигматуллины. Большую помощь в деле подготовки рукописей к изданию оказывал их близкий друг Рахметолла Елкибаев. Участие в делах типографии принимал Набдолла Гимадов, ее первый заведующий. Вместе с ними работали сестры Клавдия и Евдокия Легины. Они набирали, корректировали и переплетали книги.

Но издание книг было убыточным, поэтому братья Нигматуллины в 1915 г. решили продать свою типографию. Узнав об этом, казахские студенты землячества в Омске обратились к семипалатинским купцам-казахам с просьбой помочь выкупить типографию, так как она сделала и еще сможет сделать много полезного для просвещения казахского народа.

О растущей потребности казахских читателей в просвещении свидетельствует тот факт, что в 1914 г. в Семипалатинске успешно прошел литературный вечер, по-

священный 10-летию со дня смерти Абая Кунанбаева. Впервые был сделан доклад о жизни и творчестве поэта казахской — общественной деятельницей Назипой Кулжановой, прозвучали песни Абая в исполнении певца Алмагамбета. Об этом был напечатан отчет в «Семипалатинском вестнике» — журнале Русского Географического общества.

В результате кампании за сохранение типографии «Ярдам» она перешла за 11 000 рублей в собственность одного из семипалатинских купцов-казахов.

После установления Советской власти в Семипалатинске здесь стали публиковать газеты и журналы органов Советской власти.

С 1920 г. начала выходить газета «Казак тили» («Казахский язык»), а в 1924 г. — журнал «Тан» («Заря»), в издании которого принимал участие Ш. Токжигитов. Известный казахский писатель Сапаргали Бегалин вспоминает: «Раньше около типографии «Ярдам» находилась изба-читальня, при ней была библиотека. Мы, молодые учащиеся, часто брали там учебники и книги».

Деятельность типографии «Ярдам» способствовала повышению уровня культуры казахского населения и оставила о себе добрую память. Она опубликовала следующие книги на казахском языке:

«Балаларга жемис» («Плоды для детей»). Сборник стихов на темы школьного воспитания, науки и знаний. Автор Таир Жомартбаев, 1912 г.

«Кыз корелик» («Знакомство с девушкой»). Один из первых романов на казахском языке. Автор Таир Жомартбаев. Это история о судьбе девушки, получившей образование и ставшей педагогом, 1912 г.

«Оку китабы» («Родная речь»). Школьный учебник, 1912 г.

«Енлик—Кебек». Поэма о трагической судьбе двух влюбленных — девушки Енлик и джигита Кебек. Рассказана реальная история, происшедшая в XVIII в. в Чингизских горах. Издана в 1912 г.

«Калкаман—Мамыр» («Поэма о Калкамане и Мамыр»). Это лирическая поэма о трагической любви девушки Мамыр и джигита Калкамана. Реальная история начала XVIII в., напечатана в 1912 г.

«Шын максуттар» («Настоящие цели»). Сборник стихов. Автор Баймагамбет Айткожин, 1912 г.

محرری: طاهر جوماردانی.

بالا لرغه جیمس

میل شعر فزاق نلنده

۱ ص

نیگه بولدی هیبده ارسکی فولاق جالغز تل
کوب ایتسون آرزویلاب دیگانهخوری موی بدل

—→—→—→

ناشری: «یاردم» شرکتی.

انجی مطبعه.

«یاردم» مطبعی سیمی پلاندا.

Типография Т. А. «ЯРДАМЪ»

1912 г.

Сборник стихов под названием «Настоящие цели»,
изданный типографией «Ярдам» в 1912 г.

«Дубровский». Повесть А. С. Пушкина. На казахский язык переведена местным автором.

Всего частными и казенными типографиями городов Оренбурга, Казани, Уфы, Петербурга, Ташкента, Астрахани, Верного, Семипалатинска, Уральска, Троицка издано более тысячи названий книг на казахском языке за XIX—начало XX века. Общее количество тиража изданных книг подсчитать невозможно из-за того, что он не указывался. Типография держала эти цифры в секрете, так как от количества тиража зависел размер налога в государственную казну. Однако меньше тысячи экземпляров старались не печатать, потому что издание книг меньшим тиражом было убыточным.

Как видим, среди литературы, изданной в этих городах книги самой различной тематики — светские и духовные, гражданские, медицинские и исторические, сельскохозяйственные, педагогические.

3.4. АВТОРЫ, СОБИРАТЕЛИ, ИЗДАТЕЛИ КАЗАХСКОЙ КНИГИ. НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Названная литература свидетельствует о том, что в этот период плодотворно работали сотни казахских авторов. Среди них надо отметить тех, кто сделал наиболее значительный вклад в развитие казахской печатной книги. Это прежде всего Кашафутдин Шахмарданов, который с 1859 по 1899 г. написал и перевел 22 книги; Акылбек Сабалулы написал и перевел с 1909 по 1915 г. 15 книг; Жусупбек Шейкулисламов с 1879 по 1915 г. написал и перевел 15 книг; Макыш Калтас с 1904 по 1913 г. написал 7 книг; Шадитора Жангиров с 1910 по 1915 г. — 9 книг и Спандияр Кубеев — 3 книги, одна из них — перевод; Ибрай Алтынсарин — 4 книги (1879—1899); Таир Жомартбаев — 2 книги (1912—1913); Машгур Жусуп Копеев — 3 книги (1909—1910); Мухамеджан Сералин — 2 книги (1903—1910).

Полезную работу в области перевода на казахский язык классиков русской, арабской и персидской литературы проделали Спандияр Кубеев, Акылбек Сабалулы, Жусупбек Шейкулисламов, Кашафутдин Шахмарданов.

Следует вспомнить издателей, которые своей деятельностью способствовали развитию печатной культуры. Они организовывали типографии, занимались подготовкой специалистов, доставали машины и шрифты, проводили

через цензуру рукописи, распространяли книги среди населения. Это — энтузиасты братья Каримовы и Шамсуддин Хусаинов, Какитай Кунанбаев, Мухамеджан Сералиш.

Небезынтересно познакомиться с деятельностью и биографиями ученых, сделавших много полезного в деле издания казахских книг. Это — тюрколог проф. Ильяс Бораганский, собиратель и издатель казахских эпических поэм, сказок, рассказов проф. Абубакир Диваев, замечательный востоковед акад. В. В. Радлов, профессора И. Н. Березин и Н. И. Веселовский, а также известный географ Г. Н. Потанин и педагог Н. И. Ильминский.

Охарактеризуем деятельность некоторых из них:

Ильяс Бораганский родился в 1846 г. в г. Бахчисарае, в Крыму. В 1866—1874 гг. учился в высшем медресе в Стамбуле, в совершенстве владел турецким, арабским и персидским языками, был знатоком литературы Востока. С 1898 по 1908 г. он преподавал на восточном факультете Петербургского университета турецкий язык. В 1903 г. открыл в Петербурге типографию «Восточный» и начал издавать книги на восточных языках. И. Бораганский в 1905 г. напечатал с научными комментариями труд выдающегося казахского ученого Чокана Валиханова об эпосе «Токтамыс», а в 1909 г. первым опубликовал сборник стихов великого казахского поэта Абая Кунанбаева. Он упростил типографский шрифт. В годы Советской власти Бораганский помогал становлению советского книгоиздания.

Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов родился в 1837 г. в Берлине. Окончил филолого-философский факультет Берлинского университета и в 21 год стал доктором философских наук. В 1858 г. он переезжает на жительство в Петербург. В 1884 г. избирается действительным членом Российской Академии наук. Радлов был большим авторитетом в области тюркских языков и литературы. Он организовал научные экспедиции, побывал на Алтае, в Монголии, Туркестане, Крыму и Семиречье, дружил с казахским поэтом-фольклористом М. Копеевым. Занимался исследованием и сбором казахского устного народного творчества и образцов письменных памятников, издавал их. Крупнейшим собранием его трудов являются «Образцы народной литературы тюркских племен», написанные в 1866—1907 гг. и состав-

вившие 10 томов. Одна из книг этой серии посвящена казахской народной литературе. В 1872—1883 гг. Радлов жил в Казани, инспектировал казахские, башкирские и татарские школы и помогал многим казахам, татарам и башкирам получить европейское образование. В Казани он написал «Граматику тюркского языка» в 4-х томах. В 1918 г. в возрасте 81 года он умер в России.

Известный ученый *Абубакир Ахметжанович Диваев* родился в 1856 г. в Оренбурге. В 1876 г. окончил Оренбургский кадетский корпус. С раннего детства он часто бывал в аулах и слушал песни, рассказы простых казахов. После смерти отца он уезжает в Ташкент и поступает в военное ведомство толмачом-переводчиком. Диваев сопровождает туркестанского генерал-губернатора в поездке по Сырдарьинской области и аулам Южного Казахстана. Он знакомится с укладом жизни народа, его историей и фольклором — песнями, айтысами, эпическими сказаниями. Абубакир Диваев 50 лет посвятил науке и оставил множество научных работ. Его труды публиковались в «Ученых записках Казанского университета», в «Записках Русского Географического общества», в «Записках Восточного отделения Археологического общества», в «Туркестанских ведомостях» и т. д.

За свою жизнь Диваев записал и обработал немало произведений фольклора. Так, «Поэма о батыре Бекете» вышла в свет на русском языке в 1897 г. в Казани под названием «Киргизская былина о батыре Бекете». В предисловии Диваев писал: «В 1896 году в Ученых трудах Казанского университета был издан вариант И. В. Аничкова „Подлинная история о Ерназаре и Бекете“. В нем говорится, что этот вариант И. Аничков записал в Казалинском уезде Сырдарьинской области. Я записал поэму о батыре Бекете в 1893 году в Чимкентском уезде со слов Еркимбека Акынбекова. При сопоставлении обоих вариантов выяснились некоторые отличия друг от друга. Так, вариант И. Аничкова заканчивается рассказом о прощании батыра Бекета с матерью перед отправкой на каторгу в Сибирь. Вариант, записанный мною, повествует о том, как Бекет бежал из сибирской каторги, вернулся в родные места и убил предавшего его бывшего своего друга Шернияза»¹³.

По сведениям, приведенным в книге А. Диваева, Бе-

---

¹³ Киргизская легенда о Бекет-батыре. Казань, 1897, с. 3—4.

кет Серкебаев — это батыр из Младшего жуза, живший в начале XIX в. Он убил султана Арыстана, верного слугу царизма, за жестокие расправы с народом.

Диваев преподавал в Ташкентском институте просвещения и Среднеазиатском университете на восточном факультете. Был членом казахско-киргизского научного комитета. 21 мая 1923 г. в Ташкенте в помещении Института просвещения состоялось собрание общественности Туркестанской республики, организованное по поводу сорокалетнего юбилея научной деятельности Диваева. Постановлением Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики за подписью Т. Рыскулова ему была назначена пенсия и передан в безвозмездное пользование дом, в котором он жил.

Спустя некоторое время в Ташкентском институте просвещения открылась кафедра имени А. Диваева, а в Среднеазиатском музее — отдел имени А. Диваева. Вскоре было принято решение опубликовать сборник его трудов.

В 1933 г. 5 февраля в возрасте 96 лет Диваев умер в Ташкенте, немного не дожив до пятидесятилетия своей научной и издательской деятельности.

* * *

Если рассматривать общее направление и тематику вышедших в XIX—начале XX века казахских книг, то можно заметить, что они отвечали уровню социальной и духовной жизни того времени. Сначала основную часть опубликованных книг составляли произведения народного фольклора: героические поэмы, легенды, сказки, песни, а также переводы классиков восточной литературы. Но с конца XIX в. стало выходить больше гражданских книг. Это были агрономические, медицинские, школьные учебники, произведения отдельных писателей. Из сотни названий различной литературы мы остановимся на работах наиболее общественно значимых, оставивших заметный след в культурной жизни казахского народа. По содержанию и по времени эти книги неоднородны, но каждая из них характеризует определенный период истории казахского народа.

«*Тарихи Рашиди*» («Рашидова история») — сочинение Мухаммеда Хайдара Доглата (1499—1551). Автор известный (восточный) историк. Он был визирем кашгарского хана Абдул Рашида, хорошо знал наряду с

тюркским персидский и арабский языки. В 1546 г. Доглати написал на персидском языке свой знаменитый труд.

Рукопись состоит из двух частей. В первой рассказывается о принятии чагатаидом Тоглук Темиром мусульманской веры, во второй — о знаменательных событиях, происходивших в годы его правления. Особенно ценны сведения об образовании первого казахского ханства в середине XV века, а также материалы о взаимоотношениях с ханствами.

В сочинении имеется толкование термина «казах», данные о формировании казахского народа из многочисленных тюркоязычных племен, населявших просторы современного Казахстана.

Рукопись Мухаммеда Хайдара Доглата в 1768 г. перевел с персидского на кашгарский (чагатайский) язык известный историк, литератор, Мухаммед Садык Кашгари и она получила название «Тазкирян Ходжиган». Этот перевод хранится в фондах библиотеки Академии наук СССР. Позже, в 1895 г., труд Мухаммеда Хайдара был издан на английском языке в Лондоне¹⁴.

Рукописи книг «Тарихи Рашиди» на персидском и чагатайском языках хранятся в Ленинграде, кроме того один экземпляр на персидском языке имеется в Душанбе и два на чагатайском — в Ташкенте.

«*Джами ат-таварих*» (Сборник летописей). Автор этой замечательной книги — известный историк прошлого Кадыргали Хошум Жалаир (1530—1605). Он был образованным человеком для своего времени. Его книга — ценный памятник по истории казахского и других тюркских народов XVI в., отмечается в «Истории Казахской ССР»¹⁵. Свой труд Кадыргали закончил в 1602 г. в Москве и по восточной традиции посвятил русскому царю Борису Годунову, которому его и подарил. Каким образом Кадыргали оказался в Москве?

Некоторое время он был советником сибирского хана Кучума, а после разгрома его войск Ермаком перешел на службу к новому сибирскому хану — Сейдаку (Сейид-Ахмету).

---

¹⁴ The Tarikhi Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlati, London, 1895.

¹⁵ История Казахской ССР в пяти томах. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 378.

В 1588 г. тобольский воевода Даниил Чулков взял в плен султана Ураз Мухаммеда — племянника казахского хана Тевеккеля, царевича Сибири Сейид-Ахмета (Сейдака) и сопровождавшего их Карача-мурзу (Кадыргали Жалаира), которые занимались на берегу Иртыша соколиной охотой.

В исторических летописях, а подробно в Ремизовской, на которую ссылается известный исследователь Сибири Г. Ф. Миллер, и в пояснениях к книге «Джами ат-таварих» Ч. Ч. Валиханова сказано, что «Ураз Мухаммед сын султана Ондана, племянник хана Тевеккеля в 1588 году в Сибири был взят в плен воеводой Дашилом Чулковым вместе с князем Сибири Сейд-Ахметом Бекбулатовым и Карача Мурзой, впоследствии автором сочинения „Сборник летописи Жалаира“¹⁶.

В первой части книги «Джами ат-таварих» Кадыргали описывает происхождение древних племен, обитавших в Средней Азии и Казахстане, дает сведения о Тохтамыше. Вторая часть книги охватывает более позднее время — XV и XVI века, т. е. период распада Золотой Орды и образования Казанского, Астраханского и Казахского ханств, расширения границ Русского государства.

Язык книги похож на современный казахский язык. Рукопись впервые вышла в Казани в 1851 г. отдельной книгой (171 стр., на плотной бумаге) под редакцией известного востоковеда И. Н. Березина. Книга имела пять глав и была набрана арабским дивани.

Сочинение «Шеджере тюрк» («Родословная тюрков») — выдающееся историческое произведение, в свое время широко распространенное среди тюркских народов Средней Азии и Юго-Восточной Европы. Этот известный труд принадлежит перу Абулгази Бахадура (1603—1664), который не успел его закончить. В изданной академиком Г. С. Саблуковым книге по этой рукописи имеется запись (на стр. 287). Она гласит, что закончил труд Ануш Мухаммед по поручению своего отца — хивинского хана Абулгази Бахадура.

Эта рукопись под названием «Родословная тюрков» впервые на русском языке была издана в Казани в 1906 г. в двух книгах. Первая книга — 224 стр., вторая — 112 страниц.

---

¹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937, с. 294.

Академик Г. С. Саблуков отмечал: «Родословная тюрков» написана на хивинском языке — это народный тюркский диалект, отличающийся от других тюркских языков тем, что является более чистым, в нем мало арабских, персидских слов...¹⁷ До революции эту книгу читали многие грамотные казахи, в своих произведениях на нее ссылались Чокан Валиханов и Абай Кунанбаев.

О рукописи Абулгази европейской науке стало известно после сообщения Ф.-И. Страленберга, который в числе других пленных шведов после поражения Карла XII был сослан на поселение в Тобольск. В 1720 г. ему показал эту рукопись знакомый ахун. Поняв ее научную ценность, Страленберг поручил сделать перевод с этого сочинения татарину и двум шведам. Татарин переводил дословно на русский, а они с него на немецкий.

Сочинение Абулгази впервые было издано в 1726 г. в Лейдене в переводе на французский язык. С этого издания В. К. Тредиаковским был сделан перевод на русский язык, изданный в С.-Петербурге в 1768 г. Позднее (1780) французский перевод послужил оригиналом для перевода на английский язык.

Для написания своего труда Абулгазы Бахадур использовал восемнадцать литературных источников, в их числе «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина, «Зафар-наме» Шараф эд-дина аль-Иезди и др.

Книга «Родословная тюрков» состоит из девяти глав. В первой главе повествуется о происхождении тюрков и других народов, в последней описываются события, происшедшие со времени походов Чингис-хана по XVII век. Книга содержит ценные сведения по истории народов, населявших Среднюю Азию и Казахстан, а также некоторые данные о соседних странах. «Родословная тюрков» характеризует ее автора как эрудированного человека, исследователя-историка, знакомого со многими литературными и историческими трудами своих предшественников.

Рукописи Абулгази хранятся в различных городах нашей страны и за рубежом. Один экземпляр находится в фондах Академии наук СССР в Ленинграде. Им и пользовался при переводе акад. Г. С. Саблуков. Второй экземпляр хранится в Институте востоковедения им. Бирюни в Ташкенте. По одному списку имеется в Берлине,

---

¹⁷ Родословная тюрков. Казань, 1906, с. 6.

Париже, Геттингене, видимо, все они являются копиями петербургского, который считается самым полным.

Книга Абулгази познакомила европейских читателей с древней и средневековой историей Монголии, Средней Азии и Казахстана. Она стала ценнейшим вкладом в историческую науку изучения Востока.

Эпос «*Каракипчак Кобланды*» (1326—1440) вышел в свет в 1914 г. в г. Троицке. Ее издатель Туякбаев записал эту популярную народную поэму со слов Биржана Телымбаева, жителя аула Карабалық Кустанайского уезда.

В казахском эпосе батыр Кобланды является представителем племени кипчак и выступает защитником народа.

Много исторических сведений о Кобланды и других батырах имеется в рукописи Ч. Валиханова «Токтамыш и Едиге», изданной в 1905 г. В ней Кобланды выступает советником и полководцем хана Золотой Орды Тохтамыса (1376—1395). Кобланды, бесспорно, легендарная личность. Поиски его прототипа пока безуспешны.

Поэма «Кобланды» относится к самым ранним памятникам устного творчества казахов, ее отличает красочность образов и богатый народный язык.

Насчитывается более пятнадцати списков поэмы, большинство из них хранится в фондах Академии наук Казахской ССР. Наиболее полным художественным вариантом поэмы является рукопись акына Мергенбая, найденная в 1939 г. В 1957 г. она легла в основу книги, изданной коллективом Института литературы и языковедения Академии наук Казахской ССР.

Варианты сказания о Кобланды существуют и у других народов. Один из них записан В. В. Радловым в Крыму среди ногайцев и занимает две страницы. Другой вариант — каракалпакский эпос «Коблан» имеет 258 страниц. Этот вариант подготовили к изданию И. Сагитов и К. Мамбетназаров, в предисловии к книге говорят, что поэму записали со слов Есмурата Нурмолды¹³.

При сравнительном изучении казахского, крымского и каракалпакского списков выяснилось, что казахский — наиболее полный. В нем изображены такие исторические лица, как батыры Орак, Караман, ханы Кебек (Кобик-

¹³ Коблан. Нукус, 1959, с. 5.

ты), Казан, Алшагир и др. Каракалпакский вариант изобилует позднейшими наслоениями в основном религиозно-мифического содержания. Один из исследователей народных сказаний И. Т. Сагитов писал, что «несмотря на некоторые различия эпоса каракалпакского «Коблана» с казахским эпосом «Кобланды-батыр», нет сомнения в том, что у них единый корень»¹⁹.

Интересные сведения об одной из сюжетных линий эпоса «Кобланды» мы находим в работе акад. В. В. Бартольда «История Туркестана». Он писал: «В Джагатайском ханстве... Кебек (1313—1326) первый из ханов после Мубарак-шаха и Борана поселился в Мавереннахре. На этот раз выбор хана остановился на местности около города Нахшеба в долине Кашка-дарьи... для Кебека был построен дворец, от которого получил название город Карши... Кебек не принял ислама...» Затем В. В. Бартольд продолжает: «...В 1340-х годах при хане Казане, в самом Мавереннахре произошла борьба между ханами и тюркской родовой аристократией. Казан-хан также жил около Карши... Попытка Казан-хана восстановить в Мавереннахре сильную ханскую власть привела к его низложению (1346 г.), после чего главная власть перешла к „эмирам“ главных родов... (улусным эмирам)»²⁰. Ханы Кебек и Казан владели небольшими ханствами в Мавереннахре, находившимися между Амударьей и Сырдарьей, по соседству с кочевыми племенами — кипчаков, конратов, княтов и др. В поэме Кобланды-батыр совершает несколько походов против хана Казана и неверного хана Кобека (Кебека), которые постоянно теснили кипчаков и другие племена. В битве он побеждает войска хана Казана и разрушает его крепость-дворец.

Ценность эпоса «Кобланды» в том, что это одна из первых эпических поэм казахского народа, содержащая важные исторические сведения о событиях тех времен.

«Жиренше-шешен»*. Книга рассказывает о нравах и традициях, существовавших при дворе первого казахского хана Жанибека, у которого Жиренше был советником. Рассказы об этом герое широко бытуют среди казахского народа. Жиренше был народным трибуном. «Мудрые слова и изречения, высказанные Жиренше-ше-

¹⁹ Коблан, с. 6.

* Шешен — оратор, мудрец.

²⁰ Бартольд В. В. История Туркестана. Пг., 1922, с. 39—40.

шеном и Асан-Кайгы, до сих пор можно услышать в казахской степи», — писал Ч. Валиханов²¹. Рассказы о нем были распространены и среди тюркского населения Крыма.

В 1909 г. типография братьев Каримовых в Казани напечатала книгу о Жиренше-шешене, подготовил ее к изданию Габдулхаким Габдошев. Она написана прозой и состоит из девяти рассказов. В них Жиренше-шешен изображен находчивым и осторожным человеком. Данная книга ценна тем, что в уста знаменитого Жиренше-шешена вложена народная мудрость и мечты простых людей о равенстве и справедливости. Народ любил своих мудрецов Жиренше и Асан-Кайгы и ценил их за ум и жизнелюбие. Недаром о них в народе сохранилась поговорка: «Простолюдин, прославленный за ум, выше царя».

«Поэма о Тохтамысе». Она вышла в свет в 1905 г. в Петербурге под редакцией и с комментариями проф. П. М. Мелиоранского. Он так описал историю ее появления.

«В ауле Керлеут Аманкарагайского округа гостивший там Чокан Валиханов впервые услышал из уст акына Жумагула поэму о Тохтамысе и записал первый вариант, затем он встречается второй и третий варианты поэмы, записанные им со слов различных сказителей. Совместно со своим отцом султаном Чингизом Чокан Валиханов на основе различных вариантов составляет текст поэмы о Тохтамысе»²².

В предисловии к поэме П. М. Мелиоранский отмечает, что язык поэмы близок кипчакскому.

Существует несколько вариантов поэмы о Тохтамысе. Еще в 1820 г. в «Сибирском вестнике» (№ 10) Г. Спасский опубликовал краткий вариант поэмы, но в нем имена главных героев искажены. Позже исследователь Османов поместил в «Ногай-кумыкской хрестоматии» вариант поэмы, распространенный среди ногайского народа. Проф. И. Н. Березин также включил «Сказание о хане Тохтамысе» в свою «Тюркскую хрестоматию» (т. II).

---

²¹ Валиханов Ч. Собрание сочинений.— Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1904, т. XXIX, с. 304.

²² Мелиоранский П. М. Сказание о Едиге и Тохтамыше.— Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1904, т. XXIX, с. 1—2.

В книге В. В. Радлова «Образцы народной литературы северных тюркских племен» (ч. VII, 1896) тоже имеется вариант сказания о Тохтамысе, бытующий среди кипчакско-ногайских племен в Крыму.

Последний вариант «Поэмы о Тохтамысе» был записан в 1927 г. со слов аксакала Копабая из Баянаульского района К. Сатпаевым, впоследствии академиком. Сравнивая найденный вариант поэмы с рукописью Ч. Валиханова, он пришел к выводу, что их тексты полностью совпадают.

В рукописи, подготовленной к печати Валихановым, повествуется о борьбе хана Золотой Орды Тохтамыса с командующим левого крыла его войск — эмиром Едиге, который в 1381 г. бежал в Самарканд к Тамерлану, чтобы с его помощью захватить власть в Орде. Ценность рукописи в том, что она позволяет уточнить некоторые сведения, не получившие освещения в исторических хрониках того периода, а именно: причины вражды между Тохтамысом и Едиге; решение совета по поводу бегства Едиге; о главных советниках Тохтамыса, его нукерах (батырах), а также его убийце. Согласно поэме, Тохтамыс собрал большой совет из приближенных, на котором прорицатель, мудрец Сыпра-жирау предсказал гибель его ханскому дому, если он не вернет Едиге. Между тем Едиге, прибыв в Самарканд, женился на дочери Тамерлана и через 10 лет повел его с огромным войском на Золотую Орду. Об этом свидетельствуют и исторические хроники. «Закончив подготовку к дальнейшему походу распределением проводников (карачи) между главными эмирами войска, среди которых был и известный впоследствии Едиге... Тимур 22 января 1391 г. покинул Ташкент и двинулся по направлению к Отрару»²³. Следовательно, Едиге был не только одним из эмиров Тамерлана, но и советником и проводником его войск.

Весной 1391 г. Тимур с 200-тысячным войском пересек степи Центрального Казахстана и вышел к среднему Поволжью. Там на р. Кундузша произошла грандиозная битва, которая закончилась разгромом армии Тохтамыса, он бежал, оставив врагу огромное количество пленных и обоз.

«В лагере Тимура и в битве в долине Кундузча,—

---

²³ Низам ад-дин Шами, с. 117.

рассказывает хроника, — были три важных человека из улуса Джучи — Кунче-оглан (царевич), Тимур-Кутлуг (царевич) и эмир Идигу. Враждебные Токтамысу, они искали помощи у Тимура»²⁴.

Потерпев поражение, Токтамыс не смирился и стал собирать новые силы. В 1395 г. двое владык Азии скрестили свое оружие в долине реки Терек. В войске Токтамыса, кроме кипчаков, были русские, болгары, черкесы, аланы, башкиры и жители Крыма. В этом сражении Токтамыс был вновь разбит.

И эпос, и хроника единодушны в оценке последствий этого исторического события. «Победа Тимура над Токтамысом, — писали акад. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, — опустошение и сожжение Астрахани и особенно Сарая Берке — столицы Золотой Орды в 1395 г. — имели огромное значение не только для Средней Азии и тогдашней юго-восточной Европы, но и для Руси»²⁵.

В свое время известный русский историк С. Соловьев отмечал: «После разгрома Тамерланом Золотая Орда долго не представляла опасной угрозы московскому князю»²⁶.

После поражения Тохтамыса власть в Золотой Орде перешла в руки темника Едиге, который по своему усмотрению менял наместников и неотступно преследовал своего врага. Они сражались шестнадцать раз. В конце концов, Тохтамыс, находившийся в изгнании, был убит, согласно софийской летописи, в 1406 г. в пределах Тюмени ханом Золотой Орды Шадибеком. Однако в эпическом произведении убийцей Тохтамыса является не Шадибек, а сын Едиге — Нуралы, а само убийство происходит у Голубого озера (Коккуль). К тому же вскоре Едиге и его сын Нуралы, согласно рукописи, были убиты сыном Тохтамыса — Кадирбердой. Эти факты подтверждаются записями в исторической хронике со слов современника. «Едиге был убит в 1419 г. одним из сыновей Тохтамыса Кадирбердой... у Сарайчика»²⁷.

Таким образом, ценность изданной П. М. Мелиоран-

---

²⁴ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 361.

²⁵ Там же.

²⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1851, кн. I (т. I—V), с. 1029.

²⁷ Тизенгаузен В. Г. К истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, с. 532—535.

ским книги состоит в том, что события, описанные в ней, во многом перекликаются со сведениями, содержащимися в исторических хрониках, и верно отображают один из важнейших поворотных пунктов в истории — падение Золотой Орды после похода Тамерлана, в подготовке которого немалую роль сыграл Едиге.

«*Козы-Корпеш—Баян-сулу*». Лирическая поэма о трагической любви двух героев сложилась в казахской степи в средние века.

Имеются сведения о ее шестнадцати вариантах. Среди них наиболее полной является рукопись, записанная в 1856 г. Ч. Валихановым и опубликованная в 1876 г. И. Н. Березиным.

Сохранилась также запись поэмы, сделанная в 1841 г. в Аягузе толмачем А. Фроловым. Этот вариант схож с вариантом Ч. Валиханова. Существует рукопись поэмы со слов акына Шоже, которую он устно популяризировал в казахской степи.

Кроме этих вариантов имеются записи М. Копеева, Р. Абдрахманова и экземпляры поэмы, найденный Мейермановым в советское время. Первая хранится в Институте востоковедения Академии наук СССР, две другие — в фондах Академии наук Казахской ССР. К этому списку можно добавить последний вариант поэмы народного акына Ш. Абенова, выпущенный издательством «Жазушы» в 1965 г. Начиная с 1870 по 1896 г. поэму несколько раз переиздавали в Казанской университетской типографии на средства Шамситдина Хусаинова.

К печати ее подготовили известные исследователи фольклора казахского народа И. Н. Березин и В. В. Радлов.

Поэму о двух казахских влюбленных перевел на русский язык поэт Г. Н. Тверитин. Первый раз она была издана в 1927 г., второй — в 1935 г. с предисловием И. Джансугурова. Язык перевода разнообразен и колоритен. Это объясняется талантом переводчика и его отличным знанием культуры и быта казахского народа. В предисловии к книге говорится о том, что поэма сложилась в казахской степи, а затем широко распространилась среди других народов, живущих на территории от Якутии до Кавказа.

Поэма о «Козы-Корпеше—Баян-сулу» входит в фольклор братских народов — башкир, алтайцев, татар барабинских степей. Алтайский и барабинский варианты

представлены в виде коротких рассказов. Более объемная запись поэмы у башкир, среди них она известна под названием «Кузы Курпэс менэн Маян Хылу». Исследователями доказано, что поэма родилась в степях Казахстана, затем перешла к соседним народам — башкирам, алтайцам и сибирским татарам. Башкирский литератор Р. Г. Кузеев писал: «Названные в поэме борияны, кипчаки, тунегей, табыны и другие племена свидетельствуют о том, что они населяли казахские степи..., что подтверждает наличие казахских элементов в составе башкирской этнической группы»²⁸.

Эта поэма не только прославляет любовь и преданность, но и повествует о социальном неравенстве и бесправии женщины.

Историческая ценность замечательного средневекового памятника состоит в том, что, во-первых, эта поэма, как бы являясь степной трагедией Ромео и Джульетты, служит продолжением восточной легенды о Лейле и Меджнуне, и, во-вторых, сохранилась могила около ст. Тансык по Казахской железной дороге, приписываемая народной молвой влюбленным (кумбез под названием «Козы-Корпеш и Баян-сулу») — признание народом величия их любви.

«*Ер-Таргын*». Этот замечательный казахский народный эпос был записан в 1857 г. со слов акына Марабая Колбаева из Младшего жуза Н. И. Ильминским и впервые издан в 1862 г. под его редакцией в университетской типографии Казани.

После этого эпос переиздавали много раз. В 1870 г. В. В. Радлов опубликовал его на русском и немецком языках. На казахском языке «Ер-Таргын» в 1904 г. выпустил Д. Н. Саркин, в 1922 г. — А. Диваев, в 1933 г. — С. Сейфуллин, в 1939 г. — С. Муқанов, в 1954, 1957 в 1958-ом годах его переиздавала Академия наук Казахской ССР.

Эпос имеет несколько вариантов, но самый полный — издание проф. Ильминского.

Герой поэмы — богатырь, заступник народа от набегов вероломных соседей и притеснений ханов. Особенно эмоциональны описания единоборства Таргына с пол-

---

²⁸ Кузеев Р. Очерки истории этнографии башкир. Уфа, 1957, с. 51—52.

чищами врагов. Глубока по чувствам песня-переживание Акжунус, возлюбленной героя.

Язык эпоса очень выразителен. В нем немало поэтических сравнений и метафор, которые используются и в современном казахском литературном языке. Например, красота Акжунус передана ее устами так:

На черную землю падает свежий снег,
И в нем увидишь белизну моего тела,
А на белый снег падает алая капля крови,
И в ней увидишь красоту моих щек!

Художественные достоинства «Ер-Таргына» позволяют занять эпосу особое место в истории культуры казахского народа.

Русско-киргизский словарь. Его составил известный казахский революционер-большевик Токаш Бокин, который работал тогда в должности толмача в Семиреченском переселенческом комитете. Словарь был издан в 1912 г. в верненской типографии Обухова. Автор, понимая необходимость большего общения казахов с русскими, включил в него такие русские слова, которые наиболее часто употреблялись в повседневной жизни и быту казахского населения. Издание русско-киргизского словаря объяснялось возросшим культурно-экономическим сближением народов и расширением дружбы между простыми казахами-скотоводами и русскими крестьянами.

Переводы классиков Востока. Древний Египет и Вавилон, Китай и Индия, Иран и Средняя Азия в свое время были крупными центрами цивилизации. Они оставили нам немало материальных и духовных ценностей. Одним из важнейших духовных наследий Востока явились замечательные научные и художественные произведения, которые были переведены на европейские языки и оказали огромное влияние на культуру Запада.

Передовые люди казахского общества, познакомившись с классическими литературными и научными произведениями Востока, стремились донести сокровища мировой культуры до своего народа. Благодаря их усилиям и энтузиазму многие замечательные рукописи были переведены и изданы на тюркских, в том числе и на казахском языках. Это следующие книги: «Поэма о Тахире» (1877 г.); «Тахир и Зухра», «Лукпан-хаким» (1879 г.); «Трактаты Авиценны», «Калила и Димна»

(1881 г.); «Кабус-намэ» (1882 г.); «Приключения Кёр-оглы» (1885 г.); «Шакир-Шакират» (1890 г.); «Хисса Рубгузы» (1891 г.); «Хикметтер Диваны» (1893 г.); «Лейла и Меджнун» (1900 г.); «Поэма о Рустаме» (1901 г.); «История о Ноуширване» (1902 г.); «Бахрам-гур» (1908 г.); «Александр Македонский» (1909 г.); «Юсуф и Зулейха» (1898, 1901, 1906, 1910, 1912 гг.); «Касым Жомарт» (1896, 1901, 1906, 1910, 1912 гг.); «Хисса ал Ажбия» (1914 г.); «Харун Рашид-халиф» (1917 г.).

Знатоками арабского, персидского и чагатайского языков, блестящими переводчиками на казахский язык классиков Востока явились Абай Кунанбаев и другие просвещенные представители казахского народа. Они внесли значительный вклад в дело распространения мировой книжной культуры в казахской степи. Особенную популярность получили сказки «Тысяча и одна ночь», «Лейла и Меджнун», «Юсуф и Зулейха», «Поэма о Рустаме», «Искандер-наме». В дореволюционных школах — мектебы и медресе, а также в летние вечера возле костров или в долгие зимние ночи устные пересказчики или грамотные, читающие эти книги, увлеченно рассказывали их содержание жаждающим слушателям.

Переводы русских и западно-европейских классиков. Представители наиболее сознательной и передовой части казахского общества стремились приобщить свой народ к прогрессивной русской культуре. Они трудились над переводами произведений русской классической литературы и еще задолго до Октябрьской революции прилагали много усилий для их издания на родном языке. Очень высокохудожественными были переводы родоначальника казахской литературы Абая Кунанбаева. Он познакомил казахских читателей с А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, И. А. Крыловым, с их переводами стихов Гёте, Байрона, Гейне.

С большим вдохновением и мастерством Абай перевел на родной язык стихи и поэму М. Ю. Лермонтова — «Кинжал», «Дары Терека», «Парус», «Выхожу один я на дорогу», «Вадим», басни И. А. Крылова — «Осел и соловей», «Бедняк и богач», «Пестрые овцы» и др. Образ Татьяны из «Евгения Онегина» благодаря его переводу стал понятным и любимым для казахской молодежи.

Известный казахский просветитель и педагог Ибрай Алтынсарин также занимался переводами русской литературы. Он перевел «Мудрый судья» Л. Н. Толстого,

«Белый хлопок», «Золотой орех», «Чванство», «Лисица и ворона» И. А. Крылова; «Сорока и ворона», «Лисица и козел» К. Д. Ушинского. Эти произведения Алтынсарин включил в свою «Хрестоматию», изданную в 1879 г.

В 1903 г. на казахском языке вышла повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В 1913 г. был напечатан учебник С. Кубеева «Примерный ребенок», в нем имелось около сорока басен И. А. Крылова. Известный педагог Таир Жомартбаев также переводил некоторые произведения Л. Н. Толстого и И. А. Крылова с целью знакомства с их творчеством детей.

Свою лепту в дело перевода русской литературы на казахский язык внесли Бекет Отетлеуов, Шангерей Бокеев и др. Кроме переводов и издания отдельных трудов, в степи были знакомы с поэмой о Дубровском *, с рассказами о Петре Первом, Пушкине, Белинском, Толстом. Об одном из литературных вечеров в степи рассказывает Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях, напечатанных в «Русском слове».

Переводы классических образцов восточной и русской литературы дополнили идейно-художественный арсенал казахской книги и способствовали в дальнейшем развитию светской и демократической литературы.

На протяжении XIX — начала XX в. книги выполняли в основном просветительские задачи: знакомили читателей с древними восточными образцами и народными произведениями, служили делу воспитания и образования детей и молодежи.

---

* Повесть А. С. Пушкина «Дубровский» была переложена на казахский язык в стихотворной форме.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ КНИГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

4.1. КНИГИ КОНСЕРВАТИВНОГО И ПРОГРЕССИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Как известно, ростки новых идей, прогрессивных течений формируются в недрах старого общества и крепнут в борьбе с консерватизмом и косностью. Эта тенденция прослеживается и в развитии казахской печатной книги. Во второй половине XIX века, полной общественно-политических и социально-экономических противоречий, в казахской литературе стали проявляться две тенденции: одна — демократическо-просветительская (М. Утемисов, Ш. Жарлыганов, С. Аронов, Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, Абай Кунанбаев) и другая — клерикально-консервативная (Шортанбай, Дулат, Мурат и др.). Последние, критикуя существующие порядки, идеализировали патриархальное прошлое и отрицали новое, прогрессивное, исходя из религиозного мировоззрения.

Шортанбай Канаев (1818—1881). Книга под названием: «Поэма Шортанбая и его плач о детях» вышла в 1888 г. в типографии Казанского университета. Впоследствии поэма переиздавалась в 1890, 1894, 1911, 1916 гг. Ее наименование не соответствует содержанию. Видимо, название дал произвольно издатель Ш. Хусаинов. На титуле книги стоит подпись санктпетербургского цензора, хотя напечатана она в Казани. Подобным просмотрам подвергались и другие казахские книги: центральная власть не всегда доверяла своим провинциальным органам.

Шортанбай кончил лишь мусульманскую школу и большую часть жизни провел в ауле, поэтому его мировоззрение сформировалось под влиянием кочевой среды. Он придерживался консервативных взглядов, восхвалял прошлое и боялся всего нового. Книгу Ш. Канаева можно назвать исповедью. В конце своей жизни он отрекся

от всего земного. Шортанбай сожалеет о беспечно прожитой жизни и призывает всех людей, особенно знатных, отказаться от богатства, быть справедливыми, помнить о бренности всего живого.

Зачем ваши богатства, к чему они?
Зачем ваши троны? То же к чему они! — восклицает он.

Как отрицательный пример автор описывает свою жизнь, полную стяжательства, которое привело его к душевной пустоте. На склоне лет он посылает проклятие на обольстительный мир, на богатство, ибо, как он убедился, именно оно портит людей, делает жестокими. В то же время Шортанбай призывает неукоснительно соблюдать предписания ислама, он проповедует религиозную идею о предопределении богом судьбы людей, что всевышний сделал «одних — богатыми, других — бедными, третьих — учеными, четвертых — мудрыми, пятых — верующими, шестых — неверующими»². Поэтому, какой бы тяжелой ни была судьба, с ней надо смириться. Религиозный фанатизм в творчестве Шортанбая впервые в истории общественной мысли Казахстана получил конкретное воплощение.

Дулат Бабатаев (1802—1874). Его книга «Осиетнама» («Назидательные слова») была издана в 1880 г. в г. Казани в частной типографии Коковина. В 1897 г. ее переиздали. Дулат — поэт, идеализировавший патриархальное прошлое. Его критика некоторых пороков своей эпохи, порожденных эксплуататорским строем, имеет социальный смысл. Вместе с тем отчетливо выраженный религиозный характер творчества Дулата говорит о том, что он прежде всего выступает от имени старой феодальной знати, которая искала себе опору и забвение в религии. В отличие от Шортанбая Дулат сильнее и острее обличал пороки современного ему общества, в этом проявляется демократизм в его творчестве. Религиозность Дулата, его искренняя вера в ислам не перерастает в фанатизм, в отречение от реальной жизни. В отдельных стихах он воспевае ум и силу человека, любит красоту женщины, мечтает иметь семью. Творчество поэтов, подобных Дулату, выражающее

---

¹ *Канаев Ш.* Хисса Шортанбая. Казань, 1888, с. 20.

² *Шортанбай.* Зар заман. Редкий фонд библиотеки АН КазССР, д. 759, л. 9.

в целом феодально-клерикальную реакцию на присоединение Казахстана к России, очень противоречиво. Это позволило Абаю Кунанбаеву подвергнуть их критике. Он писал:

Шортанбай, Бухар-Жирау и Дулат —
Сколько в их творениях пятен и заплат!³

Религиозно-мистическая литература не способна была выразить общенациональные прогрессивные тенденции. Во второй половине XIX в. в казахской литературе появились записи стихов и импровизаций, рассказывающие о борьбе казахского народа во главе с народными героями Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, Жанхожей Нурмухамбетовым и Бекетом Серкебаевым против угнетения и притеснения со стороны царизма и местных феодалов.

Рукопись «Батыр Жанхожа Нурмухамбетов» была напечатана в 1894 г. в сборнике «Археология, история и этнография» (т. XXII), выпущенном Казанской университетской типографией. Ее перевел на русский язык и подготовил к изданию русский исследователь И. В. Аничков. Ему же принадлежит и очерк «Киргизский герой Джанходжа Нурмухамедов», в котором автор рассказывает о событиях того времени, о храбром батыре Жанхоже, выступившем против войск Хивинского и Кокандского ханств, против отрядов царской администрации в защиту своей земли, за свободу своего народа. В конце концов он погибает от рук врагов.

В очерке автор отмечает, что эту рукопись он взял у акына Мусабая в Казалинске 7 апреля 1894 г. Она написана арабским письмом. В исследовании Н. Маева «Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1863 год»⁴ говорится также о Жанхоже, как о народном герое.

Судя по имеющимся материалам, а также исследованиям советских ученых, Ж. Нурмухамедов был народным героем, поднявшим сьрдарьинских казахов в 1856—1857 гг. против царизма. Поэмы и песни, сложенные о нем, хранятся в фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР.

Говоря об истории развития казахской книги, следует сказать о тех деятелях, которые способствовали разви-

³ Кунанбаев А. Избранное. М., 1945, с. 58.

⁴ Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873, вып. 11.

тию в крае передовой общественной мысли. Такими личностями были просветители-демократы: Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев. Прогрессивное направление в общественной мысли способствовало духовному подъему казахского народа, его ознакомлению с передовой русской демократической мыслью.

О жизни и творчестве казахских просветителей-демократов опубликовано немало монографий и научных исследований. Наиболее значительные из них — труды и исследования М. О. Ауэзова, С. М. Муканова, А. Х. Маргулана, Л. М. Ауэзовой, Х. Суюншалиева, Б. К. Кенжебаева, Б. С. Сулейменова, А. Садыкова и др. Поэтому мы ограничимся только характеристикой публикаций их трудов, вышедших до революции.

Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865). Исторические, этнографические и литературные труды Ч. Ч. Валиханова были опубликованы в 1904 г. в одной книге. Их подготовили Г. Н. Потанин и проф. Н. И. Веселовский.

В предисловии проф. Веселовский пишет: «После смерти Ч. Валиханова совет Русского географического общества 27 апреля 1867 года решил издать все литературное и научное наследие Ч. Валиханова. Но это не удалось сделать в то время, так как многие его рукописи, неисправленные и непересмотренные им, находились у различных людей. Позже в письме Г. Н. Потанин просил меня помочь в деле издания трудов Ч. Валиханова. Несмотря на большую занятость, я согласился. Впоследствии совет Русского географического общества по моей просьбе взял на себя расходы по изданию научного и литературного наследия Ч. Валиханова и я включился в дело подготовки издания»⁵.

Проф. Веселовский проделал большую работу по подготовке издания рукописей Валиханова, было собрано более 500 страниц. Сбор, систематизация и издание заняли более тридцати лет. В сочинение вошли все известные работы Ч. Валиханова. Здесь можно найти исторические, географические, этнографические и фольклорные материалы. Наиболее интересные из них: «Очерки Джунгарии», часть киргизского эпоса «Манас», «Киргизское

---

⁵ Валиханов Ч. Ч. Сочинения.— Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1904, т. XXIX, с. I—III.

родословие», «Записка о судебной реформе», извлечения из трудов знаменитых историков Востока — Жалал-иры, Бабура, Абулгази. Сочинение было снабжено именным и географическим указателями, имело иллюстрации.

Чокан Валиханов был высокообразованным и эрудированным человеком своего времени. Молодого Валиханова называли научным светилом, метеором, промелькнувшим на небосклоне Востока. Крупнейшие русские ученые, писатели и общественные деятели того времени были друзьями и соратниками Ч. Ч. Валиханова, из числа их можно назвать Г. Н. Потанина, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, А. Н. Бекетова, Н. М. Ядринцева, А. Н. Майкова, Ф. М. Достоевского, И. Н. Березина, Н. И. Веселовского, С. Ф. Дурова и др.

В 1858—1859 гг. Ч. Валиханов совершил свою знаменитую поездку под видом «купца» в малоизвестную для мира провинцию Восточного Туркестана — Кашгарию. Поездка была сопряжена с опасностью для жизни. Он ознакомился с политическим и экономическим устройством края, собрал материалы по истории и этнографии народов, населявших эту страну. Ч. Валиханов приобрел ряд уникальных восточных рукописей, древние грамоты, образцы прикладного и народного декоративного искусства.

Одним из главных результатов этой поездки явился его капитальный труд «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Отрывки из этого труда Ч. Валиханова были опубликованы на английском языке в Лондоне в 1865 г. в сборнике трудов русских ученых. По охвату материалов, а также по широте и глубине их анализа его работа явилась крупным вкладом в отечественную науку. Ученые высоко оценили труд Ч. Валиханова. Он был принят в члены Русского географического общества.

Ч. Валиханова можно отнести к числу первых казахских библиографов и библиофилов. Он проводил большую работу по сбору и изучению материалов казахского устного творчества и считал, что в произведениях устного творчества казахов отражено их прошлое, «их образ жизни, обычаи и нравы современные», что народно-поэтическое творчество дает «полную картину творческой и духовной жизни народа».

Просветитель-демократ, ратуя за тесное сближение

казахского и русского народов, за укрепление их экономического и культурного сотрудничества, прилагая все усилия к тому, чтобы ближе ознакомить русских с жизнью, бытом и культурой своего народа, он неустанно выступал за распространение в Казахстане достижений русской культуры, науки и техники, способствовал укреплению дружбы между казахским и русским народами.

В советское время изданы его «Избранные труды» (1958 г.) и Собрание сочинений в пяти томах (1961—1972, 1-е изд. и 2-е изд. 1985).

Во второй половине XIX века сложилась казахская письменная литература. Большой вклад в ее развитие внес *Ибрай Алтынсарин (1841—1889)* — виднейший просветитель, педагог, писатель и общественный деятель. Работая долгие годы на ниве просвещения, сначала учителем, а затем инспектором народных училищ Тургайской области, он хорошо знал стремление оседлого населения к получению светского образования, а потому считал своим долгом наладить дело просвещения. Он организовал десятки светских школ, мектебов и медресе в аулах, а также смешанные русско-киргизские школы, ремесленные училища в городах, даже женское училище для девушек-казашек. В этих школах воспитывалась целая плеяда русских и казахских учителей и педагогов. Наряду с открытием школ он заботился и о создании хороших учебников. «...Книг общеобразовательного содержания почти не имеется ни на одном из азиатских языков, мы вынуждены, — писал Алтынсарин, — искать подобные руководства на ближайшем русском языке. Вследствие чего мы и сочли более удобным напечатать настоящую хрестоматию русскими буквами, чтобы она прямо соответствовала своей цели, т. е. служила непосредственным путеводителем к более ученым и общепольным русским книгам, не противореча последним ни своим содержанием, ни алфавитом»⁶. Еще раньше он пришел к такому выводу, что «только при принятии русского алфавита мы можем освободить казахский язык от чуждых арабских, персидских и татарских слов». Придерживаясь этой идеи, Алтынсарин написал два учебника для казахских школ. В 1879 г. в Оренбурге в типографии И. И. Евфимовского-Мировицкого были напеча-

---

⁶ Алтынсарин И. Избранные произведения. Алма-Ата, 1955, с. 270—271.

таны «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» и «Киргизская хрестоматия». Таким образом, с именем И. Алтынсарина связано создание казахского алфавита на основе русской графики задолго до его официального принятия.

Замысел написания хрестоматии зародился у Алтынсарина в 1875 г., после приезда из Петербурга. В 1878 г. он закончил первую часть книги и послал рукопись в Оренбург для получения разрешения на издание. Попечитель народного образования округа отправил ее в Петербург к министру просвещения графу Д. Толстому, тот в свою очередь отослал ее на отзыв Н. И. Ильминскому, старому другу Ибрая. Ильминский высоко оценил рукопись и рекомендовал ее издать. В 1879 г. первая казахская хрестоматия увидела свет. В своей книге Алтынсарин призывает молодежь овладевать знаниями, быть патриотами своей родины, разъясняет значение науки и техники в развитии общественной жизни. Он придавал важное значение нравственному воспитанию учащихся и стремился воспитать у них гуманность, честное отношение к труду. Поэтому Алтынсарин законно считается зачинателем теории обучения и воспитания детей, основоположником педагогической мысли в Казахстане. К десятилетию со дня смерти автора, в 1899 г. «Киргизская хрестоматия» («Мактубат») вышла на казахском языке. Она стала одним из значительных явлений в развитии общественной мысли народа. В ней затрагивались моральные и этические стороны жизни, литература и история, проблемы народного образования.

И. Алтынсарин мечтал о светлом будущем своего народа. Он изобличал вред отсталости и бескультурья, боролся за прогрессивное развитие родного народа и потому посвятил свою жизнь делу просвещения. Ибрай ратовал за сближение казахского и русского народов. В советское время его научное и публицистическое наследие было опубликовано в Собрании сочинений в трех томах (1975—1978 гг.).

Абай Кунанбаев (1845—1904). Ни одно произведение Абая не было издано при его жизни, если не считать одного или двух стихотворений, напечатанных в степной газете «Дала уалаяты». Первый сборник стихов Абая вышел в 1909 г. в Петербурге в типографии Ильяса Бораганского, рукопись к печати подготовил племянник поэта Какитай Кунанбаев. Стихи Абая в степи передава-

лись из уст в уста певцами-акынами, кроме того, они распространялись в виде рукописей. Каждый образованный казах считал за честь иметь такую рукопись. Переписчиками произведений Абая были: известный каллиграф Мурсеит Бикин, Махмуд-мулла, Магзум-мулла и др.

Какитай с детства собирал стихи великого поэта и бережно хранил их. В 1907 г. он встретился в Казани с агентом петербургской типографии Бораганского и заключил с ним договор на издание стихов Абая. Но в типографии не нашлось человека, хорошо знавшего казахский язык, и Какитай сам взялся редактировать и корректировать рукопись. В результате издание затянулось и книга вышла в свет через два года — в 1909 г. Заслуга Какитая огромна: он не только обработал произведения Абая, но и спас их от гибели. Чтобы отыскать какой-либо стих Абая, он обходил знакомых и друзей поэта, объезжал многие аулы, все буквально собирая по листочкам. Вот один из примеров:

«Однажды, — писал в своих воспоминаниях сын Какитая Архам Исхаков, — отец приказал мне оседлать коней. — Ты поедешь со мной в одно место, — сказал он. Сев на коней, мы поехали из Акчоки в Жидебай, за сорок пять километров и к вечеру приехали в аул муллы Махмуда.

Махмуд радушно встретил нас и приказал жене подать ужин. Мой отец прервал его: «Я приехал не за ужином, а за Вадимом. Прошу сначала вернуть его мне».

Махмуд стал его уговаривать отдохнуть с дороги, обещая позже найти «Вадима». Но Какитай был неумолим. «Мне очень хочется посмотреть на эту рукопись», — сказал он. Растерянный Махмуд вынужден был открыть сундук и искать рукопись. После долгих поисков он достал из кипы разных бумаг несколько листов, написанных рукой Абая. Это была лермонтовская поэма «Вадим», переведенная Абаем.

— Вы даете не все. Где же остальные страницы рукописи? — возмущенно спросил Какитай. — Почему она так истрепана и настолько замызгана, что в некоторых местах записи стерлись?

Пристыженный Махмуд вынужден был признаться, что однажды сундук остался открытым и его сынишка Кутиш поиграл с рукописью. После чего многие страницы оказались изорванными. Эти листы сохранились случайно.

Отец был в гневе.

— Абай сделал тебя человеком, Махмуд! Твоего отца облагодетельствовал его отец. А ты оказался не только недостойным звания муллы, но хуже простого мусульманина. Как у тебя хватило совести позволить своему сопляку-сыну играть с такой драгоценностью?

Сказав это, отец встал с места, взял рукопись «Вадима» и, отказавшись от ужина, рассерженный покинул дом Махмуда⁷.

То, что сейчас находится в Собрании сочинений Абая, это начало поэмы «Вадим», спасенное Какитаем.

Так изо дня в день Какитай разыскивал разошедшиеся в свое время по рукам рукописи Абая, в одних не было начала, в других — середины, в третьих — концовки, а также не поставлены даты. Потребовалась большая кропотливая работа, чтобы собрать творческое наследие Абая, что и было выполнено Какитаем, знавшим наизусть большинство стихов Абая.

Творчество Абая продолжало прогрессивное направление в общественной мысли казахского народа, начатое Ч. Валихановым и И. Алтынсариним.

Великий мыслитель, основоположник казахской письменной литературы, неутомимый просветитель Абай стоит в ряду великих писателей Востока. Три титана общественной мысли казахского народа — Чокан — совершил подвиг в науке, Алтынсарин — в просвещении и Абай — в литературе. Имена их стоят особняком в истории Средней Азии и Казахстана. Они проложили путь к новым общественным идеалам, борясь с закоснелым общественным строем, экономической и культурной отсталостью края. Они горячо ратовали за дружбу с великим русским народом, призывали перенимать у него передовую культуру, прогрессивные общественные идеи. «Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза»⁸, — писал Абай Кунанбаев.

---

⁷ *Жиренчин А. М.* Абай и его русские друзья. Алма-Ата, 1949, с. 112—113.

Махмуд был сыном Мухаммед-Керима, татарина, бежавшего от солдатской службы, которого отец Абая приютил, дал ему землю и юрту.

⁸ *Кунанбаев А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1954, с. 363.

Страстное устремление в будущее, непоколебимая верность гуманистическим принципам и идеалам, смелое поэтическое новаторство — эти черты творчества Абая обусловили его непреходящую ценность.

Творчество казахских просветителей-демократов приблизило переход в развитии общественной мысли к новому этапу, более радикальному, который приобрел отчетливые формы под влиянием первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.

4.2. РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОЙ КНИГИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века Россия становится центром революционной борьбы пролетариата против самодержавия, родиной ленинизма.

Развитие революционного движения в России в 1905—1907 гг. способствовало пробуждению общественного сознания угнетенных царизмом народов. В это время в казахстанских городах Петропавловске, Уральске, Верном, Семипалатинске, Спасске, Экибастузе создаются русско-казахские рабочие кружки.

Под напором первой русской революции, которая как бы приоткрыла клапан и дала частичный выход могучей духовной силе угнетенных народов России, жаждавших знания и прогресса, произошли положительные изменения. Это благоприятно сказалось на развитии просвещения и печати, особенно среди мусульманского населения России.

Отмечая данное явление, В. И. Ленин в своей работе «Тетради по империализму» в 1916 г. писал: «За последние 10 лет мусульманское население России сильно развилось в культурном отношении: у казанских татар на 150 человек приходится сейчас 1 мечеть и 1 мулла, у русских и инородцев того же района 1 священник приходится только на 1500 душ; у первых *одна школа на 100 душ* обоего пола; у православных — одна на 1500—3000 человек. Распространение книжной и газетной литературы у мусульман-татар относительно еще более высокое»⁹.

Чтобы подтвердить эти ленинские слова, приведем некоторые сведения о печати.

По данным знатока истории просвещения Средней

---

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 514—515.

Азии проф. Н. П. Остроумова, только в одном 1912 г. на мусульманских языках было издано 608 названий книг тиражом 2 812 130 экземпляров, расходы на выпуск составили 681 729 руб. Среди этой литературы представлены почти все отрасли знания: книги для школ — учебники, 95 названий тиражом 366 000 экз., беллетристика — 80 названий тиражом 23 696 экз., стихи — 35 названий, 138 815 экз.; религиозные книги — 178 названий тиражом 1 282 240 экз., календари — 9, детские книги — 24, справочники — 6, по музыке — 5, философии — 6, истории — 18, географии — 13, сельскому хозяйству — 8, медицине — 6 названий и т. д. Если в начале XX века религиозные книги занимали почти половину всех изданий, то теперь — чуть больше $\frac{1}{4}$ ¹⁰.

Заметный рост произошел в издании и казахских книг. Только с 1912 по 1916 г. (первая половина) было выпущено 156 названий тиражом 658 000 экз.¹¹ В целом с 1900 г. по 1917 г. было выпущено более 400 названий книг. Улучшилось их оформление, качество печати и бумаги, тексты стали украшать заставками и концовками в виде традиционного национального орнамента «кошкар муиз». Намного расширилась тематика книг. По этому признаку их можно разделить на несколько групп.

Первая группа — книги политического содержания, повествующие о жизни казахского народа в прошлом и о дальнейших проблемах его развития. Это сборник стихов Абая, Сочинения Ч. Валиханова, произведения Макыша Калтаева «Прямой путь», «Зеркало для казахов» и др.

Вторая группа — книги учебного и воспитательного характера. Например, «Давайте, дети, учиться» К. Шахмарданова (1898 г.), «Казахский букварь» Закария Ергалиева (1910 г.), «Букварь для казахских детей» М. Дибердиева (1910 г.), «Казахский букварь» М. О. Нурбаева (1910 г.), «Нравоучения для казахов-учащихся» Г. Мажитова (1910 г.), «Самоучитель русского языка для казахов» (1911 г.), «В подарок детям» Т. Жомартбаева (1912 г.), «Примерный ребенок» Спандияра Кубеева (1912 г.), «Правила правописания на казахском языке» И. Бейсенова (1914 г.) и др.

---

¹⁰ Остроумов Н. П. Исламоведение. Ташкент, 1914, с. 74.

¹¹ Бобровников Н. — Журнал Министерства народного просвещения, 1917, май, с. 68.

Третью группу составляют книги хозяйственного направления. Это сельскохозяйственные руководства по полеводству, ведению хозяйства и коммерции, ветеринарии, торговле. Например, «Промышленность и земледелие Тургайской области» (1903 г.), «О заразных болезнях животных» (1907 г.), «Маслодельческая машина» (1912 г.) и др.

К четвертой группе относятся книги социального направления, рассказывающие о тяжелой жизни бедняков-казахов, о беззакониях, творимых царскими чиновниками и баями по отношению к народу. Это произведения Машгур-Жусупа Копеева «Кому принадлежит Сары-Арка?» (1907 г.), А. Сабалова «Сум Заман» (1911 г.), «Мой бедный народ» Г. Галимжанова (1912 г.), Х. Садвакасова «Народные думы» (1915 г.) и др.

Пятая группа — это переводы восточных и русских классиков. Например, переводы Абая стихотворений и поэм А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, басен И. А. Крылова; переводы И. Алтынсарина рассказов Л. Толстого для детей, К. Д. Ушинского, Н. И. Паульсона «Индеец», «Сорока и ворона», «Доброе дитя», «Петр Великий перед судом» и др. Из восточных классиков — «Сорок визирей», «Тахир и Зухра», «Лейла — Меджнун», «Рустем — Дастан», отдельные рассказы «Тысячи и одной ночи» в переводе А. Сабалова, Б. Айтхожина, Ш. Жангирова и др.

Шестая группа — книги о бесправном положении казахских женщин в обществе, о их стремлении к равноправию и образованию. Это поэма «Гулькашима» М. Сералина (1903 г.), «Выбор девушек» Т. Жомартбаева (1912 г.), роман «Калым» С. Кубеева (1913 г.).

С ростом книгоиздания в казахской литературе появляются и новые жанры: роман, пьеса. Были написаны роман «Молодость и утраченная мечта» А. Жандыбаева (1907 г.), пьеса «Жертва невежества» К. Тогусова (1915 г.).

Рост революционной борьбы в России, усиление забастовочного движения на предприятиях края оказали прогрессивное влияние на пробуждение общественной мысли и создание демократической и социальной литературы. Это подтверждают сотни вышедших книг социально-демократического направления, издание на казахском языке нескольких газет и журнала и увеличение грамотности казахского населения.

В начале XX века крепнет демократическое направление в казахской литературе и печати. На сцену общественной жизни вышли новые казахские поэты и ученые, авторы оригинальных книг.

Но творчество некоторых из них не может быть оценено однозначно, так как подчас оно весьма сложное и противоречивое, представляет собой причудливое сочетание противоположных тенденций. Не случайно вокруг их имен долгое время кипели горячие споры. Одни склонны были приуменьшить их значение, другие же, напротив, некритически подходили к их наследию. Из этой группы так называемых «поэтов-книжников» мы охарактеризуем двух: Макыша Калтаева и Машгур-Жусупа Копеева.

Макыш (Машгур) Калтаев (1865—1916). Он родился и вырос в Акмолинской области, учился в мусульманской школе, затем в русской, после чего преподавал в медресе и пришел к выводу, что оно не дает детям нужных знаний, особенно по прикладным дисциплинам. М. Калтаев считал также необходимым очистить казахский язык от непонятных народу арабских слов, призвал учиться русскому языку.

В 1907 г. выходит его первая книга «Насихат казакия». Его перу принадлежат семь книг и два перевода на казахский язык. О своей трудной жизни выходца из семьи бедняка он рассказывает в книге «Прямая дорога» (1912 г.). В 1913 г. в Казани был опубликован первый сборник его стихов «Прошедшие события». В них он обличает знь, осуждает насилие и несправедливость, выступает за сближение с передовой частью русского общества.

В большинстве своих книг Калтаев рассматривает этические стороны воспитания и образования. Автор призывает к оседлости, занятию земледелием, требует от властей открыть больше школ, выпускать на родном языке больше книг и газет, и тогда, по его убеждению, казахский народ сможет обрести свободу и независимость.

Машгур-Жусуп Копеев (1857—1931). Его творчество многогранно. Им написано большое количество рукописей, часть из них была в свое время издана.

О литературном творчестве поэта в разное время высказывались различные мнения. Одни считали Машгура националистом или клерикалом-идеалистом, другие —

демократом-просветителем, собирателем устного народного творчества.

М. Копсев закончил в Павлодаре медресе и поступил в высшую мусульманскую школу в Бухаре, где изучал арабский и персидский языки, что позволило ему прочесть в подлиннике произведения Фирдоуси, Низами, Хафиза и Навои. Он долгое время путешествовал по Средней Азии и Казахстану, во время своих странствий встречался с чиновниками, волостными и баями. Их невежество и самодурство послужило ему темой для сатиры. В 1881 г. он познакомился с известным тюркологом В. В. Радловым, с которым потом его связывала всю жизнь дружба. «Если бы не он, то многие поэмы и песни казахского народа были бы забыты», — писал Копсеев.

В 1907 г. в Казани в типографии Хусаннова были напечатаны сразу три книги М. Копеева: «Кому принадлежит Сары-Арка?», «Житье-бытье», «Уроки жизни». В этих работах он пишет о тяжелом положении бедняков в аулах, о гнете баев-полуфеодалов и царских чиновников, о необходимости политической и духовной свободы для казахского народа, открытии школ и медрес, о свободе слова и отмене цензуры для печати.

Особо яркую политическую окраску получили общественные взгляды Машгура в период революции 1905—1907 гг. Он разоблачает лживость царского манифеста, который фактически ничего не дал угнетенным народам и трудовому населению России. В результате две книги Копеева за острую критику и разоблачение царизма и местной знати, как вредные и социально опасные произведения, подверглись конфискации, а сам автор — преследованию в уголовном порядке.

Но в то же время выход из бедственного положения народа Копсеев видел не в борьбе, а в апелляциях к милосердию «белого царя» и вере в могущество Аллаха. Такая двойственность приглушала социальное звучание его произведений.

Мухамеджан Сералин (1872—1929). Его считали одним из основоположников казахской журналистики. Сералин родился в ауле Карабалык Кустанайской области. Семья рано потеряла отца, и мать с детьми была вынуждена переехать в Троицк, где Мухамеджан поступил на работу. Благодаря трудолюбию и способностям, он одновременно учится в школе, успешно ее заканчивает и начинает писать заметки в газету «Дала уаяяты».

В начале XX века в казахской литературе усиливаются гражданские настроения, все настойчивее звучат мотивы борьбы со старым во имя новых и прогрессивных идеалов. Сералин разделяет эти идеи. В 1900 г. типография «Ярдам» в Троицке издает его историческую поэму «Топжарган». В ней он смело разоблачает произвол, насилие и злодеяния Кенесары Касымова. Изображенные исторические события оцениваются с демократических позиций. В 1903 г. выходит его поэма «Гулькашима», в которой он сочувственно описывает бесправное положение казахской женщины. В своих произведениях Сералин выступает как общественный деятель, который возлагает большие надежды в деле перемены судьбы народа на просвещение. Своих единомышленников он сгруппировал вокруг организованного им в 1911 г. журнала «Айкап», который взял на себя задачу «пробудить народ, указать ему пути к прогрессу» (1911, № 7, с. 2). Этот журнал, издававшийся в 1911—1915 гг., сыграл большую роль в развитии общественной мысли края. В нем активно сотрудничало немало известных писателей того времени, публиковались статьи о культуре и просвещении, создании для казахов школ нового типа, расширении сети учебных заведений, о жизни и быте казахского аула. По многим вопросам журнал занимал мелкобуржуазные позиции.

В 1919 г. Сералин стал работать в газете «Ушкын» («Искра»), органе военно-революционного комитета большевиков в Оренбурге. С 1922 по 1924 гг. он возглавлял Кустанайскую газету «Аул», на страницах которой не раз появлялись стихи Бейимбета Майлина. Это был период восстановления народного хозяйства страны, пропаганды идей ленинской статьи «О кооперации», активного вовлечения крестьян в общественную жизнь. В связи с этим в газете одним из ведущих был отдел сельского хозяйства.

В 1924 г. Сералин участвовал в похоронах В. И. Ленина. Свои впечатления он написал в очерке «Траурные дни». При всей своей непоследовательности и колебаниях М. Сералин оставил яркий след в развитии общественной мысли Казахстана, особенно демократической печати.

Спандияр Кубеев (1878—1956). Он родом из Кустанайской области, в 1887—1895 гг. учился в волостной начальной школе, затем в двухгодичной русско-киргиз-

ской. После чего окончил годичные педагогические курсы в Кустанае и с 1900 г. стал работать учителем в волостной начальной школе, а потом в русско-казахской в Петропавловске. В конце жизни он преподавал в родном ауле Мендикара. С. Кубеев награжден орденом Ленина и ему одному из первых было присвоено звание заслуженный учитель Казахской ССР.

Кубеев, продолжая просветительские традиции Алтынсарина и Абая, пишет учебник для детей «Примерный ребенок». В 1910 г. в Казани выходит несколько его книг: «Образцовый перевод» и переводы русских классиков, в том числе басен И. А. Крылова. В 1913 г. был опубликован его антифеодальный роман «Калым», который обеспечил ему имя первого прозаика Казахстана. В нем он дает образ молодой казашки, выступившей против отсталых традиций, которые закабалляли женщину и закрывали ей дорогу к счастью.

Спандияр Кубеев принадлежал к плеяде демократов-просветителей пачала XX века, сделавших значительный вклад в дело развития общественной мысли и прогресса в казахской степи.

Таир Жомартбаев (1884—1937). Он вырос в семье бедняка-скотовода Семипалатинской губернии. По воспоминаниям Таира, до 12 лет он жил в ауле и учился в местной школе, затем трудился по найму в Семипалатинске у богача Зулкарнаева, а в свободное время посещал казахскую школу. С 20 лет учительствовал в ауле, в возрасте 27 лет уехал в Уфу. В 1911 г. он заканчивает медресе «Галия», готовившее учителей, и возвращается в родные места.

В поэзии Жомартбаев следовал творческим принципам своего великого учителя Абая Кунанбаева. В 1912 г. в Семипалатинске выходит его первый роман «Выбор девиц». Идея романа — становление самосознания казахского народа под влиянием революции 1905—1907 гг. В романе широко затрагиваются вопросы народного образования и женского равноправия. Они раскрыты через судьбу главной героини — Гайникамал. Впервые в казахской литературе героиней становится казашка, восставшая против обычаев, угнетающих женщину. Гайникамал, вопреки адату, едет учиться в Уфу, заканчивает учительскую семинарию и становится педагогом, просвещает народ. Она выходит замуж за любимого человека. Автор рисует героиню умной, смелой, находчивой, в

ее образе собраны лучшие черты, присущие казахским женщинам, — свободолюбие, трудолюбие, верность и целеустремленность. В романе показана женщина, которая добивается счастья не только для себя, она считает своим долгом бороться за счастье всего народа, отдает все силы и знания просвещению юношей и девушек.

В 1912 г. выходит еще одна книга Жомартбаева «Плоды для детей». В ней он признает себя учеником великого Абая. В сборник вошли стихи о школе, воспитании и учебе. Здесь же имеется перевод рассказа Л. Н. Толстого «Справедливый суд». Таир Жомартбаев был видным представителем общественной мысли Казахстана начала XX века.

Сабит Донентаев (1894—1933). Он уроженец также Семипалатинской губернии. С детства увлекался литературой, читал Абая, Тукая, Пушкина, Крылова. Под влиянием поэзии Абая Сабит начинает писать стихи. В 1913 г. они появились в журнале «Айкап». В возрасте 21 года он печатает в Уфе свой первый сборник стихов «Уак-туйек». Они написаны под влиянием нарастающего недовольства самодержавием в связи с усилением колониального гнета, под влиянием первой мировой войны. Книга Донентаева проникнута патриотизмом и любовью к родной земле, он одним из первых рисует тяжелую жизнь казахов-рабочих.

Сабит Донентаев был талантливым поэтом, его творчество направлено против социального неравенства, в защиту трудящихся. Он верил в будущую счастливую и свободную жизнь своего народа.

Султанмахмут Торайгыров (1893—1920). Он происходил из батрацкой семьи Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. В раннем возрасте лишился матери, его воспитывала престарелая бабушка, с 1902 по 1908 год учился у муллы, затем в медресе. Эти временные занятия и скудные познания не удовлетворяют молодого поэта. В 1913 г. он едет учиться в Троицк, после чего возвращается в родные места и работает учителем в местных школах. В 1916 г. Султанмахмут отправляется в Омск, где получает русское образование.

Во время пребывания в Троицке он начинает сотрудничать в журнале «Айкап», в котором печатаются его статьи: «О книгах на казахском языке», «Письма, пришедшие в редакцию», «Кто они?» В них преобладают демократическо-просветительские элементы, он выступа-

ет на стороне немущих, бичует несправедливость и насилие, зовет к просвещению. Позже Торайгыров публикует свои стихи, очерки и рассказы в других журналах. Например, статьи «Молодое сердце» («Сары-Арка», 1917, № 15, 19 сентября), «О социализме» («Абай», 1918, № 3). В последней статье он призывает казахских трудящихся встать в ряды мирового пролетариата и вести совместную борьбу против всеобщего врага — капитализма. Он верно подмечает, что передовая техника и наука в Европе служат интересам отдельных людей, а не прогрессу всех классов, надо овладеть знаниями и тогда в течение 20—30 лет мы догоним высокоразвитые капиталистические страны. В то же время он высказывает много суждений, не вполне согласованных с научной истиной.

Поэт с воодушевлением воспринял победу Великого Октября. Когда в 1918 г. казахские националисты хулили большевистскую власть, а в Семипалатинске свирепствовали банды Колчака, Султанмахмут опубликовал свое стихотворение «Наяву ли это или во сне?». В нем автор приветствует революцию, призывает народ сплотить свои силы в борьбе за справедливую власть трудящихся. Он писал: «Нет такой силы и ума в мире, что может противостоять народу, вооруженному революционными идеями русского народа».

Творчество Торайгырова было сложным и противоречивым. Некоторое время он находился под влиянием буржуазных националистов, о чем писал в своих замечательных поэмах «Жизнь в заблуждении», «Бедняк». В них он глубоко раскрыл противоречия современной жизни, показал бедствия и страдания казахской бедноты. Ненавидя всей душой феодалов-баев, Торайгыров убеждал людей в невозможности избавления от бедности, пока господствуют эксплуататоры, и полагал, что только установление социальной справедливости поможет покончить с ней. Как выразитель интересов аульной бедноты, он стихийно шел к социализму.

В 1922 г. издательство «Татарстан» печатает его сборник «Заблудший мир», в который вошла и поэма «Бедняк». Сборники произведений С. Торайгырова в советское время издавались дважды: в 1933 и 1950 г. в Алма-Ате.

Произведения Торайгырова открывают новую страницу в развитии общественной мысли казахского наро-

да, продолжая ее демократическое направление. В первые 20 лет XX века в истории казахской общественной мысли развернулась бескомпромиссная борьба между демократическо-просветительским и буржуазно-националистическим направлениями, которая завершилась победой прогрессивного, демократического крыла.

* * *

Революционная волна, всколыхнувшая центральную Россию в начале века, не могла не отразиться на ее национальных окраинах, на судьбах угнетенных, лишенных политических прав и свобод народов. В начале XX века, по словам В. И. Ленина, отмечается бурное развитие безцензурной литературы. По подсчету известного библиографа Н. А. Рубакина, в России в то время действовало 96 типографий, вышло свыше 50 000 названий книг революционно-демократического направления. Этот быстрый рост прогрессивно-демократической литературы отразился на общественной жизни Казахстана. С начала XX века вплоть до 1917 г. на казахском языке вышли книги около четырехсот авторов, большинство книг освещало общественную жизнь того времени. В них затрагивались вопросы о национальной свободе, политическом равноправии, свободе вероисповедания, эмансипации женщины, об образовании и открытии новых школ, о борьбе с царизмом и существующим общественным порядком, о путях прогресса нации.

Царская цензура чинила препятствия изданию и распространению общественно-политических книг, устраивала гонения на авторов. Свидетельством преследования передовых казахских авторов служат пожелтевшие от времени архивные документы. Например, обнаруженное нами в архивах Казани письмо от 5 марта 1913 г. председателю Временного комитета по печати Казанского жандармского управления гласит: «Уважаемый господин, на ваше имя посылаем список книг на киргизском (казахском.— А. Ж.) языке, изданных в Казани. Это изданные в типографии братьев Каримовых книги: «Моя бедная нация», «Течение», «Детская книжка», «Наставления казахам», «Пример», «Утренняя звезда», «Ласточка», «Уголок библиотеки», «Подарок казахским детям», «Образец литературы»; изданные в типографии Хусаинова: «Моя молодость», «Неудовольствие», «Пережитое нами в нашей долгой жизни». Указанные книги

направлены против правительства. Книги Юсуфа Куфяева «Настоящее желание казахов» и книга «Хал-ахуал» («Житье-бытье») были конфискованы...»¹²

К этому письму прилагаются выдержки из отдельных книг, носящие революционный характер и говорящие об отсталости и политическом бесправии казахского народа. Приводим несколько отрывков из письма. «„Моя бедная нация“— автор Галиулла Галимжанов, издатели братья Каримовы, Казань, 1912 г. На глазах культурных народов мы находимся в жалкой роли. Все лучшее у нас выхватывают из рук. Где мужественные люди, которые могут отдать жизнь за свой народ? Сколько можно терпеть притеснения от баев? Волостные сеют рознь в наших рядах, не дают сплотиться народу... (6—7 стр.); „Течение“— автор Арыстангали Беркалиев, Казань, типография Каримовых, 1912 г. Проснись, казах! Переплыви чрссз океан невежества. Над нами сгустился туман... придут светлые дни (стр. 8); „Шолпан“ („Утренняя звезда“)— автор Дуйсембаев, Казань, типография Каримовых, 1912 г. Думай о печалях и горестях своей нации! Пусть наш отсталый народ широко расправит свои крылья. Поверни свое лицо к науке, к свету. Родится ли справа солнце, а слева луна? Давайте объединимся в деле. От капли образуется море, появится ветер, поднимутся волны... откроются новые школы, народ будет жить в дружбе и единстве... (12—13 стр.); „Подарок казахским детям“— автор Абдукарим Мажитов, Казань, типография Каримовых, 1910 г. Долго ли наш народ будет хранить молчание, кипит кровь от того, что никто не поднимает головы, кто ниже казахов, есть ли души, болеющие за то, или мы будем и впредь бороться и враждовать между собой. Давайте объединяться, поднимать просветительную работу, нет дороги другой, как путь к науке и прогрессу. Берите пример у других передовых народов, нам нужна подлинная свобода! Без своих книг, типографий вечно будем жить в невежестве и темноте. У других народов много типографий, умные люди, собирайте средства на открытие новых школ, библиотек и типографий... (16—18 стр.)».

Политические и социальные мотивы, содержащиеся в этих книгах, жандармерия признала опасными и вредными для существующего строя. Для усиления борьбы с

---

¹² Архив Казанского комитета по печати, ф. 420, оп. 1, д. 12.

вредными и социально опасными книгами царизм, кроме цензуры, организует при Казанском комитете по делам печати специальную комиссию и подключает для быстрого исполнения полицию.

Комитет по печати в секретном письме от 12 октября 1913 г. в Казанское губернское жандармское управление докладывает: «Ваше превосходительство, на ваше письмо от 5 марта и дополнительную записку от 11 марта, а также на вашу записку от 2 апреля присылаем отрывки на русском языке из пяти киргизских (казахских.— А. Ж.) книг в переводе проф. Катанова: «Мой бедный народ», автор Галиулла Галимжанов; «Образец литературы», автор Ишенгали Байшуаков; «Пережитое нами в нашей долгой жизни», автор Юсуф Куфяев.

Исходя из содержания, комитет принял решение по каждой книге в отдельности. „Мой бедный народ“ написана тенденциозно, вредно, такой же характер носят книги: „Наставления казахам“, „Образец литературы“ и „Ласточка“. А что касается книги Юсуфа Куфяева „Пережитое нами в нашей долгой жизни“, то она попадает под статью 129 пункт 6 уголовного кодекса закона и Комитет налагает на нее арест, а автора в соответствии с вышеупомянутой статьей закона решил привлечь к судебной ответственности»¹³.

После этого решения на владельца типографии Хусаинова был наложен крупный денежный штраф, а властям дано указание о привлечении к уголовной ответственности Машгура-Жусупа Копеева.

Разумеется, такие слова, встречающиеся в казахских книгах, как «необходимо применять систему уравнильных выборов», «над головой висят черные тучи», «давайте объединимся», «нам нужна свобода», «кто угнетает нас», «нам нужна книга, нам нужна безцензурная печать», «нам нужны школы», «из капли образуется море, поднимутся волны», «возвратим отобранные наши земли!» и т. д. смертельно пугали правительство. В ответ начались репрессии на окраинах. И здесь также применялась 129 статья, практикуемая против авторов в центральной России, книги которых подрывали существующий строй. Царские власти, как видно из документов, старались задуть свободолобивые мысли малых

---

¹³ См.: Архив Казанского комитета по печати, ф. 420, оп. 1, д. 12, л. 55—56.

народов, подвергали конфискации демократические книги, привлекали к суду авторов и издателей, но они не в силах были потушить огонь свободы и рост демократического сознания людей.

Можно без преувеличения сказать, что казахские книги, изданные в начале XX века, были зеркалом общественного мировоззрения того времени, лучшие из них звали к борьбе за социальную справедливость. Этот период в истории казахской книги и общественной мысли подготовил почву для появления марксистской литературы и советской книги.

* * *

«Книгу прошлого мы ценим во имя настоящего и будущего», — отмечал член-корреспондент АН СССР, проф. А. А. Сидоров. Без прошлого нет настоящего, а без настоящего и нет будущего! Достижения современного общества наиболее ощутимы при сравнении с прошлым. Если при царизме малые народы, так называемые «инородцы» или «туземцы», не имели возможности для широкого развития своей печатной культуры, то в условиях социализма казахский народ обрел все для всестороннего духовного развития. Доказательство тому — ежегодные миллионные тиражи книг на казахском языке.

Развитие казахской книги от первых рукописей до печатной книги, эволюционный путь ее содержания от религиозного и общетематического до прогрессивного, демократического способствовали социальному и политическому пробуждению казахского народа. Книга открыла путь к передовой общественно-политической, революционной мысли эпохи. Она и сейчас является могучим орудием политической и идеологической борьбы, распространения знаний, образования и воспитания. К ней можно полностью отнести те задачи, которые наша партия ставит перед идеологической сферой. **«Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека»¹⁴.** Таким образом, советская книга служит интересам народа и тесно связана с его жизнью.

---

¹⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 91.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПИСЬМЕН- НОСТИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТА- НА	7
1.1. Истоки письма	—
1.2. Древнетюркская письменность (VI—IX вв.)	9
1.3. Переход от арабского алфавита к латинскому и приня- тие русской графики	18
Глава 2. ДРЕВНЕЙШИЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ, ЭПИЧЕ- СКИЕ СКАЗАНИЯ И КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЕНЫХ, ПОЭТОВ И МЫСЛИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХ- СТАНА	23
2.1. Степень изученности и классификация древнейших тюрк- ских рукописей	24
2.2. Происхождение и принадлежность культурного насле- дия народов Средней Азии и Казахстана	28
2.3. «Огуз-наме»	32
2.4. «Книга назидания»	37
2.5. «Записки из крепости Миран»	40
2.6. Книга о патриархе Коркуте	46
2.7. Рукописи о Коруглы-султানে. «Манас» и его истоки. «Кодекс куманикус»	57
2.8. Переход от древних рукописей и манускриптов к про- изведениям великих мыслителей и поэтов народов Сред- ней Азии и Казахстана	63
Глава 3. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОЙ ПЕ- ЧАТНОЙ КНИГИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА	77
3.1. Исторические предпосылки появления печатной книги.	—
3.2. Казань — центр издания в России книг на восточных языках	82
3.3. Печатание казахских книг в различных городах России	99
3.4. Авторы, собиратели, издатели казахской книги. Наибо- лее значительные печатные произведения	105
Глава 4. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КАЗАХ- СКОЙ КНИГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	122
4.1. Книги консервативного и прогрессивного направления	—
4.2. Развитие казахской книги в начале XX века	131